

2022

Volume 8

No 4 (32)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2022

Том 8

№ 4 (32)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 106 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ № 22161. Дата выхода в свет 30.12.2022. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- С. В. Алоэ** – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)
Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)
Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)
И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)
В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)
И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)
Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)
И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)
А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)
Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Kazenkov O. Y.**

Viktor Chernov in 1917–1920: touches to a political biography 362

Semina L. I., Akopova T. S.

Influence of COVID-19 on the socio-political situation in the Republic of Korea 374

Timofeeva L. N.

The culture of limiting communicative violence in proxy wars 382

SOCIOLOGY**Mikhailova E. V., Ovchinnikova N. V.**

Social self-determination, life practices and economic aspects of preparing women aged 45–57 for retirement 390

Noskova O. P.

Public solidarity during a pandemic: international experience 404

PHILOLOGY**Borisova E. G.**

Russian Particle Prosto ('Simply'): the Expansion of Functions 416

Zhulidov S. B., Zolotova M. V., Ivanov S. S.

Representation of the literary protagonist's figure and its authorial characterization in translation (exemplified by American prose) 424

Antonova L. G., Ryzhenkova K. A.

Genre experiments of bloggers in the Internet environment and socio-cultural support of the user 442

Rodina N. A.

Secondary anthroponymic nomination of Russian servicemen: structural and semantic features of call signs 450

ПОЛИТОЛОГИЯ**Казенков О. Ю.**

Виктор Чернов в 1917–1920 гг.: штрихи к политической биографии 362

Семина Л. И., Акопова Т. С.

Влияние COVID-19 на социально-политическую ситуацию в Республике Корея..... 374

Тимофеева Л. Н.

Культура ограничения коммуникативного насилия в прокси-войнах 382

СОЦИОЛОГИЯ**Михайлова Е. В., Овчинникова Н. В.**

Социальное самоопределение, жизненные практики и экономические аспекты подготовки к пенсии женщин 45–57 лет 390

Носкова О. П.

Общественная солидарность в период пандемии: международный опыт 404

ФИЛОЛОГИЯ**Борисова Е. Г.**

Частица «просто»: расширение функций..... 416

Жулидов С. Б., Золотова М. В., Иванов С. С.

Отображение художественного образа героя и его авторской характеристики в переводе (на материале американской прозы) 424

Антонова Л. Г., Рыженкова К. А.

Жанровые опыты блогеров в интернет-среде и социокультурное сопровождение пользователя 442

Родина Н. А.

Вторичная антропонимическая номинация русских военнослужащих: структурно-семантические особенности позывных..... 450

Viktor Chernov in 1917–1920: touches to a political biography

O. Y. Kazenkov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-362-373

Research article
Full text in Russian

The article examines the hard path of Viktor Mikhailovich Chernov one of the founders of the Party of Socialist Revolutionaries (SRS) in the revolutionary period of 1917–1918. The article focuses on the connection of V. M. Chernov's practical policy with the political principles and plans for the transformation of Russia formulated by him during his emigration. The inconsistency in the policy of V. M. Chernov in the post-revolutionary period is proved, as this became one of the important factors of the crisis of the Socialist-Revolutionary party. The author believes that V. M. Chernov in his ideas about the political process in Russia remained in thrall to the traditions of the narodniks, which largely distinguished V. M. Chernov from the leader of the Bolsheviks V. I. Lenin. The author shows that the split in the Socialist-Revolutionary party was largely due to the issue of the Russia's continuation of participation in the First World War. V. M. Chernov was until May 1917 in the position of the decisions of the conference in Zimmerwald, but under pressure from the right wing of the Socialist-Revolutionary party he abandoned the principles of Zimmerwald, consolidating on the military issue with A. Kerensky. Chernov fundamentally disagreed with the Bolsheviks on the issue of nationalization of enterprises, which he actively opposed.

Keywords: Social Revolutionaries; February Revolution of 1917; October Revolution of 1917; Constituent Assembly; V. M. Chernov; Marxism in Russia; left opposition to the Bolsheviks; political strategy of the Social Revolutionaries

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazenkov, Oleg Y. | E-mail: o.kazenkov@gmail.com

For citation: Kazenkov O. Y. Viktor Chernov in 1917–1920: touches to a political biography // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 362-373. (in Russ.)

Виктор Чернов в 1917–1920 гг.: штрихи к политической биографии

О. Ю. Казенков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-362-373
УДК 329

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается сложный путь Виктора Михайловича Чернова, который был одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров), в революционный период 1917–1920 гг. В статье внимание фокусируется на связи практической политики В. М. Чернова со сформулированными им в эмиграции политическими принципами и планами преобразований России. Доказывается непоследовательность в политике В. М. Чернова в пореволюционный период, что стало одним из важных факторов кризиса партии эсеров. Автор считает, что В. М. Чернов в своих представлениях о политическом процессе в России остался в плену традиций народников, что в значительной степени отличало В. М. Чернова от лидера большевиков В. И. Ленина. Автор показывает, что раскол в партии эсеров произошел во многом из-за вопроса продолжения участия России в Первой мировой войне. До мая 1917 г. В. М. Чернов находился на позициях решений конференции в Циммервальде, но под давлением правого крыла партии эсеров отказался от принципов Циммервальде, консолидировавшись по военному вопросу с А. Керенским. В. М. Чернов принципиально расходился с большевиками по вопросу национализации предприятий, против чего он активно выступал.

Ключевые слова: эсеры; Февральская революция 1917 года; Октябрьская революция 1917 года; Учредительное собрание; В. М. Чернов; марксизм в России; левая оппозиция большевикам; политическая стратегия эсеров

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казенков, Олег Юрьевич | E-mail: o.kazenzkov@gmail.com
Почетный работник сферы образования Российской Федерации,
советник при ректорате

Для цитирования: Казенков О. Ю. Виктор Чернов в 1917–1920 гг.: штрихи к политической биографии // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 362-373.

Введение

В современной России пробуждается интерес к левым идеологическим течениям прошлого, давнего и относительно недавнего, что связано с переосмыслением советского опыта и того, что ему непосредственно предшествовало. Концепция построения социализма с «человеческим лицом» выглядит на сегодня не столь утопично на фоне тех заметных успехов, каких добился в экономике Китай. Трудно сказать, явилось ли экономическое чудо Китая результатом коммунистического

© Казенков О. Ю., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

выбора либо действия механизма новой глобальной экономики, но, так или иначе, факт остается фактом, демократический выбор в России в 1991–1993 гг. не привел нашу страну к тем же высотам в развитии, к каким пришел Китай, заметно отставший от СССР даже в конце 1980-х гг.

Разумеется, большинством россиян не ставится вопрос о необходимости восстановления СССР, но речь идет о заимствовании из советского прошлого многого в материальном и нематериальном аспектах. В этой связи изучение опыта политиков-марксистов и их теоретического наследия снова актуализировано в России [1; 2; 3; 4; 5].

Либеральным реформам в России предшествовала перестройка, но мало кто даже из историков сейчас понимает, что идеалы перестройки во многом перекликались с концепцией развития общества, выдвинутой много лет назад эсерами. Перестройка и НЭП оказались достаточно близкими явлениями, при этом НЭП стал в какой-то степени не только уступкой умеренным марксистам, но и признанием правоты последних, что Россия к тому времени не созрела для столь серьезных социальных экспериментов. Перестройка в определенной степени тоже явилась ответом на неудачи экономической политики 1950–1970-х гг., когда государство отказалось менять сущностные принципы развития, в частности, перейти к буржуазному закону рентабельности в экономике, частично отказавшись от доминирования марксистской теории стоимости в советской политической экономии, которая являлась не просто теорией, но и прямым руководством в практике. В конце 1950-х гг. советское руководство сделало ставку не на частичную реставрацию институтов буржуазного общества (предложение Г. М. Маленкова), а на технократическую модель экономического роста (эту политическую линию активно отстаивал Н. С. Хрущев), совмещенную с идеократическими принципами устройства общества [6].

У России были альтернативы в 1917 году и некоторое время после. Однако определение потенциалов этих альтернатив для развития российского общества в отечественной науке стало даваться сравнительно недавно. В этих оценках авторы продолжают отталкиваться от идеи, что высшим благом для общества в тех условиях было наращивание производства для преодоления отставания России от Запада. Свобода личности и защита ее от произвола по-прежнему недостаточно принимаются во внимание исследователями раннего советского периода как благо, к которому призывали эсеры и другие оппозиционные партии и течения.

Тема роли В. М. Чернова в ходе политических событий, связанных с Февральской и Октябрьской революциями, недостаточно изучена, в частности, мало освещена в литературе позиция В. М. Чернова по отношению к вопросу о вооруженной борьбе как с большевиками, так и с праворадикальной контрреволюцией. Связь моральных принципов и идеологических воззрений В. М. Чернова с его политической линией в пореволюционный период также недостаточно рассмотрена в российской историографии.

Целью настоящей статьи является исследование политического пути лидера эсеров В. М. Чернова в период революционных потрясений, включая гражданскую войну, с точки зрения противоречий отстаивавшихся им теоретических принципов и практики, а также выявление влияния этих противоречий на развитие партии социалистов-революционеров в рассматриваемый нами период. Из цели вытекают

следующие задачи: выявить принципиальные расхождения В. М. Чернова с большевиками и усиление этих расхождений на каждом этапе политической борьбы, рассмотреть идеологические основы концепции нового социально справедливого общества В. М. Чернова, изучить развитие раскола в партии эсеров, с точки зрения влияния на партию внешних для нее событий.

Мы применяем следующие методы исследования: проблемно-хронологический, генетический и биографический.

Изначальная идеологическая платформа построения социализма по В. М. Чернову

В. М. Чернов является одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров). Эта партия выросла из социал-демократии и народничества, отвергнув, правда, идею последнего об особом русском пути развития, который, однако, пролегает через длительный этап капитализма. В. М. Чернов стал в этой связи на близкую В. И. Ленину позицию быстрого перехода России от царизма к социализму. Режим династии Романовых прочно ассоциировался у В. М. Чернова и других лидеров эсеров с российским капитализмом.

В. М. Чернов, в отличие от Ленина, сомневался незадолго до Февральской революции, что массы в России созрели, чтобы перейти к стадии построения социализма, максимум, что могло произойти, как он считал, – это свержение самодержавия, за которым последовали бы преобразования в духе построения буржуазной демократии.

Первый съезд Партии социалистов-революционеров состоялся в декабре 1905 г. В выработанной на этом съезде программе в первую очередь была поставлена задача свержения самодержавия и построения демократического общества с защищенными гражданскими свободами и правами рабочего класса [7, с. 365]. При этом эсеры планировали через Государственную Думу проводить политику, которая должна была способствовать наступлению революционного периода. Практически до апреля 1917 г. борьба за политическую свободу оставалась приоритетной целью эсеров, пока В. М. Чернов не изменил стратегию партии, что выразилось в озвученном им принципе: передать землю крестьянам посредством парламентской борьбы [8, с. 13–14]. В канун Февральской революции В. М. Чернов активно разрабатывал тему сельскохозяйственной кооперации как инструмента перехода общества к социализму.

В своей концепции кооперативного движения в России В. М. Чернов не был оригинален: он заимствовал ее почти целиком из программы Ганноверского съезда немецких социал-демократов 1899 г. Эсеры и близкая им Социал-демократическая партия Германии развивали идеи Прудона, который рассматривался большевиками как социалист-утопист.

«Прудонизм» призывал к созданию самоуправляемых коммун рабочих, объединенных еще и в производственные кооперативы, продукция которых потреблялась бы самими рабочими. Однако в 1909 г. эсеры пошли дальше, заявив на проходившем в том году своем съезде в Лондоне, что кооперативы будут нести еще и функции политических организаций. Смысл политизации кооперативов В. М. Чернов указал в одной из своих дореволюционных работ: воспитание народных масс в демократическом духе [9, с. 23]. По сути, В. М. Чернов не верил в возможность по-

строения социализма в условиях отсутствия демократии. В то же время кооперация должна была стать орудием против распространения частной собственности на землю среди крестьянства, что должно было наступить сразу после буржуазной революции [10, с. 40, 43–44]. Таким образом, В. М. Чернов противопоставил концепцию автономии русского крестьянства большевистскому принципу централизации и национализации земли [Там же. С. 53].

Эксперимент с кооперацией на селе В. М. Чернов считал вполне перспективным, поскольку русский крестьянин веками жил в условиях общины, в рамках которой регулярно происходил передел земли. Здесь В. М. Чернов отказывается порывать с традицией народничества в политической мысли российских левых. Однако он понимал, что экономика русской деревни существенно изменилась с периода великих реформ, поэтому среди мер постреволюционных преобразований им называлось изменение земельных границ между коммунами, мера, направленная, по сути, против зажиточных крестьян, как и изъятие излишка земли, которую владелец не мог обработать, последняя мера была в пользу уничтожения поместий [11].

За социализацией земли, по В. М. Чернову, должна была последовать социализация собственности на средства производства и жилья в городах, они, как и земля в городах, должны были перейти в собственность муниципалитетов. Но произойти это должно было не сразу, социализации подлежали в первую очередь те предприятия, которые наиболее для этого подходили [7, с. 148–149]. В. М. Чернов опасался, что радикальные марксисты создадут централизованную систему управления промышленностью, которая будет напоминать больше империализм, нежели социально справедливое общество.

В. М. Чернов после Февраля

Как и В. И. Ленин, В. М. Чернов много лет прожил в политической эмиграции, преимущественно в Швейцарии. Уже к Циммервальдскому съезду (летом 1915 г. левые из разных стран решили организовать съезд для выработки своей позиции по вопросу войны и мира) у В. М. Чернова возникли подозрения, что его однопартийцы не совсем верно оценивают ситуацию в российском обществе, что касалось в основном вопроса отношения россиян к войне. В. М. Чернов считал, что патриотические настроения в российском обществе еще есть, поэтому он сомневался в выборе пораженческой позиции, на чем настаивало большинство лидеров эсеров. Соответственно, по вопросу о войне В. М. Чернов разошелся и с Лениным, но уже в Циммервальде В. М. Чернов отказался разделять взгляды большевиков на распределение тягот войны в обществе и на природу глобального конфликта, в развязывании которого Ленин однозначно обвинял крупный капитал, в то время как В. М. Чернов ставил на первое место интересы правивших династий.

После Февральской революции В. М. Чернов противопоставил большевистской концепции национализации свою социализацию, концепцию, созданную им в эмиграции. Получив пост министра сельского хозяйства во Временном правительстве, В. М. Чернов стремился реализовать эту идею.

Главной текущей проблемой после Февраля для России оставалась война. В. М. Чернов рассматривался спецслужбами Антанты в качестве пораженца из-за в первую очередь его подписи под декларацией конференции в Циммервальде. Однако после переговоров с британскими чиновниками В. М. Чернов выезжает в Рос-

сию на специальном пароходе, который эскортировали два английских катера, в Швецию, откуда на поезде через финский Торнио прибывает в Петроград. На британском пароходе в Россию отправились также эсеры-оборонцы Борис Савинков и Н. Д. Авксентьев (последний возглавит впоследствии в Сибири Директорию). Сразу после прибытия в Петроград В. М. Чернов показал неопределенность своей позиции по вопросу о продолжении войны, он встал на путь активного сотрудничества с Временным правительством, что означало, по сути, сход партии эсеров с пути революции. Правда, сам В. М. Чернов объяснил свое сотрудничество с буржуазными политиками, включая А. Керенского (к нему многие эсеры относились отрицательно), как шаг, направленный на спасение демократической революции [12, с. 372].

В военном вопросе В. М. Чернов выступил весной 1917 г. с резкой критикой министра иностранных дел, назвав его «Милюков Дарданельский» [13, с. 16]. В ходе политического кризиса конца апреля 1917 г., который стал ответом Петроградского совета на ноту П. Н. Милюкова по поводу российских целей войны, В. М. Чернов полностью поддержал антивоенные силы и сторонников оборонительной войны, призвав к отставке П. Н. Милюкова. Апрельские демонстрации окончательно привели В. М. Чернова к представлению необходимости формирования социалистического правительства, в котором представители буржуазных партий не занимали бы ведущей роли [12, с. 372]. В результате социалисты получили 6 портфелей из 15 после отставки П. Милюкова, но В. М. Чернов отказался от поста министра иностранных дел, потому что Временное правительство продолжало курс, который был далек от идеалов конференции в Циммервальде.

Однако на Третьем конгрессе партии эсеров (конец мая – начало июня 1917 г.) В. М. Чернов сам отверг решения в Циммервальде, поддержав группу центристов в рядах партии, эту группу возглавлял Абрам Гоц, который выступил с резолюцией о продолжении войны до победного конца и безоговорочной поддержки Англии и Франции, что означало одобрение наступательных планов Генерального штаба. В. М. Чернов поддержал резолюцию А. Гоца [14, с. 204]. Получалось, что кризис с отставкой П. Милюкова был спровоцирован петроградскими ультралевыми, когда на всероссийском конгрессе эсеров в Москве возобладала в ходе голосования за резолюцию А. Гоца позиция явно патриотического толка.

На Третьем съезде партии эсеров В. М. Чернов признал, что народные массы в России еще не созрели для продолжения революции, то есть ее перевода уже в социалистическую стадию. Этим и тем, что России угрожал полный коллапс, объяснялось сотрудничество эсеров с Временным правительством.

В день объявления о создании нового коалиционного правительства 5 мая 1917 г. В. М. Чернов в умеренном тоне высказался по поводу будущей аграрной политики (она должна была проводиться до созыва Учредительного собрания) и сделал акцент на перераспределении земельных ресурсов в пользу решения вопроса о росте производства продовольствия для всего народа [15, с. 1]. Тем не менее на Третьем съезде большинство партии эсеров высказалось за конфискацию излишков земли без выплат соответствующих компенсаций [14, с. 430–431] (под излишками имелись ввиду площади, которые индивид был не в состоянии обработать собственными руками). До Учредительного собрания вся земля должна была перейти в управление специальных сельских комитетов. Таким образом, эсеры в конце мая 1917 г. призвали к проведению революции на селе, что В. М. Чернов

одобрил. Однако основной удар в ходе этой революции, как следует из материалов съезда, должен был быть направлен против последствий столыпинской реформы и против созданного ею сегмента – зажиточного крестьянства.

На практике в конце июня 1917 г. В. М. Чернов в рамках своего министерства вернулся к идее восстановления крестьянской общины, в ряде случаев разрушенной реформами П. А. Столыпина [16, с. 237]. Правда, до Февральской революции вопрос общины не рассматривался В. М. Черновым и партией эсеров как существенный в их программе аграрных преобразований. Предпринятая в середине мая 1917 г. попытка В. М. Чернова ввести законодательный запрет на сделки с землей провалилась, так как в регионах население не было готово принять такой закон, но В. М. Чернов встретил здесь также возражения со стороны министра юстиции Переверзева, который тоже был эсером [16, с. 237]. Справа на В. М. Чернова наступал князь Г. Е. Львов, занимавший пост министра внутренних дел. Г. Е. Львов настоял на сохранении старых имперских законов в сфере регулирования землепользования, что вызвало недовольство многих крестьян Временным правительством. В итоге Г. Е. Львов подал в отставку, когда В. М. Чернов и эсеры получили явный перевес в правительстве, взяв аграрный вопрос в свои руки.

Война, которую В. М. Чернов не хотел, но вынужден был принять

В связи с тем, что к августу 1917 г. эсеры добились заметных успехов, оттеснив кадетов от власти, вполне понятно, почему А. Гоц и возглавленное им еще весной 1917 г. правое крыло партии выступили категорически против Октябрьской революции [17, р. 454]. В данных условиях В. М. Чернов не решается идти против партийного большинства, но и не желает принимать активное участие в организации сопротивления в Петрограде, предпочитая покинуть столицу (22 октября 1917 г.) под предлогом встречи с однопартийцами в Москве. Была еще и другая причина этого отъезда – В. М. Чернов планировал проехать из Москвы сразу на фронт, в район Могилева, чтобы вступить в переговоры с левыми военными.

Попытку вооруженного сопротивления большевикам возглавил Н. Д. Авксентьев, части, расквартированные в Петрограде, категорически отказались выступать на стороне эсеров, поэтому Н. Д. Авксентьев обратился к юнкерам, которые в большинстве своем поддерживали кадетов, это произошло уже 29 октября 1917 г., когда большевики в военном отношении имели преимущества в столице, выступление юнкеров закончилось катастрофически для последних.

В. М. Чернов мотивировал свой отказ от участия в сопротивлении большевистскому перевороту тем, что народ не поддержит идею спасения Временного правительства, которое утратило доверие масс. В этой связи В. М. Чернов намеревался создать новое правительство, состоящее из социалистов, но сделать он это хотел при помощи армии, для чего отправился в Могилев. Однако В. М. Чернов сделал это явно под давлением части однопартийцев и с надеждой, что инициатива по созданию нового правительства будет поддержана другими партиями.

В Могилеве В. М. Чернов начал осознавать, что опора на военных в лице Главного армейского комитета (его возглавлял капитан С. В. Перекрестов) приведет к конфронтации с другими политическими силами в стране. Поэтому в начале ноября 1917 г. Главный военный комитет сам отказывается от проекта создания нового правительства. Правда, не все было потеряно, военные надеялись на голос

В. М. Чернова, от которого должна была четко исходить инициатива по вопросу о новом правительстве, но В. М. Чернов решительно отказался от этого 10 ноября 1917 г., произошло это во многом под давлением А. Гоца и Н. Авксентьева [18, с. 9], которые специально прибыли в Могилев отговаривать Чернова от этого политического проекта и от плана провести Всероссийский крестьянский съезд в Могилеве. Н. Авксентьев убедил В. М. Чернова поддерживать А. Керенского, который обещал уступки эсерам. Правда, сам Авксентьев и, разумеется, В. М. Чернов понимали, что развитие линии на сотрудничество с А. Керенским быстро приведет к потере поддержки эсеров со стороны Советов. Впрочем, В. М. Чернов и его соратники были уверены, что они получат активную поддержку со стороны Всероссийского крестьянского съезда, который начал работу в Петрограде 10 ноября 1917 г. под председательством представителя левого крыла эсеров Марии Спиридоновой, правые эсеры отказались принимать участие в этом съезде.

В Петрограде на В. М. Чернова с критикой обрушился А. Зиновьев, обвинив лидера эсеров в попытке сговора с царскими генералами в Могилеве. А. Зиновьева поддержали левые эсеры, не поверившие заявлению В. М. Чернова, что тот в Могилеве пытался вместе с военными остановить начавшуюся в стране гражданскую войну [19, с. 345–346]. Правда, на Четвертом съезде партии эсеров В. М. Чернов выступал, несмотря на столь тяжелые обвинения в предательстве трудового народа, в качестве сопредседателя. На съезде со стороны правых эсеров В. М. Чернов был обвинен в «ударе ножом в спину» А. Керенскому [20, с. 91]. Правда, В. М. Чернов сумел удержать лидирующее положение в партии, потеснив Гоца.

То, что В. М. Чернов сохранил к декабрю 1917 г. лидирующее положение в партии, объяснимо еще и тем, что на тот момент он идейно сошелся с Гоцем и другими лидерами эсеров в вопросе борьбы с большевиками. Гоц находился на позиции организации вооруженных выступлений в случае разгона Учредительного собрания, такой же точки зрения придерживался в конце ноября 1917 г. В. М. Чернов, который выступил за защиту прав народа от узурпации [21].

На Четвертом съезде партии (декабрь 1917 г.) В. М. Чернов призвал к терпению и отказу от резких действий, тем более вооруженных. Он предложил эсерам выжидательную позицию, ждать, пока большевики не покажут свое истинное лицо, и массы от них не отвернутся. Большевиков и многих примкнувших к ним левых эсеров В. М. Чернов считал экстремистами. В этой связи он считал необходимым выступить с оружием в руках против большевиков, когда народные массы будут против их власти, в противном случае имелась угроза оказать таким вооруженным выступлением помощь в первую очередь силам контрреволюции [22]. Кроме того, на Четвертом съезде В. М. Чернов заявил, что террористические методы борьбы с большевиками категорически не допустимы, на первое место выдвигалась пропаганда как метод политической борьбы, особенно пропаганда, направленная на отвлечение от большевиков пролетариата.

Несмотря на свой пацифистский настрой, В. М. Чернов предложил в начале декабря 1917 г. Четвертому съезду партии эсеров направить усилия на защиту будущего Учредительного собрания, что встретило протесты со стороны левого крыла партии, вплоть до требований лишить В. М. Чернова права председательствовать. Несмотря на оппозицию слева, эсеры все-таки начали формирование Комитета обороны Учредительного собрания, который должен был работать в тесном контакте

с Военным комитетом партии эсеров [23, р. 336–349]. Но 18 декабря 1917 г. В. М. Чернов и ряд других лидеров эсеров были арестованы по приказу Ф. И. Дзержинского. Но, по настоянию Ленина, арестованные были отпущены, свою роль здесь сыграл новый министр юстиции РСФСР И. Н. Штайнберг, который был левым эсером. Ленин послушал совета И. Н. Штайнберга, последний также был настроен в пользу разрешения проведения Учредительного собрания.

Учредительное собрание было собрано 5 января 1918 г. в далеко не полном составе, большинство составляли эсеры, когда большевики даже в союзе с левыми эсерами оказались в меньшинстве. В. М. Чернов считал самым главным обсудить в ходе Учредительного собрания план аграрной реформы, точнее, его набросок. Однако большевики считали не менее актуальными и другие задачи, например, вопрос о мире. Но В. М. Чернов отверг идею сепаратных переговоров с Германией. Он также выступил в своей речи на Учредительном собрании против полного самоопределения наций, он считал необходимым сохранить Россию в границах 1914 г. – в форме федерации, но в старых границах. Советы В. М. Чернов поставил ниже Учредительного собрания, что означало юридическое принижение решений советских органов власти [24, р. 101].

Поворотным моментом, окончательно «похоронившим» Учредительное собрание, стал запрет для большевистской фракции объявить Декларацию о правах трудящихся и эксплуатируемых, в ответ большевики и левые эсеры покинули Учредительное собрание. Когда В. М. Чернов выступил с предложением рассмотреть вопрос об аграрной реформе, последовало знаменитое заявление: «Караул устал» [25, с. 366].

В конце мая 1918 г. в Москве проходила восьмая партийная конференция эсеров, на которой было принято решение в ответ на Брест-Литовский мир начать вооруженную борьбу с большевиками. Помимо Брест-Литовска, была и другая причина – разгон Учредительного собрания. В. М. Чернов уже не играл столь важную роль на этом съезде, как в декабре 1917 г. и 5 января 1918 г. После этой конференции В. М. Чернов был вынужден уйти в подполье, чтобы не попасть в руки ВЧК. Уже перед переходом на нелегальное положение В. М. Чернов выработал эсеровскую концепцию гражданской войны: провокация одного крестьянского восстания за другим, пока волна народных выступлений не захлестнет Россию и не сметет режим большевиков. Однако это нельзя назвать в полном смысле стратегией, это был только ее набросок. Для практической реализации плана свержения режима Ленина требовались вооруженные формирования. Народная армия Комуча была таковой, но она не являлась в полном смысле эсеровской, опираясь при этом на белочехов. К осени 1918 г., когда Лев Троцкий развернул свое знаменитое наступление в Поволжье, от Народной армии практически ничего не осталось.

На Уфимской конференции эсеров (сентябрь 1918 г.) В. М. Чернов из-за своей жесткой позиции по отношению к Сибирскому правительству и любым правым контрреволюционным формированиям теряет контроль над ситуацией в партии, где начинает доминировать Авксентьев, в значительной степени по инициативе которого была сформирована Директория, которая завершит свое существование 18 ноября 1918 г. в результате переворота, организованного в Омске сторонниками адмирала Колчака. Само это событие в Омске едва ли можно назвать переворотом, так как Директория была чуждой для сибиряков политической структурой, при-

шедшей к ним из Екатеринбурга, где местная буржуазия не хотела видеть у себя в городе лидеров эсеров.

В. М. Чернов уехал в Уфу, преследуя цель – противодействовать коалиции эсеров с правыми буржуазными партиями и группировками, которые он почти все считал антидемократическими, в первую очередь это касалось сил, стоявших за адмиралом Колчаком [24, р. 152]. В этой связи в ходе Уфимской конференции В. М. Чернов издал манифест, призывавший эсеров бороться как с большевиками, так и с белыми, так появилась идея третьей силы в Гражданской войне в России [25, с. 389]. Однако многие однопартийцы В. М. Чернова из правого крыла уже не желали его слушать, партия фактически развалилась.

В конце 1918 г. под влиянием во многом В. М. Чернова ЦК партии эсеров выработал позицию: отказ не только от вооруженной борьбы с большевиками, но и от сотрудничества с ними, а также курс на борьбу с правой реакцией.

За переворотом в Омске последовали преследования со стороны колчаковских спецслужб эсеров, в итоге В. М. Чернов был вынужден вернуться в Москву, побывав перед этим недолго под арестом у белых. Лишь заступничество белочешского генерала Гайды спасло тогда В. М. Чернова от расправы со стороны офицеров-монархистов.

6–8 февраля 1918 г. эсеры провели в Москве нелегальный съезд, важным решением которого была концепция свержения всех правых реакционных режимов в России [26]. По сути, это означало объединение с большевиками в один фронт. В этой связи неясными становятся мотивы и организационные механизмы покушений эсеров на Ленина и Володарского, причастность руководства партии эсеров к этим терактам отрицал А. Р. Гоц [27].

В мае 1920 г. после очередного осложнения отношений эсеров с режимом большевиков В. М. Чернов вынужден был покинуть Россию. Попытки восстановить партию на территории Эстонии потерпели неудачу из-за тяжелого финансового положения партии и внутренних разногласий [28, р. 124–125].

Заключение

Драма В. М. Чернова и трагедия многих эсеров, а также катастрофическое поражение этой партии во время Октябрьской революции и Гражданской войны стали следствием непоследовательности в политике лидеров этой партии, в частности самого В. М. Чернова, а также самого характера организации партии социалистов-революционеров. В. М. Чернов отказался поддерживать А. Ф. Керенского, вопреки мнению других лидеров партии. Но, даже отказавшись поддерживать идею движения России к демократии под властью Временного правительства, В. М. Чернов мог добиться успеха, прояви он решительность в вопросе поиска опоры в армии во время его краткого могилевского периода, но и этого не происходит.

В. М. Чернов отказался от поста министра иностранных дел, имея все шансы, получив эту должность, вывести свою партию вперед, но он был уверен, что и без этого эсеры будут удерживать лидерство, несмотря на углублявшийся экономический и политический кризис. В этом смысле В. М. Чернова подвело наследие народничества в его политическом мировоззрении. Согласно народникам, именно массы должны определять все, без их подъема революция немислима. В этой связи В. М. Чернов все надежды возложил на Учредительное собрание. В этом смысле

его оппонент – Ленин – оказался более прагматичен, официально он тоже декларировал определяющую роль народа в революционном процессе, но на практике опирался на агрессивное меньшинство. Жизнь показала, что якобинская, по своей сути, политическая стратегия Ленина оказалась верной, когда чисто русская стратегия социальной революции В. М. Чернова потерпела крах.

В. М. Чернов считал главным вопросом вопрос о земле, в то время как Ленин делал ставку на решение военной проблемы, или выхода России из Первой мировой войны. Эта проблема оказалась более актуальной для россиян, когда вопрос о земле, как справедливо считал Ленин, находился в процессе решения на местах, то есть в руках крестьянской стихии, противодействовать которой на раннем этапе социалистической революции Ленин не считал необходимым.

Ссылки

1. Куприянов В. А. Идея революции в русском и западном классическом либерализме // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общ. ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Н. Новгород, 2019. С. 266–268.
2. Лукьянов М. Н. Российская радикальная правая накануне Первой мировой войны глазами британского историка: заметки на полях книги Джорджа Джилберта «Радикальная правая в позднеимперской России: мечты о подлинном отечестве?» // Вестник Пермского университета. История. 2018. Выпуск 3 (42). С. 135–140.
3. Возилов В. В. «Левый» и «правый» радикализм в идеософии и практике русской интеллигенции в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 22–24.
4. Булдаков В. П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. 2020. № 2. С. 3–24.
5. Зверев В. В. Ленин: социализм, народники и мировая революция // Российская история. 2020. № 2. С. 31–34.
6. Попов Г. Г. Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950–1960-х гг.) // Terra Economicus. 2019. Т. 4. № 17. С. 113–128. DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128.
7. Партия социалистов-революционеров. Съезд (1 ; 1905). Протоколы Первого съезда Партии социалистов-революционеров / Партия социалистов-революционеров. Съезд (1; 1905). [СПб.: Красное знамя, 1906]. 590 с.
8. Чернов В. М. Аграрный вопрос и современный момент. М.: Земля и воля, 1917. 39 с.
9. Чернов В. М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. 291 с.
10. Чернов В. М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М.: Новое издательство, 1906. 90 с.
11. Чернов В. М. Разрушение общины и наша программа // Знамя труда. Июль 1911. № 37. С. 4–8.
12. Чернов В. М. Рождение революционной России (февральская революция). Париж: Юбилейный ком. по изданию тр. В. М. Чернова, 1934. 446 с.
13. Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин: З. И. Гржебин, 1922. 213 с.

14. Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве, 25 мая – 4 июня 1917 г.: (Стеногр. отчет). Петроград: ЦК Партии социалистов-революционеров, 1917. 502 с.
15. Вестник Временного правительства. 6 Мая 1917 г. № 49.
16. Чернов В. М. Великая русская революция: воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. М.: Центрполиграф, 2007. 428 с.
17. Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, March to October, 1917. New York: Columbia University Press, 1958. 521 p.
18. Семенов Г. Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. М.: Гос. изд-во, 1922. 39 с.
19. Чернов В. М. Перед бурей: воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 412 с.
20. Краткій отчетъ о работахъ Четвертаго Съезда Партіі соціалістовъ-революціонеровъ. (26 ноября – 6 декабря 1917 г.). Петроград: Центр. изд-во Партии социал-революционеров, 1918. 106 с.
21. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. В 3 т. Т. 3, ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / Сост., автор предисл., введ. и коммент. Н. Д. Ерофеев; отв. ред. В. В. Шелухаев. М.: РОССПЭН, 2000. 1055 с.
22. Чернов В. М. Из итогов прошлого опыта // Революционная Россия. Декабрь 1922. № 22. С. 4–5.
23. Radkey O. H. The Sickle Under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. «Studies of the Russian Institute». New York and London: Columbia University Press, 1963. 525 p.
24. Tchernoff O. New Horizons. Reminiscences of the Russian Revolution, translated from the French by C. Herbert. Westport: Hyperion Press, 1975. 250 p.
25. Чернов В. М. Перед бурей: [Мемуары лидера партии эсеров]. М.: Междунар. отношения, 1993. 406 с.
26. РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 1, л. 56; Дело народа. 1919. 20 марта.
27. Центральный Архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Н 1789. Т. 95. Л. 110.
28. Новиков А. П. В. М. Чернов и эсеровская эмиграция в начале 1920-х гг. // Новый исторический вестник. 2009. № 1. С. 118–127.

Influence of COVID-19 on the socio-political situation in the Republic of Korea

L. I. Semina¹, T. S. Akopova²

¹Institute of China and Contemporary Asia of Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117997, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-374-381

Research article
Full text in Russian

The article discusses factors that directly and indirectly affect the election process. Using the pandemic as an example, the authors show how relations between political authorities and population are developing under the pressure of crisis conditions, when political decisions either meet the needs of the population or contradict them, in the first case it creates a situation of stabilization, in the second - destabilization in the country. The evolution of population attitude towards the government at the beginning and during the spread of the disease has been changed, depending on the decisions made by the government, and influenced the results of the elections. It is emphasized that in the face of danger, it is possible to unite the nation and combine efforts with the authorities, however, as the situation worsens, the attitude towards the government increasingly depends on the measures that it takes in the process of social upheaval. The authors trace the chronology of events in South Korea during the pandemic, show the distribution of political forces, conduct a detailed analysis of the measures taken by the government, the legislative framework, and assess the degree of effectiveness of political decisions. The authors, in particular, highlight the fact that both the timely introduction of quarantine and its untimely removal, from voters' point of view, had a direct impact on them, while the number of cases during the pandemic had an indirect impact on the election results. The role of the Korean mentality and culture is also mentioned, as far as it ensured a high level of unity of the nation, the voluntary restriction of personal freedom demonstrated a high level of freedom of the South Korean society as a result of a voluntary choice.

Keywords: pandemic; crisis; trust in the government; direct and indirect affect; stabilization; Republic of Korea

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Semina, Lada I. | E-mail: semina@iccaras.ru
(correspondence author) | ORCID iD: 0000-0003-4413-3086
Deputy Director

Akopova, Tatiana S. | E-mail: t.akopova@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0003-0770-0758
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

For citation: Semina L. I., Akopova T. S. Influence of COVID-19 on the socio-political situation in the Republic of Korea // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 374-381. (in Russ.)

Влияние COVID-19 на социально-политическую ситуацию в Республике Корея

Л. И. Семина¹, Т. С. Аكوпова²

¹Центр корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН, Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-374-381
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются факторы, непосредственно и опосредованно влияющие на процессы выборов. На примере пандемии авторы показывают, как складываются отношения представителей политической власти и населения в кризисных условиях, когда политические решения либо соответствуют запросам населения, либо противостоят им, в первом случае создавая ситуацию стабилизации, во втором – дестабилизируя обстановку в стране. Отношение населения к правительству в начале и в процессе распространения заболевания менялось, в зависимости от принимаемых правительством решений, влияло на результаты выборов. Подчеркивается, что перед лицом опасности возможно сплочение нации и объединение с властью, однако по мере усугубления ситуации отношение к правительству все более зависит от мер, которые оно принимает в процессе социальных потрясений. Авторы прослеживают хронологию событий в Южной Корее во время пандемии, показывают распределение политических сил, проводят подробный анализ принимаемых правительством мер, законодательной базы, оценивают степень эффективности политических решений. Авторы, в частности, указывают на тот факт, что непосредственное влияние на избирателей оказало как своевременное введение карантина, так и несвоевременное, с их точки зрения, его снятие, в то время как число заболевших во время пандемии оказывало косвенное влияние на результаты выборов. Подчеркивается также роль корейского менталитета и культуры, которые обеспечили высокий уровень сплочения нации и добровольным ограничением личной свободы продемонстрировали высокий уровень свободы южнокорейского общества как результат добровольного выбора.

Ключевые слова: пандемия; кризис; доверие правительству; непосредственное; опосредованное влияние; стабилизация; Республика Корея

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семина, Лада Игоревна | E-mail: semina@iccaras.ru
(автор для корреспонденции) | ORCID iD: 0000-0003-4413-3086
Старший научный сотрудник

Акопова, Татьяна Сергеевна | E-mail: t.akopova@uniyar.ac.ru
| ORCID iD: 0000-0003-0770-0758
Кандидат социологических наук, доцент, декан факультета
социально-политических наук

Для цитирования: Семина Л. И., Аكوпова Т. С. Влияние COVID-19 на социально-политическую ситуацию в Республике Корея // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 374-381.

© Семина Л. И., Аكوпова Т. С., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Тяжёлые вызовы, такие как стихийные бедствия или экономические потрясения, могут повлиять на результаты выборов [1, с. 37–54]. Пандемия в данном случае не является исключением. Подобные события дают избирателям возможность узнать о реакции действующих властей на кризисные явления. Если избиратели понимают или ожидают, что руководство страны делает или будет делать то, что должно, можно ожидать положительного результата выборов для текущей власти [2; 3].

Согласно исследованиям МВФ [4], эпидемии в долгосрочной перспективе вызывают социальную нестабильность, хотя в краткосрочной перспективе и могут вызывать сплоченность населения перед серьёзной угрозой. Однако постепенно социальные проблемы усугубляются и могут привести к значительным шокам, вплоть до смены правительства. Ситуация в Республике Корея во время пандемии COVID-19 частично подтверждает данную точку зрения. На парламентских выборах в апреле 2020 г., в разгар эпидемии, правящая Демократическая партия «Тобуро» совместно с Народной партией «Тобуро» получила существенный перевес голосов (180 мандатов из 300). По оценкам южнокорейских ученых [5], на результаты данных выборов количество заболевших повлияло лишь опосредованно. Связующим звеном в данном случае является доверие к правительству, которое должным образом, с точки зрения избирателей, отреагировало на вызов. Оценка компетентности и честности руководства страны в вопросе принимаемых мер по защите населения от COVID-19 повлияла на результаты парламентских выборов 2020 г. Доверие к правительству определяет готовность граждан следовать тем решениям, которые принимает руководство страны.

Хронология событий в Южной Корее в начале эпидемии даёт возможность понять, какие меры и при какой ситуации были приняты. Первый случай заболевания COVID-19 в РК был зафиксирован 20 января. Карантин для въезжающих из провинции Хубэй был введён заблаговременно, ещё до появления первого случая: 3 января ввели обязательный скрининг для приезжающих из этого региона. Расширение карантинного списка стран в РК произошло 12 февраля, к нему добавились Гонконг и Макао. Первая смерть от коронавируса в Корее была зафиксирована 20 февраля. Первое закрытие части школ в некоторых городах было объявлено уже 3 февраля, когда число новых случаев достигло 15 в сутки. Однако массовое закрытие учебных заведений произошло 2 марта, когда в среднем в день выявляли около 500 новых случаев заболевания с пиком 29 февраля – 813 человек (3 марта уже был выявлен 851 случай, что является пиком первой волны). 4 марта 2020 года в РК был принят закон, согласно которому лица с подозрением на коронавирус, отказывающиеся от прохождения теста, должны быть привлечены к ответственности. Также действует закон, принятый до пандемии, согласно которому за нарушение карантина или режима госпитализации гражданину грозит штраф до 10 млн. вон (около 7,7 тыс. долларов¹) или тюремный срок до года [6]. По данным на 15 апреля 2020 г., день парламентских выборов в Южной Корее, в стране за весь предшествующий период COVID-19 был диагностирован у 10 591 гражданина [7]. Для сравнения, в соседней Японии к этому же дню было выявлено 8 645 больных² при населении в 2,4 раза больше.

Опыт Южной Кореи, которая смогла справиться с первой волной буквально за несколько недель [8], находясь на втором месте после Китая по количеству за-

¹ Посчитано по курсу на 02.08.2022.

² В Японии первый случай заболевания COVID-19 был зафиксирован 16 января.

ражённных, активно обсуждался в международных СМИ. Принятые меры казались эффективными, правительство страны активно делилось с другими странами своими экспертными рекомендациями. Такие медиа, как BBC News, CNN, The Washington Post, The Wall Street Journal, Bloomberg, Agence France-Presse, российские новостные агентства, дали положительную оценку принятых правительством РК мер и проводили аналитику их эффективности. Особенно привлекательным казалось то, что РК не прибегала к массовому локдауну [9], ограничившись лишь локальными карантинами там, где были выявлены случаи заболевания. Для борьбы с распространением эпидемии в Южной Корее пропагандировалась политика трёх «Т» (test – массовое тестирование, trace – отслеживание контактов заболевших, treat – своевременная помощь заболевшим) [10]. Правительство РК реагировало довольно оперативно, так как был жив в памяти негативный опыт с эпидемией MERS в 2015 году, но при этом сравнительно мягко, чтобы сохранить экономическую активность в стране.

Несмотря на то, что в начале эпидемии правительство РК подверглось критике из-за слишком запоздалого закрытия границ с Китаем, так как об эпидемии было известно, но сообщение не было приостановлено, открытая политика правительства [11] и оперативность принимаемых мер повысили доверие населения к руководству страны, что и показали парламентские выборы 2020 г. Успехи Южной Кореи в борьбе с коронавирусом в 2020 г. были отмечены и в пилотном Индексе COVID-19 [12], разработанном Кембриджским университетом для стран ОЭСР, где Южная Корея заняла первое место с показателем 0,9.

В апреле 2020 г. население страны не только проявило доверие к действующей власти, но и, согласно теории исследователей МВФ, сплотилось перед лицом угрозы. Президентские выборы 9 марта 2022 г. в Южной Корее, в соответствии с той же теорией, продемонстрировали раскол общества. Разница в количестве голосов у двух ведущих кандидатов составила менее 1 %, и победу одержал Юн Сок Ёль, представитель консервативной партии «Сила народа». Выборы были непростыми, как и внутрипартийная обстановка, которая, безусловно, сильно повлияла на результаты. Что касается опосредованного влияния пандемии, то выборы проходили в самый сильный её пик – уже во второй половине февраля 2022 г. начали регистрировать сотни тысяч новых случаев заболевших в сутки, что не идет ни в какое сравнение с предыдущими волнами пандемии. Такой активный рост заболеваемости списывали на слишком раннее снятие ограничений правительством Республики Корея, предполагая, что это были популистские меры перед президентскими выборами.

Таким образом, снятие ограничений в ноябре 2021 г., после которого началась новая волна пандемии, подорвало доверие граждан к правительству. Из-за растущего числа заболевших правительству уже 18 декабря того же года пришлось заново вводить ограничительные меры, сокращающие часы работы мест общественного питания и устанавливающие лимит на количество участников частных собраний. При этом речь идет не об объективной эффективности тех или иных мер, так как ограничительные меры начали снимать только, когда более 70 % населения было вакцинировано. Этот порог должен был обеспечить коллективный иммунитет, поэтому действия руководства страны основывались на данных учёных. Однако начало 2022 г. во всем мире охарактеризовалось новой, более сильной волной заболеваемости COVID-19, которую связывали с тем, что господствующий на тот момент штамм «омикрон» имеет более высокую контагиозность, чем предыдущие штаммы, а также

с тем, что вакцинация снизила осмотрительность людей и они перестали соблюдать элементарные меры предосторожности.

Наряду с принятыми правительством Мун Чжэ Ина мерами, стоит отметить и готовность корейской медицинской системы к подобным сценариям из-за опыта³ с эпидемией SARS и MERS во времена президентства Пак Кын Хе. Говоря об особой готовности, мы имеем в виду принятый в 2016 г. закон, позволяющий применять незарегистрированные в стране наборы для диагностики *in vitro* в экстренных ситуациях, что и позволило, избегая бюрократических проволочек, начать массовое тестирование практически сразу. Кроме того, был дополнен закон о контроле и профилактике инфекционных заболеваний, в котором появилась статья о публичном раскрытии информации. Т. е. предыдущий опыт подготовил для Южной Кореи законодательную базу для быстрого реагирования в случае эпидемии.

Если при крупном рассмотрении принятые ограничения и законы встречают понимание населения, которое отражается на результатах выборов (поддержка во время парламентских выборов и раскол после роста заболеваемости, который связывают с отменой ограничений), то при изучении ситуации более локально отмечаются негативные явления от принятых антиковидных мер.

Стоит отметить, что рекомендованная во всех странах социальная дистанция могла иметь негативные последствия в социальном плане для РК. В южнокорейской культуре имеют большое значение корпоративные ужины и деловые встречи. Социальное дистанцирование сократило подобные встречи до минимума. Однако отделить экономические последствия, вызванные самим кризисом, от влияния изменений корпоративной культуры сложно. Можно упомянуть, что в южнокорейской культуре есть три важных понятия в бизнесе: «хвесик», «кибун» и «нунчхи⁴». «Хвесик» – корпоративный неформальный ужин, нацеленный на сближение коллектива, отмечался экспертами как негативный фактор корпоративной культуры, так как эти ужины были «добровольно-принудительными» и сопровождалась большим количеством алкоголя. В последние годы их стали заменять более здоровыми тимбилдингами, спортивными мероприятиями. Поэтому, с одной стороны, пандемия может способствовать исчезновению негативной культуры совместного добровольно-принудительного распития спиртного, но, с другой стороны, она рушит и здоровое общение коллектива в неформальной обстановке, которое необходимо для эффективной и гармоничной работы компаний. Второе понятие – «кибун» – означает «настроение, лицо, достоинство» [13, с. 264], которое надо уважать у своего собеседника и чувствовать его. «Нунчхи» – особая способность считывать собеседника, его чувства и невысказанные мысли. Одно из правил «нунчхи» – смотреть и слушать, понимать настроения в окружающей обстановке. Это важно и в бизнесе. Однако при социальной дистанции, удалённой работе и переговорах очень непросто использовать эту способность. В южнокорейской культуре важно личное общение. Насколько это влияет на отклонённые сделки и незакрытые контракты, сказать сложно, так как могут быть и другие объективные причины.

Самое существенное различие РК в подходах борьбы в сравнении с большинством других стран – это трекинг заражённых с информированием населения об их

³ Демократы, будучи оппозицией на тот момент, позиционировали этот опыт как негативный, называя его очередным провалом действующей власти, хотя по абсолютным показателям ситуация не была экстраординарной.

⁴ При переводе с английского в русскоязычной литературе можно встретить написание «нунчи», что неверно с точки зрения правил транскрипции с корейского языка на русский.

перемещениях. Именно этот пункт и имел наибольшее влияние на социум. Несмотря на понимание корейцами необходимости принимаемых мер и их поддержку, наблюдаются интересные негативные эффекты. Проблема заключается в том, что данные о перемещениях заболевшего передаются посредством текстовых сообщений на мобильные телефоны тех людей, кто проживает в том же районе или мог пересекаться с больным в других местах, которые он посещал за сутки до появления первых симптомов. Разумеется, в данных сообщениях не указываются имена, однако, как показала практика, подобные рассылки послужили поводом для травли заражённых вирусом граждан. Удар по репутации имеет, как правило, две причины: во-первых, активная социальная жизнь заражённых (несмотря на то, что они не знали о болезни на тот момент: данные берутся за сутки до появления первых симптомов) и обвинение их в распространении вируса и возведение пострадавших фактически в статус «прокажённых». Во-вторых, из-за отслеживания всех передвижений и публикации информации о них открылись некоторые факты жизни заболевших граждан, такие как, к примеру, адюльтер. Были зарегистрированы жалобы на травлю и даже несколько единичных случаев суицида⁵. [14] Кроме того, ещё одна проблема – состояние повышенной нервозности, когда человек получает сообщение, что мог пересекаться с заражённым.

Команда исследователей из Сеульского национального университета провела опрос 1000 корейцев, чтобы узнать, что их пугает больше: 1. Потенциальные носители болезни вокруг. 2. Критика и дальнейшая травля из-за инфицирования. 3. Что у них не будет бессимптомного заболевания. Команда профессора Ю Мён Сун выяснила, что именно второй пункт пугает население больше, чем страх перед самим заболеванием [14].

Другой интересный эффект наблюдался в Южной Корее, как и в ряде других стран, – это манипуляция информацией в политических целях [15]. Авторы применили методы критического анализа публикаций в СМИ для отслеживания противоречий и выявления манипуляций. Республика Корея успешно провела парламентские выборы прямо в разгар эпидемии, и новых случаев заболевания после этого выявлено не было. Данный факт активно освещался в СМИ, и РК предлагала другим странам воспользоваться положительным опытом. При этом демонстрации, невыгодные власти, были отменены по причине «ковидной угрозы». Также интересно отметить, что в СМИ делался акцент на источниках новых вспышек, таких как секты, бары для лиц нетрадиционной ориентации. Были отмечены развешанные на кафе и магазинах объявления, где говорилось о запрете на вход для приверженцев секты, обвинённой в очередной вспышке. Для южнокорейских корпораций и общества в целом «характерны тесные связи и взаимопомощь внутри группы и высокая конкуренция с теми, кто вне группы» [13, с. 264], поэтому общество быстро определяет себе «врага» и очень агрессивно реагирует на новость о группах, где произошло массовое заражение.

Стоит обратить внимание на то, как в СМИ рассказывается о новых вспышках и какую реакцию общественности они имеют. Итак, начало эпидемии связывают с сектой «Церковь Иисуса Синчхончжи», вторая волна вызвана «разгульным» образом жизни человека нетрадиционной ориентации, третья волна опять связана с цер-

⁵ Стоит отметить, что в целом количество суицидов во время пандемии в РК только сократилось в сравнении с 2019 г., поэтому здесь мы говорим о единичных случаях, а не о тенденции.

ковью – «Саран Чжеиль»⁶. Стоит отметить, что во всех трёх случаях озвучивались виновные. Именно так воспринимает общественность подобные новости. После таких сообщений начинаются настоящие гонения и обвинения сторонников церкви или определённого образа жизни. Общество определило для себя врага и начинает с ним бороться, что ведёт к двум негативным последствиям: во-первых, оказаться заражённым становится стыдно, так как именно в этом ключе СМИ преподнесли начало новых вспышек, люди понимают, что в случае положительного теста они могут подвергнуться такому же гонению; во-вторых, усиливается раскол общества и остро встаёт вопрос, не используется ли коронавирус в политических целях, учитывая, что обе церкви, придерживающиеся консервативных политических взглядов, на тот период находились в оппозиции к действующей власти.

Во время первой вспышки многие корейцы выступили против «Церкви Иисуса Синчхончжи» и собирали подписи для её закрытия. Несмотря на то, что некоторые полагают, что правительство вело себя предусмотрительно и не обвиняло напрямую Церковь, чтобы не потерять активный электорат [16], на деле получилось совсем иначе – озвучивание источника эпидемии, сообщение о препятствии в тестировании – и народ начинает травлю. Полагаем, что в данном контексте сам факт анонсирования источника и сообщение деталей является косвенным обвинением. В дальнейшем, 1 августа, основатель Церкви Ли Ман Хи был арестован за предоставление ложной информации властям и за хищения в размере 4,7 млн. долларов [17].

Важную роль в реакции на принимаемые против коронавируса меры играет менталитет и культура [18]. Население РК, как страны с конфуцианскими устоями [19], полагает, что благо нации и коллектива важнее индивидуального удобства. Ношение маски, доставляющее дискомфорт при ношении, кажется естественным для корейцев, если это поможет оградить людей вокруг от потенциального заражения. Раскрытие личных данных для отслеживания потенциальных контактов заражения в целях всеобщей безопасности встречает понимание. Соблюдение карантина – не вызывает возмущения. Даже нарушение важных культурных привычек, таких как корпоративные совместные ужины, личные встречи для бизнеса, приводит к использованию альтернативных вариантов взаимодействия. Общая безопасность ставится превыше личной свободы [20], что позволяет сохранять границы этой свободы шире, чем было в других странах.

Ссылки

1. Ashworth S., Ethan B., & Amanda F. Learning about voter rationality // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol. 62, Issue 1. P. 37–54.
2. Achen C. H., Larry M. B. *Democracy for realists: Why elections do not produce responsive governments*. Princeton: Princeton University Press. 2017. DOI 10.1515/9781400888740.
3. Bellucci P., Marina C. L., Michael S. Economic crisis and elections: The European periphery // *Electoral Studies*. 2012. Vol. 31, Issue 3. P. 469–471. DOI 10.1016/j.electstud.2012.02.009.

⁶ В российских СМИ также встречается написание «Саран чеиль» (этот вариант возможен по правилам); «Саранг Джейл», «Саран Джеиль» что с точки зрения правил транскрипции с корейского на русский язык неверно.

4. Barrett Ph., Chen S. Social Repercussions of Pandemics. 29.01.2021 // IMF Working Paper. № 2021/021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/01/29/Social-Repercussions-of-Pandemics-50041> (дата обращения: 15.08.2022).
5. Seungwon Yu, Eun Ji Yoo, Suhee Kim. The effect of trust in government in elections during the COVID-19 pandemic in South Korea. 12.05.2022 // Asian Politics and Policy. 2022. Vol. 14. Issue 2. P. 175–198. DOI 10.1111/aspp.12631.
6. Quarantine Act. Ch. 5 // Law Viewer. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=46420&type=part&key=36 (дата обращения: 10.01.2021).
7. Worldometers.info: онлайн-справочник. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus> (дата обращения: 19.06.2021).
8. Сёмина Л. И. Опыт Республики Корея по борьбе с эпидемией COVID-19: первые итоги // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 2. С. 77–94.
9. COVID-19 in Korea: Success Based on Past Failure / B. Lim, E. K. Hong, J. Mou, I. Cheong // Asian Economic Papers. 2021. Vol. 20, Issue 2. P. 41–62. DOI 10.1162/asep_a_00803.
10. Yilmaz M. S., Aydin, N. 3T key to South Korea's success in COVID-19 fight // Anadolu Agency. 22.05.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/3t-key-to-south-koreas-success-in-covid-19-fight/1850084> (дата обращения: 20.06.2021).
11. Kim H. The sociopolitical context of the COVID-19 response in South Korea // BMJ Global Health. 2020. Vol. 5, No 5. Art. ID e002714. DOI 10.1136/bmjgh-2020-002714
12. The Sustainable Development Goals and COVID-19. Sustainable Development Report 2020 / J. Sachs, G. Schmidt-Traub, C. Kroll, G. Lafortune, G. Fuller, F. Woelm // Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2020/2020_sustainable_development_report.pdf (дата обращения: 15.08.2022).
13. Пострелова М. Н. Трансформация корпоративной культуры Республики Корея // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В 2-х т. Т. 1. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 261–275.
14. Coronavirus privacy: Are South Korea's alerts too revealing? // BBC. 05.03.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-51733145> (дата обращения: 15.08.2020).
15. Асмолов К. В. Президентские выборы-2022 в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2022. Выпуск № 2. С. 80–96.
16. В Южной Корее требуют закрытия христианской секты, ставшей рассадником коронавируса // ВестиRU. 26.02.2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/1275283> (дата обращения: 15.08.2020).
17. Volodzko D. South Korea's COVID-19 Church Scapegoat Is Fighting Back // Foreign Policy. 19.08.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/19/south-korea-coronavirus-scapegoat-shincheonji/> (дата обращения: 18.12.2020).
18. Mayer J. D., Schintler L. A., Bledsoe S. Culture, freedom, and the spread of Covid-19: Do some societies and political systems have national anti-bodies? // World Medical and Health Policy. 2020. Vol. 12. Issue 4. P. 498–511. DOI 10.1002/wmh3.377.
19. Allinson RE. The Primacy of Duty and Its Efficacy in Combating COVID-19 // Public Health Ethics. 16.10.2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7665680/> (дата обращения: 15.08.2022).
20. How Does Confucianism Influence Health Behaviors, Health Outcomes and Medical Decisions? A Scoping Review / B. Badanta, M. González-Cano-Caballero, P. Suárez-Reina et al // Journal of Religion and Health. 2022. Vol. 61. Issue 4. P. 2679–2725. DOI 10.1007/s10943-022-01506-8.

The culture of limiting communicative violence in proxy wars

L. N. Timofeeva¹

¹RANEPА, 82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-382-389

Research article
Full text in Russian

The concept of culture is always associated with restrictions in behavior, communication, actions of people dictated by traditions or certain conditions of life and activity. There is a concept of «culture of peace» introduced by UNESCO in the early 2000s, although it has been formed for centuries in parallel with the concept of «culture of war», which required certain restrictions in the mutual violence of the parties. Until recently, a country was considered strong if it had a large and well-armed army with nuclear weapons, but today, in the era of global information, it comes to the fore. Moreover, it needs to be controlled if it contributes to an increase in violence. In the conditions of information warfare, a firm (military) force for coercion and retaliation is combined with soft power in the form of persuasion and coercion (various methods of communicative influence). The main thing is the creation of a plausible pretext in the mass media, the formulation of a noble goal for a military invasion. One of the types of modern interstate wars is a proxy war, a military conflict in which a third party indirectly participates in its own interests, supporting one of the two actors of the conflict with military, organizational, resource, political, information and communication support. In this regard, the issue of creating high-quality, objective journalism, as well as the protection of journalists working in the war zone, truthfully covering military or other events, becomes important.

Keywords: political communication; proxy war; culture of war; restriction of violence; mass media; information warfare

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Timofeeva, Lidiya N. | E-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru
Doc. Sc. (Politics), Professor

For citation: Timofeeva L. N. The culture of limiting communicative violence in proxy wars // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 382-389. (in Russ.)

Культура ограничения коммуникативного насилия в прокси-войнах

Л. Н. Тимофеева¹

¹РАНХиГС, проспект Вернадского, 82, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-382-389
УДК 327.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Понятие культуры всегда связано с ограничениями в поведении, коммуникациях, действиях людей, продиктованными традициями или определенными условиями жизни и деятельности. Есть понятие «культура мира», привнесенное ЮНЕСКО в начале 2000-х годов, правда, оно формировалось веками параллельно с понятием «культура войны», требовавшим определенных ограничений в совершаемом обоюдно насилии сторон. До недавнего времени страна считалась сильной, если у нее большое и хорошо вооруженное войско с ядерным оружием, но сегодня, в эпоху глобальной информации, именно она выходит на первый план. Более того, она нуждается в контроле, если способствует увеличению насилия. В условиях информационной войны твердая (военная) сила для понуждения и возмездия сочетается с мягкой силой в виде убеждения и принуждения (различных приемов коммуникативного воздействия). Главное – создание в масс-медиа благовидного предлога, формулирование благородной цели для военного вторжения. Один из видов современных межгосударственных войн – прокси-война, военный конфликт, в котором в собственных интересах косвенно участвует третья сторона, обеспечивая одного из двух акторов конфликта военной, организационной, ресурсной, политической, информационно-коммуникационной поддержкой. В связи с этим важным становится вопрос о создании качественной, объективной журналистики, а также защиты журналистов, работающих в зоне военных действий, правдиво освещающих военные или иные события.

Ключевые слова: политическая коммуникация; прокси-война; культура войны; ограничение насилия; масс-медиа; информационная война

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеева, Лидия Николаевна

E-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, председатель правления РАПН, руководитель ИК-16 по политической коммуникативистике РАПН

Для цитирования: Тимофеева Л. Н. Культура ограничения коммуникативного насилия в прокси-войнах // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 382-389.

Понятие культуры всегда связано с ограничениями в поведении, коммуникациях, действиях людей, продиктованными традициями или определенными условиями жизни и деятельности. Есть понятие «культура мира», привнесенное ЮНЕСКО в начале 2000-х годов, правда, оно формировалось веками параллельно с понятием

© Тимофеева Л. Н., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

«культура войны», требовавшим определенных ограничений в совершаемом обоюдном насилии сторон. До недавнего времени страна считалась сильной, если у нее большое войско, много танков и есть ядерное оружие, но сегодня, в эпоху глобальной информации, именно она выходит на первый план. И она нуждается в контроле, если способствует увеличению насилия. Правда, есть и другая точка зрения: коммуникация на войне должна служить только победе твоей страны. Но как же тогда быть с требованием объективности освещения событий, а значит, ограничения односторонней пропагандистской направленности информации и снижения понуждения к насильственным действиям?

Дж. Най (младший) ввел понятие «умной силы» – сочетание твердой (военной) силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и принуждения (различных приемов коммуникативного воздействия) [1]. Главное – создать в масс-медиа благовидный предлог, сформулировать благородную цель для военного вторжения. США и НАТО успешно используют ее, участвуя в качестве третьей силы в современных прокси-войнах. К примеру, военную интервенцию в Югославию в 1999 году они совершили, распространив информацию в СМИ о том, что югославские силовики устроили этническую чистку и массовую расправу над гражданским населением Косово. Однако расследование группы белорусских, сербских и финских экспертов показало, что это ложь. Это подтвердил, и британский генерал Джон Древенкийевич, рассказав, что 15 января в косовском селе Рачак был бой между албанскими боевиками и сербскими подразделениями.

Затем в 2003–2005 гг. было вторжение в Ирак и казнь Саддама Хусейна под благовидным предлогом борьбы с массовым химическим оружием и установления демократии (мира в стране нет до сих пор). Тогда США не смогли взять под свой полный контроль освещение событий в Ираке: катарский телеканал «Аль-Джазира» собирал достоверную информацию, несмотря на влияния и ограничения, которые вводили вооруженные силы США [2] И хотя американские военные обвиняли «Аль-Джазиру» в тенденциозности, есть все основания утверждать, что эта телекомпания освещала события более объективно, чем американские СМИ.

Прокси-война – один из видов современных межгосударственных войн. Суть их заключается в том, что это военный конфликт, в котором в собственных интересах косвенно участвует третья сторона, обеспечивая одного из двух акторов конфликта военной, организационной, ресурсной, политической, информационно-коммуникационной поддержкой. Примерами таких войн могут служить войны во Вьетнаме, Анголе, Сирии и др. Сегодняшний пример – участие стран НАТО под руководством США на стороне Украины в специальной военной операции, которую проводит Россия, защищая русскоговорящие регионы Украины, испытывающие с 2014 г. военное насилие и пожелавшие выйти из ее состава и воссоединиться с РФ.

Какие же средства используются в такой войне? В работе М. Либики «Что такое информационная война?», опубликованной Национальным Институтом Обороны США в 1995 году [3], автор привел семь форм информационной войны: командно-контрольная война; война, основанная на разведке; радиоэлектронная борьба; психологические операции; хакерские атаки на информационные системы на основе программного обеспечения; информационная экономическая война через контроль над торговлей информацией; кибервойна (боевые действия в виртуальной реальности) [4]. Для этого сегодня используется и вся мощь давно наработанных форм коммуникации – пропаганды и контрпропаганды, рекламы, маркетинга и PR-комму-

никации и диджитал цифровых средств, т. е. всего того, что связано с электронными вычислениями и преобразованием данных: гаджетами, электронными устройствами, технологиями, программами.

Политическая коммуникация в прокси-войнах отличается своей экстремальной изворотливостью, в нее постоянно попадают фейки, ложь, специально сконструированные постановочные действия. По сути, это информационное насилие ведется в двух направлениях: содержательном и технологическом. Одна из ее задач в прокси-войнах – скомпрометировать противника не только в глазах населения этой страны, но и всей мировой общественности, надломить веру военнослужащих противной стороны в справедливости их действий. Ее цель – обмануть контрагента, победить его морально и психологически. Для этого используются самые современные приемы: запрет на распространения нежелательной информации, искажение фактов, применение «двойных стандартов», формирование необходимого эмоционального восприятия событий о противнике. Одновременно ведется технологическая кибервойна: блокируются неугодные каналы коммуникации, запускаются вирусы, на сайты общественных организаций противника вывешиваются оскорбительные суждения и призывы.

У прокси-войн нет никаких правил в отличие от уже известных традиционных войн, где действуют некоторые договоры: ненападения на поезда и обозы во время вывоза раненых, если есть эмблемы Красного креста или Красного полумесяца [5], запрет на убийство журналистов без оружия (не комбатантов), но с обозначением СМИ на бронезилете. Статья 79 Первого Дополнительного протокола Женевской конвенции, касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года [6] устанавливает, что журналисты имеют те же права и ту же степень защиты, что и мирные жители во время международных вооруженных конфликтов, и т. д. В прокси-войнах в Сирии было убито 19 журналистов, в Афганистане – 10, в Ираке – 7, в Йемене – 5 и на Донбассе погибло 5 журналистов [7].

Может быть, стоит с участием международной общественности сформулировать определенные правила ограничения фейковой политической коммуникации в таких войнах (пример «Белых касок», ситуации в Буче). По сути, в широком смысле речь идет о культуре войны, если человечество так и не научилось ее избегать. В узком – о нормах политической коммуникации во время таких столкновений. Примером подобного рассмотрения жестокого насилия со стороны международной общественности может служить «Расселовский трибунал». Трибунал призвал к активным действиям, способным остановить военные преступления и геноцид, совершаемые на глазах цивилизованного человечества [8].

Проблема ограничения насилия, включая контроль за политической коммуникацией, не новая. Как подчеркивалось, она волнует человечество еще с древних времен. Позиции в этом вопросе имеют большой диапазон: от абсолютного пацифизма до пацифизма, использующего определенные формы борьбы с насилием, от попыток разрешать конфликты путем арбитража до создания международных организаций, от широких миротворческих движений до дипломатической деятельности. Что касается политической коммуникации во время традиционной («легальной») войны, то ее антагонистические особенности весьма обстоятельно изложил еще в 1927 г. Гарольд Лассуэлл в работе «Техника пропаганды в мировой войне», ставшей классикой политической науки [9]. Правда, его не занимали правовые или этические ограничения политической коммуникации между воюющими государствами

и их союзниками. Его задачей было исследование пропагандистских и контрпропагандистских приёмов представления позиций воюющих сторон.

Обозначим несколько проблем политической коммуникации во время прокси-войн с нелегальным участием третьей стороны. Для этого обратим внимание на два теоретических подхода к понятию «политического»: либо мы понимаем «политическое» как жестокий антагонизм, войну [10], либо – как соперничество, агонизм [11, с. 88–102]. Либо «мы-они» – враги, когда взгляды обеих сторон не имеют ничего общего, либо «мы-они» – соперники, когда оба согласны, что нет рационального решения их конфликта, но при этом каждый признает легитимность другой стороны и ее интересы. Этот подход как раз и стал основой для концепции «умной силы» Ная, основанной на коммуникативном продвижении положительного образа своей страны. Полагалось, что преимущественно она использовалась не в условиях реальной войны. Но как показывают события прокси-войны, третье государство пользуется этой стратегией, активно вмешиваясь в войну, поддерживая одних и настаивая на том, что именно третья сила – США и страны НАТО – стоят на «правильной» стороне и позиционируют себя как исключительно борцов за мир во всем мире вопреки тем фактам, которые нам известны (Вьетнам, Югославия, Ирак, Ливия, Сирия и т. д.). На первый план в этой войне выходит идея нарушения психологической устойчивости противника, и в ход идет жесткая пропаганда – воздействие на умы и чувства воинов, гражданского населения и правительства враждебного государства. Активно используется ложь.

Главенствующая роль здесь принадлежит США, и обусловлено это двумя факторами: тем, что им сегодня принадлежит 85 % мировой информации, и тем, что, помимо желания ослабить Россию в ее стремлении перекроить геополитику и освободиться от диктата США, сделать мир многополюсным, у американцев появился новый ресурс – психологический. Согласно исследованиям Джорджтаунского университета, для общественного мнения страны «болевого порог» приемлемого числа потерь в военных действиях со времён Вьетнамской войны снизился более чем в 6 раз. Известно, что многие американцы выступали против участия в войне Севера и Юга во Вьетнаме и около 2 млн. людей покинули США, отказавшись воевать там на стороне вьетконговцев. В этом контексте «война чужими руками» становится для США всё более приемлемой. Необходим запрет на такого рода действия либо проведение независимого расследования и обнародование его результатов в ООН. Но и тут чувствуется диктат «умной силы» со стороны США и их сателлитов.

Исследователи выделяют «три эшелона» участия США в информационно-коммуникационной составляющей прокси-войны на Украине. В первом эшелоне находятся собственно украинские ресурсы, хотя и находящиеся под контролем внешних кураторов. В русле этого направления созданы информационные войска Украины с массовым привлечением добровольцев из числа молодежи, разделявшей взгляды радикального украинского национализма. Во втором эшелоне находятся специальные структуры пропагандистско-агитационного плана, финансируемые и управляемые НАТО. К ним можно отнести Центр передового опыта НАТО в области стратегической пропаганды (Рига и др.), занимающийся обобщением опыта ведения гибридной войны. В третьем эшелоне находится собственно Государственный департамент США, действующий через акции посольства в Киеве и посредством вещания таких внешнеполитических ресурсов, как «Голос Америки», «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» [12, с. 171; 13, с. 253].

Постоянно обсуждается вопрос о качественной, т. е. объективной журналистике в зонах боевых действий. От того, какую позицию займут представители СМИ по отношению к вооруженному конфликту, как будут его освещать, в значительной мере зависит исход данного конфликта. Можно выделить три основных позиции: 1) непредвзятое и объективное информирование исключительно с гуманистических, общечеловеческих позиций; 2) информирование о событиях, сочетающееся с поддержкой военных усилий своей страны; 3) информирование о событиях, сочетающееся с поддержкой военных усилий противника.

В результате СМИ могут способствовать разжиганию вооруженного конфликта, совершению геноцида и преступлений против человечности, но могут сообщать факты, рисуя более реалистическую картину происходящего. После ряда террористических актов, совершенных против России, и ее ответного удара по ряду важных хозяйственных точек даже в жёлтом вестнике Британии Daily Mail воспроизвели слова российского президента, перечислившего преступления против РФ: теракт на Крымском мосту, бомбардировка Киевом одной из собственных атомных станций, которую взяли под охрану российские военные, атака на газовые трубы («Турецкий поток») и убийства пророссийских чиновников и журналистов, совершённые спецслужбами Украины.

Журналисты имеют право защищать интересы своей страны в СМИ. Такая позиция также должна признаваться возможной, если не используются фейки и ложь, противоречащие профессиональной этике. Что касается третьей упомянутой позиции, то есть, по сути дела, идеологической поддержке противника, здесь уже нельзя говорить об этичности, моральной допустимости и т. п. Пример – американский медиамагнат У. Р. Херст, который служил интересам нацистской Германии в годы Второй мировой войны, получал от нацистской партии миллионы марок в год за то, что его печать вела кампанию в пользу фашистских государств [14].

Порой объективные обстоятельства, такие как жесткие условия аккредитации представителей прессы, установленные военным командованием, делают затруднительным освещение конфликта именно с тех позиций, которые обусловлены профессиональной культурой и совестью журналиста. Так, возможности для объективного, непредвзятого освещения войны в Ираке в 2003 г. для представителей СМИ были в большинстве случаев сильно ограничены американским военным командованием. В выпуске новостей по «Первому каналу» 23 марта 2003 г. российская журналистка продемонстрировала аккредитационное удостоверение, дающее право работать в расположении американских частей и сказала, что оно «выдается в обмен на то, что журналисты не будут показывать ничего недозволенного и высказывать версии, расходящиеся с официальными версиями американских военных властей».

Словом, обсуждение содержания «культуры войны» в политической коммуникации и позиции журналистов в военных столкновениях, в современных прокси-войнах продолжается.

Журналисты не должны концентрировать свое внимание только на боевых действиях, не освещая сопутствующие им гуманитарные проблемы и деятельность по решению этих проблем. В этом случае информационная картина событий, конечно же, будет неполной.

Еще одна проблема – убийство журналистов, занимающих другую позицию, чем США и НАТО. Убийство известного писателя и журналиста Олеса Бузины на Украине стало актом физического устранения сильного идеологического противника.

Никто так и не понёс ответственности за совершённое преступление. А задержанные по горячим следам исполнители – неонацисты и участники «АТО» Медведько и Полищук были вскоре отпущены на свободу. В связи с гибелью российских журналистов Игоря Корнелюка и Антона Волошина в результате минометного обстрела в России судили захваченную летчицу украинской армии Надежду Савченко за то, что она отдала приказ о нанесении удара. Она была осуждена и впоследствии освобождена в результате обмена пленными с Украиной.

По состоянию на 30 мая 2022 года, начиная с 2014-го, по меньшей мере 15 гражданских журналистов и работников СМИ из разных стран были убиты на Украине при исполнении служебных обязанностей. И все это происходит, несмотря на то, что статус и защита журналистов в зонах вооруженных конфликтов регулируются положением международного гуманитарного права (права войны) и другими юридическими документами.

Журналист, который освещает вооруженные конфликты, должен действовать в соответствии с нормами международных конвенций гуманитарного права, к которым присоединилось его государство. К сожалению, пока это обязательство подписали правительства лишь шести стран и руководство девяти национальных обществ Красного Креста и Красного полумесяца. Существует разница между «военными корреспондентами» (статья 4А (4) Третьей Женевской конвенции [15] и просто «журналистами» (статья 79 Дополнительного протокола I [16; 18]). И те, и другие относятся к категории мирных граждан, но только военные корреспонденты могут получить статус военнопленных. Они имеют право сопровождать вооруженные силы и, попадая в плен, получают такой же правовой статус, как и участники вооруженных сил. По этой причине военные корреспонденты пользуются защитой Женевской конвенции, что предусмотрено Дополнительным протоколом I и международным гуманитарным правом [17].

С 1990 года Международный союз журналистов публикует ежегодный отчет («Список погибших»), где документируются все случаи гибели журналистов и сотрудников СМИ в течение каждого года. Он использует эту информацию для кампании за повышение безопасности журналистов, особенно местных и внештатных репортеров и вспомогательного персонала, которым не хватает ресурсов для самозащиты в зонах конфликтов. По данным мониторинга ЮНЕСКО, в мире около 75 % убийств журналистов произошло в ходе выполнения ими профессиональных обязанностей в зонах военных конфликтов.

Выступая на Генеральной ассамблее ООН 21 сентября 2017 года, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров призвал «сказать «нет» милитаризации информационного пространства. Нельзя допустить его превращения в арену военно-политического противоборства, использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как инструмента давления, нанесения экономического ущерба, пропаганды идей террористической и экстремистской идеологии» [19]. К этому трудно что-то добавить. Очевидно, что скрупулезная работа над обсуждением и созданием этических и правовых норм коммуникации в рамках «культуры мира-культуры войны» должна продолжаться.

Ссылки

1. Най С. Дж. (младший). Будущее власти: пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 444 с.

2. Конспекты по международному гуманитарному праву и СМИ. URL: https://www.studmed.ru/view/konspekty-po-mezhdunarodnomu-gumanitarному-pravu-i-smi_9e59ca997f5.html?page=10 (дата обращения: 10.11.2022).
3. Шерман С. Информационные войны (кибервойны) // Gazeta.ru. 06.08.1999. URL: https://gazeta.lenta.ru/dossier/06-08-1999_infowar.htm (дата обращения: 03.11.2022).
4. Libicki Martin C. What Is Information Warfare? Strategic Forum Number 28, May 1995. URL: http://www.dodccrp.org/files/Libicki_What_Is.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
5. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901037> (дата обращения: 09.10.2022).
6. Женевская конвенция, касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 09.10.2022).
7. Памятка будущему военному корреспонденту // Военно-политический журнал Владимира Орлова. 03.09.2020. URL: <https://soldier-moskva.livejournal.com/478884.html> (дата обращения: 02.10.2022).
8. Международный трибунал по расследованию военных преступлений во Вьетнаме // РИА «Новости». 02.05.2017. URL <https://ria.ru/20170502/1493318726.html> (дата обращения: 19.10.2022).
9. Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне / Пер. с англ. ИНИОН РАН. М., 2021. 237 с.
10. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем., под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
11. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. 2008. Вып. 1. С.88–102.
12. Николайчук И. А., Янглева М. М., Якова Т. С. Крылья хаоса. Массмедиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Икар, 2018. 352 с.
13. Лабуш Н. С., Пую А. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. 340 с.
14. Чемякин Ю. В. Международное гуманитарное право и СМИ. Конспект лекций. URL: <https://studfile.net/preview/9223980/> (дата обращения: 02.11.2022).
15. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> (дата обращения: 02.11.2022).
16. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол 1) от 08.06.77 // Законодательная база Российской Федерации. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/398150> (дата обращения: 02.11.2022).
17. Как международное право защищает журналистов в ситуациях международных конфликтов? // Международный комитет Красного креста. 27.07.2010. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/interview/protection-journalists-interview-270710.htm> (дата обращения: 09.10.2022).
18. Статья 79 Первого Дополнительного протокола Женевской конвенции, касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 09.10.2022).
19. Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на 72-й сессии ГА ООН. Нью-Йорк. 21 сентября 2017 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 21.09.2017. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1553392/ (дата обращения: 10.10.2022).

Social self-determination, life practices and economic aspects of preparing women aged 45–57 for retirement

E. V. Mikhailova¹, N. V. Ovchinnikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-390-403

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a sociological study conducted on a target sample of working woman of older middle and pre-retirement age – 45–57 years. The study was aimed at identifying the peculiarities of the perception of the age of «45+» by women themselves in such aspects as shared values and life goals, practices of coping behavior in relation to age and aging, retirement life planning. The issues of preparing for retirement are considered in an extended age range in order to fix the threshold values for the perception of age – to determine at what age the pension begins to be perceived as the immediate life prospect and the reorientation to the tasks of an older age group takes place.

According to the results of the study, a predominantly positive perception of the age 45+ age period by women themselves was revealed with a wide variability in self-determination of its content – from a period of rest and stability to professional achievements and personal growth. In general, a positive perception of the one's age «here and now» is combined with avoidance of thoughts about the upcoming retirement as more or less distant future. A paradox has been that recorded that requires further research: the majority of respondents begin to think about retirement only after reaching the pre-retirement age, while they would like to implement for themselves those methods of preparing for retirement that obviously require a longer planning horizon and a period of accumulation of economic resources than a three-year pre-retirement period.

Keywords: women of middle age; pre-retirement period; social self-determination; individual retirement planning; preparing for retirement

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhailova, Elena V. | E-mail: nmev649@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

Ovchinnikova, Natalia V. | E-mail: nv.lyusina@yandex.ru
Cand. Sc. (Sociology)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-020).

For citation: Mikhailova E. V., Ovchinnikova N. V. Social self-determination, life practices and economic aspects of preparing women aged 45–57 for retirement // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 390-403. (in Russ.)

Социальное самоопределение, жизненные практики и экономические аспекты подготовки к пенсии женщин 45–57 лет

Е. В. Михайлова¹, Н. В. Овчинникова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-390-403
УДК 316.334.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного на целевой выборке работающих женщин старшего среднего и предпенсионного возраста – 45–57 лет. Исследование было направлено на выявление особенностей восприятия возраста «45+» самими женщинами в таких аспектах, как разделяемые ценности и жизненные цели, практики совладающего поведения по отношению к возрасту и старению, планирование жизни на пенсии. Вопросы подготовки к пенсии рассмотрены в расширенном возрастном диапазоне с целью зафиксировать пороговые значения восприятия возраста: определить, с какого возраста пенсия начинает осознаваться в качестве ближайшей жизненной перспективы и происходит переориентация на задачи более старшей возрастной группы.

По результатам исследования выявлено преимущественно позитивное восприятие возрастного периода «45+» самими женщинами при широкой вариативности самоопределений его содержания – от периода отдыха и стабильности до профессиональных достижений и личностного роста. В целом позитивное восприятие своего возраста «здесь и сейчас» сочетается с избеганием мыслей о предстоящей пенсии как более или менее отдаленной перспективы будущего. Зафиксирован парадокс, требующий дальнейшего исследования: задумываться о пенсии большинство опрошенных начинают лишь по достижении предпенсионного возраста, при этом хотели бы реализовать для себя лично те способы подготовки к пенсии, которые очевидно требуют более длительного горизонта планирования и периода накопления экономических ресурсов, чем трехгодичный предпенсионный период.

Ключевые слова: женщины среднего возраста; предпенсионный период; социальное самоопределение; индивидуальное планирование пенсии; подготовка к пенсии

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлова, Елена Валерьевна | E-mail: nmev649@mail.ru
Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии

Овчинникова, Наталья Владимировна | E-mail: nv.lyusina@yandex.ru
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-020)

Для цитирования: Михайлова Е. В., Овчинникова Н. В. Социальное самоопределение, жизненные практики и экономические аспекты подготовки к пенсии женщин 45–57 лет // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 390–403.

© Михайлова Е. В., Овчинникова Н. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Задачи и метод исследования

Возрастной период с 45 лет до выхода на пенсию в жизни современной россиянки содержит множество противоречий, проблем и возможностей, которые проявляют себя как на уровне массового сознания, так и на индивидуальном уровне в восприятии и оценках конкретных женщин. Внутренняя противоречивость делает этот возрастной период интересным для изучения, указывая на ряд актуальных и перспективных направлений исследования.

С одной стороны, женщины в возрасте от 45 лет до выхода на пенсию выпадают из поля достаточно жестких нормативных требований и ожиданий со стороны общества, государства, своего непосредственного социального окружения. Это требования создания семьи, деторождения, становления на рынке труда. В то же время само собой разумеющимся и зачастую непроговариваемым содержанием возраста «45+» в жизни россиянки является то, что Е. Здравомыслова [1] определяет как «синдром сэндвича», который означает, что женщина старшего среднего возраста фактически является в своей семье основным субъектом заботы и ответственности за младшее и старшее поколения. Е. Здравомыслова описывает типичную ситуацию в жизни россиянки рассматриваемого возраста: дети еще не самостоятельны, требуют внимания и материальных вложений, пожилые родители становятся немощными и также нуждаются в помощи.

Немало противоречий содержит в себе и положение женщин старше 45 лет на рынке труда. Многие авторы указывают на уязвимость позиции женщин старше 45 лет на рынке труда [2; 3; 4; 5]. Вместе с тем для состоявшихся в профессии женщин это время, когда их должностной статус и заработная плата являются наиболее высокими за всю трудовую карьеру.

Невозможно не заметить противоречивость транслируемых социумом ролевых моделей и социальных установок, определяющих содержание возрастного периода «45+» в жизни женщины. Согласно действующей классификации, Всемирной организацией здравоохранения возрастной период с 45 до 59 лет считается средним возрастом, а границы молодого возраста продлены до 44 лет включительно [6]. Транслируется оптимистичная модель продления молодости и возможностей в противовес «модели дожития». Оптимистичные установки иллюстрируют такие паремии, как «в 40 лет жизнь только начинается», «50 – это новые 30». Однако всеобщее стремление к молодости как очевидный социальный тренд проявляет себя и с обратной стороны: заставляет скрывать свой возраст или стесняться его, оценивать свою внешность с позиции «выглядеть моложе», вести неравную борьбу с возрастными изменениями. Кроме того, нельзя не упомянуть проблему возрастной дискриминации на рынке труда [7], которая поневоле заставляет задуматься о контрасте между транслируемыми радужными установками и реальностью.

Как ощущается этот возрастной период «45+» самими женщинами, как они определяют свой возраст, как воспринимают его проблемы и противоречия, какие практики совладающего поведения реализуют, каков горизонт планирования будущего и присутствуют ли там мысли о пенсии – для ответа на эти и ряд других вопросов было проведено социологическое исследование на целевой выборке работающих женщин в возрасте от 45 до 57 лет, проживающих в Ярославской области. Исследование проводилось методом личного формализованного интервью в период с 1 по 19 июля 2022 года, N=131 человек. Статистическая обработка данных производилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 25 посредством составления ча-

стотных таблиц и таблиц сопряженности. В анкете содержалось 4 открытых вопроса, ответы на которые кодировались вручную.

Помимо вышеперечисленных, задачами исследования стали:

- выявление возрастного порога, по достижении которого происходит переопределение собственного возраста и его задач с парадигмы продолжающейся молодости к осознанию перспективы приближающегося выхода на пенсию;
- анализ экономических аспектов подготовки к пенсии: что именно стоит делать, чтобы подготовиться к пенсии, какие материальные и временные ресурсы для этого необходимы?

1. Восприятие возрастного периода «45+»: разделяемые нормативные установки, представления о критериях жизненного успеха

В начальной части анкеты участницам исследования было предложено дать собственное определение тому возрастному периоду, в котором они находятся (таблица 1). Предполагалось, что индивидуальные интерпретации рассматриваемого возрастного периода задают своего рода «рамочный смысл» взглядам, ценностным ориентирам и поведенческим практикам.

Можно отметить количественное преобладание номинаций, указывающих на позитивную трактовку возрастного периода «45+». Позитивные аспекты возраста «45+» рассматриваются женщинами с совершенно разных, порой противоположных позиций: для многих это время активности и самореализации – 15,0 %, в каждом десятом ответе упоминаются свобода и беззаботность – 9,8 %, как время стабильности и спокойствия трактуют этот возраст 7,2 %.

Популярным способом ответа на вопрос об обозначении рассматриваемого возрастного периода стало его соотнесение с общим жизненным континуумом, и здесь доля позитивных определений – 14,4 % – лишь незначительно превышает доли негативных и нейтральных определений – по 12,4 %.

Если анализировать содержание негативно окрашенных номинаций, получается, что самыми пугающими становятся мысли о том, что значительная часть жизни уже прожита, близится завершающий, пенсионный период жизни. Однако большая часть опрошенных все-таки предпочитает игнорировать негативные мысли о будущем, фиксируясь на времени «здесь и сейчас» как достаточно позитивном.

Для понимания особенностей восприятия возрастного периода «45+» самими женщинами – участницам исследования была предложена серия клишированных нормативных утверждений, содержащих разнонаправленные оценки рассматриваемого возраста (таблица 2).

Наиболее высокий уровень поддержки у позитивных утверждений о возрасте «45+», остро негативные высказывания о данном возрастном периоде совсем не пользуются поддержкой опрошенных. Отсутствие однозначной поддержки или отторжения заметно относительно тех утверждений, которые описывают внешнюю, стереотипизированную реакцию на женщин данной возрастной группы в таких ситуациях, как трудоустройство, оценка шансов на брачном рынке, возрастная самопрезентация. Противоречивость оценки в данном случае, возможно, связана с тем, что описываемая в таких утверждениях распространенная внешняя реакция на женщин «45+» вызывает внутреннее несогласие или отторжение у самих женщин.

Распределение ответов на вопрос: «Если бы Вас попросили обозначить возрастной период в жизни женщины от 45 лет до выхода на пенсию одним или несколькими словами, как бы Вы его назвали?»

(открытый вопрос, рассчитано от общего числа полученных ответов, N=153)

Номинации	%
Позитивно окрашенные номинации, в том числе:	60,8
период активности, самореализации, жизненных достижений – «отличный возраст для самореализации», «продуктивный период», «многое хочется успеть», «успеть все, везде и сразу», «рост к карьере», «осознание нереализованного и возможность это реализовать»	15,0
оптимистичное обозначение возрастного периода при соотношении его с общим жизненным континуумом, например, «время расцвета», «вершина жизненного пути», «рассвет», «жизнь только начинается»	14,4
свободный и беззаботный период, когда появляется «время на себя» и возможность отдыхать – «свободная», «жизнь для себя», «беззаботность», «беспечность», «если дети выросли, то снова подросток»	9,8
время мудрости, обретения жизненного опыта, уверенности в себе – «осознанность», «мудрость», «самодостаточность», «уверенность»	9,2
период стабильности, комфорта, благополучия – «спокойствие», «благополучный», «бархатный», «стабильность», «успокоенность»	7,2
«45 – баба ягодка опять»	5,2
Нейтральные номинации, в том числе:	14,4
констатация достижения «зрелости» или середины жизни – «зрелость», «зрелый возраст», «средний возраст»	12,4
отказ выделять возраст 45+ в какой-либо особый жизненный период – «обычная жизнь идет своим ходом», «ничего не изменилось»	2,0
Негативно окрашенные номинации, в том числе:	24,8
пессимистичное обозначение в общем жизненном континууме – «предпенсионный возраст», «скоро пенсия», «финишная прямая», «вечер», «время подводить итоги», «начало старения», «осень жизни», «бальзаковский возраст», «потеря молодости»	12,4
период кризиса и перехода, тревожное и неопределенное время – «переходный возраст», «возрастной кризис», «тревожный», «неопределенность», «период перестройки»	5,2
время непосильной трудовой нагрузки и ответственности, усталости – «ломовая лошадь», «доработать бы», «каторга», «усталость», «ответственность»	5,2
остро негативные характеристики без указания на факторы, их предопределившие – «полная жесть», «ужасный», «депрессия»	2,0

**Распределение ответов на вопрос: «Согласились бы Вы
со следующими утверждениями о возрасте 45+ для женщины?»**
(рассчитано в процентах от числа опрошенных)

Утверждения:	«5» Полно- стью согласна	«4» Скорее согласна	«3» Трудно сказать	«2» Скорее не соглас- на	«1» Совер- шенно не соглас- на	Меди- анное значение степени согласия
«50 лет сейчас – это новые 30»	29,0 %	29,8 %	23,7 %	9,2 %	8,4 %	4
«Женщин старше 40–45 лет не берут на работу»	8,4 %	26,0 %	17,6 %	25,2 %	22,9 %	3
«Возраст 45+ для женщины – это наилучшее время для профессиональной самореализации и карьеры»	24,4 %	29,8 %	19,8 %	19,1 %	6,9 %	4
«Шансы устроить свою личную жизнь у женщины 45+ минимальны»	11,5 %	11,5 %	21,4 %	29,8 %	26,0 %	2
«Женщине выгоднее скрывать или слегка занижать свой возраст»	14,5 %	16,8 %	23,7 %	20,6 %	24,4 %	3
«Материальных возможностей и свободы у женщины 45+ существенно больше, чем у более молодых»	37,4 %	28,2 %	13,0 %	8,4 %	13,0 %	4
«Мужчина всегда предпочтет более молодую женщину женщине постарше»	13,7 %	17,6 %	26,0 %	22,9 %	19,8 %	3
«В возрасте 45+ жизнь по большому счету уже прожита, впереди только старость и болезни»	3,1 %	2,3 %	8,4 %	19,1 %	67,2 %	1
«В основном россиянки в возрасте 45+ следят за собой, выглядят молодо и привлекательно»	28,2 %	43,5 %	16,8 %	7,6 %	3,8 %	4

Задавался уточняющий открытый вопрос о жизненных ситуациях, в которых возраст помогает или мешает женщинам «45+». Выяснилось, что возраст помогает прежде всего в работе и карьере – на это указали 19,1 % опрошенных, дает необходимый жизненный опыт – 17,5 %, способствует появлению авторитета у окружающих – 3,9 %, помогает строить отношения в коллективе – 2,3 %. Мешает возраст устроиться на новую работу – 23,7 %, кардинально сменить сферу деятельности – 0,8 %, сохранять здоровье, жизненный тонус, молодость и привлекательность – 16,2 %, устроить личную жизнь, создать семью – 15,0 %, заниматься спортом с прежней интенсивностью – 3,1 %. Важно отметить: 20,6 % женщин указали, что возраст им вообще ни в чем не мешает; тех, кто отмечал, что возраст ни в чем не может помочь, было значительно меньше – 6,8 %.

Получается, что в целом у женщин достаточно высокая позитивная самооценка своей возрастной группы, однако очевиден и ряд проблемных, болевых моментов, субъективно связываемых с возрастом:

- сложности с трудоустройством и предвзятое отношение со стороны потенциальных работодателей при осознании собственной значимости как ценного специалиста, обладающего профессиональным и жизненным опытом;
- драма старения, возрастной трансформации внешности, страх утраты сил, здоровья, привлекательности у противоположного пола.

Примечательно, что сложности с трудоустройством, на которые при открытой постановке вопроса указывала каждая четвертая из опрошенных женщин – 23,7 %, как правило не интерпретируются в терминах эйджизма или возрастной дискриминации. На закрытый вопрос «можете ли Вы сказать о себе, что когда-либо сталкивались с какими-либо проявлениями эйджизма – дискриминацией по возрасту или пренебрежительным отношением, когда Вам указывали на Ваш возраст в негативном ключе?» большинство опрошенных – 86,3 % – ответили отрицательно. Те, кто указал, что все-таки сталкивались с проявлениями эйджизма по отношению к себе, упоминали прежде всего ситуации трудоустройства – 10,7 % – и предвзятое отношение на работе – 1,5 %.

В ходе интервью женщинам задавались два закрытых вопроса о критериях успеха (диаграмма 1) и счастья (диаграмма 2) в возрасте «45+».

И достижительные ценности, и ценности счастья лежат в трех идентичных по содержанию областях – это прежде всего семья и дети, физическое и ментальное благополучие, профессиональная самореализация. Ценности потребления и личных карьерных достижений важны, но не являются столь важными, как ценности первых трех областей. Возможно, такое распределение (низкие позиции материальных и статусных достижений в системе приоритетов) указывает на возрастную переоценку ценностей и утрату иллюзий: то, чего не удалось достичь к 45 годам, начинает восприниматься как иллюзорная цель.

Диаграмма 1. Как Вы считаете, чего к 45 годам должна достичь женщина, чтобы ее можно было считать успешной и состоявшейся? (в процентах от числа опрошенных, предполагался выбор не более трех наиболее важных позиций)

Диаграмма 2. Без чего невозможно счастье после 45 лет, если речь идет о женщине? (в процентах от числа опрошенных, предполагался выбор не более трех наиболее важных позиций)

2. Личное отношение к возрасту: борьба или принятие?

В ходе исследования задавался альтернативный вопрос о личном восприятии возраста и возрастных изменений (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить о Вашем отношении к возрасту и внешним признакам старения, какая из двух позиций Вам наиболее близка?»
(в процентах от числа опрошенных, с разбивкой по возрастным группам)

Альтернативы	По всем опрошенным	45–49 лет	50–54 года	55–57 лет
Борьба со старением, важно «не сдаваться до последнего»	41,2	46,5	28,6	33,3
Принятие собственного возраста и возрастных изменений	58,8	53,5	71,4	66,7

В целом доминирует позиция принятия возраста и возрастных изменений – ее выбирают как наиболее близкую 58,8 % опрошенных. Заметно влияние возрастной динамики: пороговым становится период 50–54 года – здесь наблюдается резкое сокращение доли тех, кто с возрастом борется, и увеличение доли «принимающих».

И тем, кто принимает свой возраст, и тем, кто считает, что «важно не сдаваться до последнего», задавался вопрос о том, с какого возраста для женщины становится актуальна борьба со старением. Полученные результаты указывают, что социально определяемые границы начала старения и борьбы за молодость в целом смещены в сторону достаточно молодого возраста: борьба с возрастом становится актуальной с 20–25 лет для 7,6 % женщин, с 30–35 лет – для 31,3 %, модальное значение получено по группе «с 40–45 лет» – 34,4 %; начинать бороться с признаками старения с 50–55 лет или уже после 60 лет считают необходимым 11,5 % и 3,8 % соответственно. Затруднились с ответом 6,9 % опрошенных, еще 4,6 % посчитали, что «все индивидуально».

В формулировке вопроса о практиках совладающего поведения намеренно не упоминалась тема «борьбы с возрастом», речь шла о том, чтобы «хорошо выглядеть» и «сохранять здоровье» (диаграмма 3).

Наиболее популярной практикой стал регулярный домашний косметический уход – его в той или иной степени пытаются реализовать 58,0 % женщин. Широко распространены малобюджетные или вовсе бесплатные практики здорового образа жизни с усиленной физической нагрузкой – стараются побольше ходить пешком и высыпаться по 55,0 % опрошенных, более чем каждая третья указала, что придерживается правильного питания, – 35,1 %. Женщины «45+» любят хорошо одеваться и стараются следить за модными тенденциями – 44,3 % и 27,5 % соответственно. Практики, которые, как правило, указывают на достаточно высокий уровень потребления – регулярное посещение косметолога и спортзала – являются менее распространенными. В целом отмечается крен в сторону практик, вызывающих позитивные эмоции и не требующих значительных физических и материальных затрат.

Диаграмма 3. Распределение ответов на вопрос: «Что именно Вы сами делаете, чтобы хорошо выглядеть и сохранить здоровье?» (в процентах от числа опрошенных, предполагался выбор всех подходящих вариантов ответа)

Различия по возрастным подгруппам отмечаются по косметическим практикам – о том, что осуществляют регулярный домашний косметический уход, сообщают 65,1 % женщин 45–49 лет и только 41,7 % женщин предпенсионного возраста (55–57 лет). Относительно посещения косметолога ситуация обратная: делают косметические процедуры в салоне 24,4 % тех, кому от 45 до 49 лет и 41,7 % тех, кому от 55 до 57 лет. Возрастает с возрастом распространенность таких практик, как ежедневная зарядка и домашняя физкультура – с 14,0 % в подгруппе 45–49-летних до 29,2 % среди предпенсионерок (50–57-летних); отдых и полноценный сон – с 55,8 % до 66,7 % в тех же возрастных подгруппах; правильное питание с 29,1 % до 62,5 % в сравниваемых возрастных подгруппах; внимание к собственному стилю – с 11,5 % до 16,7 % и интерес к модным тенденциям – с 26,7 % до 33,3 % в младшей и старшей возрастных подгруппах опрошенных. По остальным практикам: прогулки, хорошая одежда, посещение спортзала колебаний по возрастным группам не выявлено.

Выяснилось, что у большинства женщин в возрасте «45+» есть позитивная ролевая модель «взросления»: на вопрос «Знаете ли Вы людей старше Вас, глядя на которых Вам кажется, что стареть не страшно?» – большинство – 69,5 % – ответили утвердительно. Отвечая на уточняющий открытый вопрос о том, кто эти люди, женщины называли, как правило, представителей своего непосредственного окружения – старших родственников, коллег, подруг. Упоминания знаменитостей встречается лишь в 10,6 % ответов.

Содержание ответов на вопрос о позитивных ролевых моделях старения указывает на то, что женщины реалистично смотрят на жизнь, вдохновляясь как примерами для подражания людьми, с которыми лично знакомы.

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы знаете людей, глядя на которых Вам кажется, что стареть не страшно, назовите их» (открытый вопрос, рассчитано от общего числа полученных ответов, N=113)

Варианты ответов	%
Старшие родственники: мама, родители, старшая сестра, свекровь	38,1
Коллеги, руководитель на работе	23,9
Друзья, подруги, просто знакомые	17,7
«Звезды», известные люди: Алла Пугачева, Синди Кроуфорд, Мишель Пфайфер	10,6
Соседи	3,5
Подруги матери, подруги свекрови	1,8
Школьный учитель	0,9

3. Планирование будущего и подготовка к пенсии

Теперь обратимся к вопросу о планировании женщинами жизни после активного трудового периода. Как мы отмечали выше, определенная часть опрошенных полагает, что «возраст 45+ для женщины – это наилучшее время для профессиональной самореализации и карьеры». Можно предположить, что в возрасте 45+ у женщин, как правило, есть накопленный трудовой опыт, определенный стаж работы, профессиональные знания и навыки, которые позволяют им делать успехи в карьере. Благодаря этому они могут иметь финансовую стабильность. Так считают и сами женщины. Ведь большинство согласилось с высказыванием «материальных возможностей и свободы у женщины 45+ существенно больше, чем у более молодых» (65,6 %). В связи с этим особый интерес представляют вопросы, связанные с экономическими аспектами подготовки женщин к пенсии. Задумываются ли они о ней? Считают ли целесообразным готовиться к ней заранее? Какие инструменты подготовки к пенсии они для себя выбирают? Как отмечает Д. Рогозин, «в настоящее время происходит либерализация рынка социальных услуг, включение населения в планирование и реализацию пенсионных программ» [8], уход от патерналистских позиций в отношении государства, что должно способствовать росту интереса населения в отношении подготовки к жизни на пенсии заранее.

По результатам проведенного социологического исследования установлено, что больше половины россиянок не планируют свою жизнь на пенсии. Так ответили 56,5 % опрошенных. Начинают об этом задумываться 32,1 % женщин, а стараются все спланировать заранее только 11,5 %. Важно упомянуть часто встречающиеся реакции опрошиваемых на вопрос о планировании жизни на пенсии – некоторых этот вопрос возмутил или даже оскорбил: «Вы что не видите, я же еще молодая женщина?», многих расстроил: «раньше не задумывалась, а теперь буду думать». Судя по наблюдаемым реакциям, происходит очевидное «вытеснение» мыслей о предстоящей пенсии.

Планирование жизни на пенсии актуализируется по мере приближения пенсионного возраста, причем перспектива планирования в большинстве случаев не является долгосрочной. В возрастном диапазоне от 45 до 49 лет доля тех, кто в той или иной степени планирует жизнь на пенсии, составила 38,4 %, среди тех, кому от 50 до 54 лет, таковых 42,8 %, среди 55–57-летних – 62,5 % (таблица 5). Полученные данные в целом согласуются с тем, что отмечают И. Григорьева и И. Сизова, а именно, что по до-

стижении возраста в 55 лет женщины, как правило, начинают осмысливать данный возрастной этап как предел, за которым все основные усилия должны быть направлены на исключение сложных профессиональных дел и подготовке к старости [9].

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы сейчас свою жизнь на пенсии?» (в процентах от числа опрошенных, с разбивкой по возрастным группам)

Варианты ответов	По всем опрошенным	45–49 лет	50–54 года	55–57 лет
Да, стараюсь все спланировать заранее	11,5	7,0	19,0	20,8
Начинаю об этом задумываться	32,1	31,4	23,8	41,7
Нет, пока не планирую	56,5	61,6	57,1	37,5

Мысли о предстоящей пенсии вызывают у женщин больше чувства принятия (42 %), спокойствия (32,8 %), любопытства (16,8 %), надежды (13 %) и вдохновения (12,2 %), что связано с доминирующей позицией опрошиваемых принятия возраста и возрастных изменений, описанной выше. Однако стоит отметить, что отдельные респонденты указывали, что по мере приближения пенсионного возраста они испытывают тревогу (15,3 %), безысходность (7,6 %) и тоску (7,6 %). Негативные чувства и эмоции, например тревогу, чаще выделяли опрошенные в возрасте 55–57 лет (25 % на 12,8 % (45–49 лет)), а позитивные, например чувство любопытства, женщины в возрасте 45–49 лет (20,9 % на 4,2 % (55–57 лет)).

На вопрос «Как Вы считаете, что человек сам для себя должен сделать, чтобы подготовиться к пенсии?» большинство ответили – «делать сбережения» (56,5 %). На втором месте вариант ответа «приобрести источник пассивного дохода», его выбрали 43,5 %. На третьем месте – «сделать полное медицинское обследование» (38,3 %) и четвертом – «привести в порядок зубы» (32,1 %). Среди менее популярных ответов – «закупить дорогостоящую одежду и обувь» (6,1 %) и «приобрести новую машину» (7,6 %). Вариант ответа – «готовиться к пенсии бесполезно, нужно жить одним днем» – выбрали 6,9 % респондентов. По результатам исследования это же они постараются реализовать и для себя лично (таблица 6). Делать сбережения планируют 55,7 % женщин, приобрести источник пассивного дохода – 36,6 %, привести в порядок зубы – 34,4 %, а пройти полное медицинское обследование – 32,1 %. Среди менее популярных ответов те же. Одежду и обувь впрок будут стараться закупить 4,6 %, а приобрести новую машину – 9,2 %. Не считают актуальным подготовку к пенсии 8,4 % респондентов. Тем самым представления женщин о желательном и их реальные планы по подготовке к пенсии в значительной степени совпадают, что указывает на достаточно оптимистичную оценку собственных материальных возможностей подготовки к пенсии.

Таким образом, женщины с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее, однако долгосрочных планов не строят, что, возможно, связано с восприятием возраста «45+» как периода расцвета, игнорированием мыслей о предстоящей старости. Безусловно, играет свою роль и такой фактор, как низкий горизонт планирования россиян. Так, по результатам совместного исследования Института психологии РАН и Всероссийского центра изучения общественного мнения (N=1600, среди населения РФ), проведенного осенью 2021 года, не строит планов и живет сегодняшним днем 31 % россиян, 17 % отметили, что не строят планы в связи с нестабильной ситуацией в стране [10].

Распределение ответов на вопросы: «Как Вы считаете, что человек сам для себя должен сделать, чтобы подготовиться к пенсии?» и «Что из вышеперечисленного Вы постараетесь реализовать для себя лично?»
(в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответов	Что человек должен сделать сам для себя, чтобы подготовиться к пенсии	Что из вышеперечисленного Вы постараетесь реализовать для себя лично
Делать сбережения	56,5	55,7
Приобрести источник пассивного дохода	43,5	36,6
Сделать полное медицинское обследование	38,3	32,1
Привести в порядок зубы	32,1	34,4
Ремонт квартиры, дачи	28,2	29,0
Обновить дорогостоящие вещи в квартире: мебель и бытовую технику	16,0	19,8
Приобрести новую машину	7,6	9,2
Впрок закупить дорогостоящую одежду, обувь	6,1	4,6
Правильнее жить одним днем, заранее готовиться к пенсии бесполезно	6,9	8,4

Несмотря на то, что женщины в настоящее время не планируют жизнь на пенсии, они считают, что готовиться к пенсии необходимо. Так, только 6,9 % респондентов считают, что готовиться к пенсии бесполезно, а остальные собираются сконцентрироваться на экономических способах подготовки к жизни на пенсии, самими популярными среди которых стали сбережения и приобретение источника пассивного дохода. По результатам исследования можно отметить, что осознанное планирование пенсии зависит от возраста и начинается преимущественно в предпенсионном возрасте по достижении 55 лет, хотя и в 45 лет женщины начинают об этом задумываться.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что женщинам возраста «45+» присущ широкий диапазон вариативности в собственном социальном самоопределении и разделяемых жизненных практиках. Способы восприятия возраста и понимание жизненных задач этого периода разные: от отдыха, спокойствия и стабильности до периода жизненных достижений и самореализации – однако общая направленность отношения к возрасту позитивная. Женщины усвоили и транслируют тот взгляд на возраст, который является для них наиболее адаптивным, и предпочитают жить «здесь и сейчас».

На фоне позитивной оценки своего нынешнего возраста большинство женщин в возрасте «45+» избегают мыслей о более или менее отдаленном будущем в виде перспективы выхода на пенсию. Мысли о предстоящей пенсии меняют парадигму жизни с продолжающейся молодости к приближающейся старости, символически переводят

из категории молодых в пожилые, активизируют страхи старения, немощи, бедности, приближения к смерти. Отсутствует определенность в понимании финансовых и социальных перспектив жизни на пенсии, можно опереться только на свой личный ресурс и непосредственное социальное окружение, семью. Несмотря на очевидное нежелание думать о пенсии, женщинам в целом присуще и стремление создать себе «подушку безопасности» к моменту ухода с работы в виде сбережений, отремонтированной квартиры или дачи, медицинского «чек-апа» и других мер, требующих концентрации материальных ресурсов на протяжении достаточно длительного временного периода. При этом большая часть опрошенных начинает задумываться о пенсии, только начиная с предпенсионного возраста, то есть с 55 лет. И здесь может быть несколько вариантов объяснений очевидного противоречия, которые требуют уточнения в ходе дальнейших исследований по проекту НИР VIP-020: либо это декларативность намерений при очевидно недостаточном горизонте планирования, либо приходится констатировать, что фактическая подготовка к пенсии начинается до того, как уход на пенсию начинает осознаваться в качестве реальной жизненной перспективы и реализуется прежде всего в экономическом аспекте, либо, как третий вариант, большинство не собирается уходить с работы по достижении пенсионного возраста.

Внутри изучаемого возрастного периода – от 45 лет до 57 лет – можно выделить два возрастных порога, по достижении которых у женщин происходит переоценка и переопределение себя на новые жизненные задачи: первым пороговым возрастом можно назвать 50 лет, когда происходит принятие возраста и возрастных изменений; вторым возрастным порогом является достижение предпенсионного возраста, с которого в большинстве случаев начинается осмысление и планирование предстоящего выхода на пенсию.

Ссылки

1. Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. Сер. «Гендерная социология». СПб., 2019. С. 6–23.
2. Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16.
3. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Овчинникова Н. В. Отношение женщин к пенсионной реформе 2018. Старшее поколение современной России / Под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 268–272.
4. Вукович Г. Г., Гелета И. В. Рынок труда. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. 238 с.
5. Доброхлеб В. Г. Непрерывное образование и гендерный баланс // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 26–33.
6. Здоровье и возраст // Роспотребнадзор: официальный сайт. URL: http://www.25.rosпотребнадзор.ru/news/-/asset_publisher/b2yT/content/здоровье-и-возраст?ysclid=I9o38bmy0776410648 (дата обращения: 18.09.2022).
7. Траектории занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова, Н. В. Овчинникова, Ю. Минь // Социологические исследования. № 7. 2021. С. 40–49.
8. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
9. Григорьева И. А., Сизова И. Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. № 2. С. 109–135.
10. Большинство россиян не строят долгосрочных планов на жизнь // Российская академия наук: веб-сайт. 12.10.2021. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f1485a8e-3338-4e97-abbf-b8f23c6d3087> (дата обращения: 18.09.2022).

Public solidarity during a pandemic: international experience

O. P. Noskova¹

¹St. Petersburg State University, 7-9 University Embankment, St. Petersburg, 199034,, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-404-415

Research article
Full text in Russian

The article provides a meaningful analysis of domestic and foreign websites, which reflects up-to-date information about the peculiarities of civil activism and public solidarity during the COVID-19 pandemic in such countries as: Great Britain, Canada, France, Australia, America, Mexico, Russia. In the course of the analysis, similar assistance programs, common motives of people to engage in volunteer activities are highlighted, and unique projects related to both the geographical location of regions and the mentality of citizens are indicated. An attempt has been made to prove that volunteering during the pandemic is an effective tool for the formation of social solidarity around the world, and its manifestation in difficult times is a necessary and effective way to preserve the social health of the population and maintain the socio-economic balance of states. It is concluded that self-isolation served as an impetus to strengthen social ties between people and led to the emergence of new forms of interaction, as well as support options for various categories of citizens. In conclusion, the statement is made about the importance of cooperation between civil activists and regional governments in terms of organizing productive interaction and providing prompt mutual assistance in the emerging challenges of unstable and rapidly changing reality.

Keywords: solidarity; pandemic; volunteering; civil society; COVID-19; assistance; support

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Noskova, Olga P. | E-mail: boxgirl@yandex.ru
| Cand. Sc. degree seeking applicant

For citation: Noskova O. P. Public solidarity during a pandemic: international experience // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 404-415. (in Russ.)

Общественная солидарность в период пандемии: международный опыт

О. П. Носкова¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-404-415
УДК 316.353

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье приводится содержательный анализ отечественных и зарубежных сайтов, где отражена актуальная информация об особенностях проявления гражданской активности и общественной солидарности в период пандемии COVID-19 в таких странах, как Великобритания, Канада, Франция, Австралия, Америка, Мексика, Россия. В процессе анализа выделены схожие программы по оказанию помощи, общие мотивы людей к занятию волонтерской деятельностью, а также указаны уникальные проекты, связанные как с географическим положением регионов, так и с менталитетом граждан. Предпринята попытка доказать, что волонтерство в период пандемии является эффективным инструментом формирования общественной солидарности во всем мире, и ее проявление в сложное время – необходимый и действенный способ сохранения социального здоровья населения и поддержания социально-экономического баланса государств. Делается вывод, что самоизоляция послужила толчком к укреплению социальных связей между людьми и привела к появлению новых форм взаимодействия, а также вариантов поддержки различных категорий граждан. В заключение приведено утверждение о важности сотрудничества между гражданскими активистами и правительствами регионов в части организации продуктивного взаимодействия и оказания оперативной взаимной помощи при возникающих вызовах нестабильной и быстроменяющейся действительности.

Ключевые слова: солидарность; пандемия; волонтерство; гражданское общество; COVID-19; помощь; поддержка

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Носкова, Ольга Павловна

E-mail: boxgirl@yandex.ru

Соискатель ученой степени кандидата социологических наук, факультет социологии, кафедра социологии молодежи и молодежной политики

Для цитирования: Носкова О. П. Общественная солидарность в период пандемии: международный опыт // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 404-415.

Введение

Когда пандемия COVID-19 охватила весь мир, волонтерские организации отреагировали быстро и эффективно, оказывая помощь на передовой и создавая возможности для людей по всему миру. В докладе, опубликованном глобальным альянсом гражданского общества CIVICUS «Солидарность во время COVID-19», подчеркивается незаменимая роль гражданских активистов, НКО и общественных организаций во время пандемии и содержится призыв к государствам сотрудничать

© Носкова О. П., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

с гражданским обществом для смягчения последствий COVID-19 и создания лучших постпандемических условий [1].

Добровольцы всех стран, пораженных пандемией, взяли на себя решающую роль в предоставлении основных услуг населению, когда были сложности с медицинской помощью и психологической поддержкой, продуктами питания, средствами индивидуальной защиты и иными предметами первой необходимости. В каждой стране различные группы активистов пытались удовлетворить потребности сообществ, наиболее пострадавших от кризиса. Даже организации, приоритет которых находится вне поля деятельности волонтеров, быстро переориентировались на предоставление основных товаров и услуг, включая продовольствие, здравоохранение, информационную и финансовую поддержку, чтобы поддержать рядовых граждан в период изоляции.

Учитывая многочисленные социально-экономические проблемы, связанные с пандемией COVID-19, демонстрация солидарности, проявленная волонтерами всего мира, вдохновляет и мотивирует. Проведем контент-анализ отечественных и зарубежных сайтов волонтерских и благотворительных общественных организаций, а также научных организаций, изучающих влияние пандемии на социальную жизнь: Международной некоммерческой организации глобального альянса, направленного на укрепление гражданской активности и гражданского общества во всем мире «CIVICUS», Центра доказательной медицины Оксфордского университета, британской страховой и инвестиционной компании «Legal & General», национальной благотворительной организации «Volunteer Canada», Австралийского бюро статистики, рецензируемого британского журнала о здравоохранении «BMC Public Health», австралийской некоммерческой организации «Volunteering Australia», экологической некоммерческой неправительственной организации «Coral Reef Alliance», волонтерской программы «Scotland Cares», французской добровольческой организации «France Bénévolat», благотворительной организации «American Red Cross», всероссийской акции взаимопомощи «Мы вместе», содержащих информацию о волонтерстве в период пандемии по поисковым запросам: «волонтеры пандемии», «волонтерская деятельность в период COVID-19» – и вычленим содержание по категориям: «основные направления деятельности», «мотивы», «региональные особенности», после чего сделаем вывод о том, насколько волонтерство в период пандемии схоже в разных странах и эффективно в качестве инструмента укрепления общественной солидарности.

Контент-анализ отечественных и зарубежных сайтов, содержащих информацию о волонтерстве в период пандемии

Великобритания. В течение суток после правительственного призыва граждан Великобритании присоединиться к «добровольческой армии» Национальной службы здравоохранения штат волонтеров увеличился на 500 000 человек. К началу апреля 2020 года более 750 000 человек были зачислены в эту армию и начали выполнять такие задачи, как доставка лекарств из аптек, транспортировка пациентов на прием к врачам или регулярные телефонные звонки изолированным лицам. Медицинские работники, фармацевты и сотрудники местных органов власти загружали запросы о помощи добровольцев в специальное приложение.

Волонтерство во время пандемии заставило людей почувствовать себя полезными во время кризиса, осознать, что им тоже может понадобиться помощь в буду-

щем, если они заразятся вирусом. Чувство солидарности в таком случае формируется путем объединения разных людей в достижении общей цели. Расширяя социальные связи с помощью волонтерства, люди чувствуют себя частью сообщества, которое увеличивает их социальный капитал. Установление социальных связей порождает доверие, побуждая людей ощущать себя в большей безопасности. Впечатляющий общественный резонанс во время пандемии COVID-19 показывает, что у волонтерства есть значительный потенциал, порождающий национальный энтузиазм в отношении социальных и экономических последствий, с которыми всей стране приходится сталкиваться в период COVID-19 [2].

Послание правительства Великобритании «Оставайтесь дома» представляет собой посильный вклад каждого гражданина во время пандемии коронавируса, не заражаясь самим и не заражая других. Но для многих неравнодушных граждан это был вызов: добровольно жертвуя временем и энергией, они помогали нуждающимся. С тех пор как началась изоляция, в Великобритании наблюдался всплеск солидарности. В ответ на кризис по всей стране возникли группы взаимопомощи. В такие моменты волонтерство становится более важным, чем когда-либо.

Волонтерская программа Scotland Cares COVID-19 включала в себя написание писем жителям домов престарелых или тем, кто чувствовал себя изолированным. Письма, написанные добровольцами от руки или отправленные через интернет-форму, утверждались ответственными кураторами, а затем передавались тем, кто зарегистрировался в программе в качестве получателя. Пандемия коронавируса привела к быстрому росту активности на низовом уровне, известном как «спонтанное волонтерство». Многие люди, чувствуя необходимость, предлагали помощь соседям или создавали местные инициативы. На территории Великобритании существовали «сети соседей», которые распространяли листовки в поисках добровольцев, одновременно обращаясь к тем, кому может понадобиться помощь. Также были запущены веб-сайты для регистрации соседей-энтузиастов. Распространенным видом помощи стал патронаж над пожилыми со стороны тех, у кого достаточно свободного времени в связи с переходом на дистанционную работу. Многие дистанционно работающие присоединялись к группам добровольцев, которые готовили и доставляли еду в больницы для медицинских работников, а также для бездомных и наиболее уязвимых слоев населения.

С приходом пандемии увеличилось число людей, нуждающихся в продовольственном банке. Но несмотря на сложности, волонтерам удавалось выполнять практически все заказы. «Удовлетворенность работой – это нечто большее, чем деньги», – под таким девизом проходил каждый день волонтеров Великобритании. Многие отмечают, что хотели бы в дальнейшем построить карьеру, которая предполагает помощь другим. Подобный опыт не проходит бесследно. Волонтерство дает обществу столь необходимый импульс для укрепления солидарности, оно также приносит удовлетворение, чувство коллективной цели и личностный рост [3].

Согласно исследованию страховщика Legal & General и Центра экономических и бизнес-исследований, каждый пятый взрослый житель Великобритании (19 %) добровольно посвятил свое время общественной деятельности с начала карантина 23 марта. Две трети из тех, кто вызвался добровольцем (67 %), ходили за продуктами для соседей, друзей и других людей, в то время как четверть (26 %) собирали и доставляли лекарства или рецепты. Между тем 16 % добровольно вызвались позвонить людям, которые борются с одиночеством или другими психологическими

проблемами. В целом среди всех опрошенных более трех четвертей (78 %) заявили, что планируют продолжать помогать нуждающимся после карантина [4]. Исследователи заявили, что общественный дух Британии усилился в условиях карантина и что волонтеры пандемии были ключевой частью национальной инфраструктуры во время кризиса.

Канада. Через благотворительные, некоммерческие и общественные организации волонтеры в Канаде также предоставляли основные услуги группам населения, находящимся в сложной социальной ситуации в пандемию COVID-19. Они обеспечивали приют и иные бытовые услуги бездомным, а также женщинам и детям, спасающимся от домашнего насилия, услуги по охране психического здоровья, оказывали помощь изолированным пожилым людям, осуществляли доставку постоянного и экстренного питания и проч.

Канадцы действовали и напрямую, чтобы поддержать тех, кто их окружает, без участия организаций или групп. Этот вид неформального волонтерства всегда был частью канадской культуры и становится все более заметным в нынешних условиях. Существуют многочисленные примеры того, как люди предпринимали прямые действия, чтобы помочь другим во время пандемии, включая сбор и доставку продуктов и других предметов снабжения различным сообществам, приготовление пищи, пошив немедицинских масок, обмен информацией и оказание эмоциональной поддержки через онлайн-платформы социальных сетей. Эта многочисленная, неоплачиваемая, неформальная рабочая сила заботливых канадцев является ценным активом для сектора добровольцев и страны, поскольку люди приходят с помощью и поддержкой к друзьям, соседям и тем, кто наиболее подвержен риску осложнений со здоровьем, связанных с коронавирусом [5].

Волонтерство в разгар пандемии развивалось благодаря более широкому использованию возможностей интернета. Многие пожилые люди оказались изолированными, и поэтому в ответ на подобный вызов было запущено множество мероприятий в интернете и по телефону. Актуальность набирали двуязычные программы волонтерства, служащие связующим звеном между добровольцами и нуждающимися, говорящими на разных языках.

Пандемия коронавируса вдохновила канадцев на организацию «спонтанных» групп, предлагающих помощь пожилым людям и тем, кто наиболее подвержен риску во время вспышки заболевания, объединяя канадцев во время социального дистанцирования и распространяя добрососедство в трудное время.

Компьютерные эксперты предлагали помощь менее технически подкованным в создании домашних офисов, в то время как другие заменяли книги из бесплатных библиотек на электронные. Некоторые активисты создавали видеочаты, чтобы помочь тем, кто проходит курс лечения от различных зависимостей в изоляции из-за COVID-19.

Жители дома престарелых Виквемиконг делились фотографиями в интернете с напоминаниями о необходимости самоизоляции и мытья рук. Винокурня Spirit of York в Торонто производила дезинфицирующее средство для рук вместо напитков и бесплатно предоставляла его пожилым людям и людям с низким доходом.

Инициативные канадцы находили уникальные способы помочь друг другу преодолеть самоизоляцию, будь то онлайн-поход по магазинам, виртуальная танцевальная вечеринка или трансляция сет-листа.

Франция. Приказ французских властей об изоляции людей в возрасте 70 лет и старше сильно ударил по общественным организациям. Многие потеряли большую часть своих добровольцев, но есть и другая сторона этой истории: молодые люди до 30 лет активизировались, чтобы помочь тем, кому больше не на кого положиться.

Многие работающие люди, перешедшие на дистанционную работу, стали включаться в волонтерскую деятельность по доставке еды пожилым и маломобильным людям, хотя раньше не могли этим заниматься ввиду высокой трудовой загрузки. Многие молодые волонтеры называли это привилегией, поскольку могут быть «избранными» и помогать, в то время как часть волонтеров, ввиду возраста и хронических заболеваний, больше не может заниматься благотворительной деятельностью.

Призывы французских властей к солидарности в период пандемии были услышаны быстро, количество новых волонтеров, основными задачами которых являлись покупка и транспортировка еды и лекарств, помощь с оказанием электронных услуг, в разы увеличилось.

Сила сообщества во времена кризиса заметна особо, отмечают многие руководители волонтерских организаций.

В психологические центры Парижа поступали звонки от пенсионеров с вопросами и опасениями по поводу своего изолированного существования, длительности пандемии, многие боялись не пережить вирус. Но специалисты призывали пожилых людей принять новую реальность и соблюдать общенациональные требования. К особо тревожным пожилым людям прикрепляли волонтеров, которые регулярно им звонили и докладывали об обстановке в стране и мире, а также отвлекали пенсионеров от плохих мыслей переводами на другие темы. Некоторые пожилые люди заявляли, что стали жертвами мошенников, другим не с кем было поговорить, некоторые лишились услуг по уборке и уходу. И решение всех подобных вопросов ложилось на плечи волонтеров. В этом контексте волонтеры – именно те фигуры, которым пожилые люди осмелились довериться, они необходимы, чтобы сопровождать изолированных людей в этой беспокойной повседневной жизни с коронавирусом. Если бы этих волонтеров не было, то люди, у которых нет социальных сетей, не смогли бы ходить на прием к врачу, получать продуктивную помощь, корзины с лекарствами и промтоварами. Кроме того, психологические центры предлагали звонки дружбы людям, у которых мало социальных контактов и которые испытывают нужду в такое непростое время, независимо от их возраста и физического состояния. Множество волонтеров высказали готовность выполнить эти задачи.

Чувство выполненного долга в тяжелый для всего мира период мотивирует волонтеров продолжать помогать и не останавливаться. Таким образом те, кто хотел помочь единожды, стали зависимыми от желания помогать, видя благодарные взгляды и осознавая свою значимость. Идея служения людям объединила французов со всех уголков страны [6].

Австралия. Чтобы снизить риск заражения, австралийским правительством были введены различные уровни официальных ограничений, что повлияло на то, как и когда люди добровольно участвовали в волонтерских программах: перевод волонтерства в онлайн, чтобы волонтеры могли работать из дома, замена личного контакта телефонным, обеспечение соблюдения добровольцами ношения масок и дистанции в 1,5 метра во время личного контакта с благополучателем, сокращение времени контакта лицом к лицу до 15 минут. Организациям, массово привлекающим добровольцев, рекомендовано проконсультироваться со страховыми службами о по-

следствиях пандемии для их волонтерской рабочей силы, если они решат продолжать привлекать добровольцев в непростое время [7].

В существующем кризисе австралийцам предлагалось два уровня помощи: личный и через благотворительные организации. Так, в Красном Кресте волонтеры дистанционно проверяли самочувствие тех, кто находился в изоляции, в ситуативно созданной общественной сети «Друг другу» предлагалось вывести на прогулку соседскую собаку или купить товары первой необходимости, организация «Lifeblood», несмотря на введенные ограничения, призывала здоровых доноров продолжать делать пожертвования крови и плазмы нуждающимся, проект австралийцев по патронажу медицинских работников позволял угощать медиков кофе или выпечкой лично, находясь по соседству, или дистанционно через благотворительную организацию «Go Fund Me».

В Мельбурне и Сиднее предлагалось заказать доставку обедов на дом, где к личному заказу добавлялся второй обед, пожертвованный в женский приют или столовую под кураторством организации «Two Good».

Продовольственные банки принимали пожертвования нераспечатанных и просроченных продуктов, включая растительное масло, приправы, сухие продукты, консервы, молоко длительного хранения и растворимый кофе для Центра просителей убежища с возможностью сдавать пожертвования в пунктах сбора или в задней части головного здания, чтобы ограничить контакты с людьми [8].

Австралийское бюро статистики обследовало воздействие COVID-19 на волонтерскую деятельность. Показатели формального участия в волонтерской деятельности снизились: с каждого четвертого (26 %) человека, добровольно работающего через организацию до COVID (до марта 2020 года), до каждого пятого (21 %) за последние 12 месяцев (до марта 2021 года). Как и в других странах, это связано с боязнью за личное благополучие и изоляцию волонтеров пенсионного возраста, вынужденных оставаться дома.

Онлайн-волонтерство было доступно каждому пятому (21 %) добровольцу. Из тех, у кого был доступ, трое из четырех (76 %) участвовали в онлайн-волонтерстве. Такая практика оправдала себя еще в первую волну пандемии, когда волонтеры учили нуждающихся пользоваться интернет-ресурсами для заказа продуктов, медикаментов и прочих товаров, оплаты услуг, оказывали юридическую, психологическую поддержку, информировали об актуальной картине происходящего.

Добровольцы старше 65 лет с большей вероятностью прекратили волонтерскую деятельность, чем другие возрастные группы, что объясняется высоким риском заражения и тяжелым течением болезни.

Почти три четверти (72 %) респондентов сообщили, что их волонтерские программы, в которых они участвовали ранее, либо функционировали лишь частично (60 %), либо не функционировали совсем (12 %). Действительно, пандемия поспособствовала закрытию множества социально значимых проектов, реализуемых волонтерским сектором: экологических, патриотических, событийных, культурных и проч.

В оставшихся проектах спрос на услуги добровольцев возрос. Четыре из десяти (43 %) функционирующих организаций сообщили о росте потребности бесплатной рабочей силы для оказания услуг нуждающимся гражданам.

За четыре недели до марта 2021 года люди в возрасте 18 лет и старше чаще участвовали в неформальном волонтерстве, чем в волонтерстве через организа-

цию или группу (27 % и 15 % соответственно), объясняя это тем, что самостоятельно можно выполнить гораздо больше заказов без отчетов и контроля. Более двух из пяти (43 %) человек в возрасте 18 лет и старше оказывали неоплачиваемую помощь людям, живущим за пределами их собственного домохозяйства, осознавая значимость и необходимость своей работы [9].

Сотрудники Австралийского бюро статистики отмечают высокий всплеск гражданской активности среди населения, появление новых форм социального взаимодействия и консолидацию усилий по борьбе с пандемией государственного, коммерческого и некоммерческого секторов.

США. Опрос, проведенный американской компанией OnePoll, показал огромный всплеск волонтерства среди американцев за последние два года. 65 % респондентов заявили, что пандемия дала им сигнал к тому, чтобы больше помогать своим сообществам.

В ходе опроса 2000 американцев, выяснилось, что 52 % из тех, кто назвал себя волонтером, впервые начали заниматься волонтерством в период пандемии.

Наиболее распространенные способы добровольного участия американцев включали: доставку продуктов питания работникам основных предприятий (35 %); добровольную помощь пожилым или нетрудоспособным людям содержать свои дома (23 %); сбор продуктов для продовольственных банков (21 %); волонтерство в продуктовых банках (20 %); сдачу крови (19 %).

Однако 70 % респондентов заявили, что не решались стать добровольцами из-за соображений безопасности во время пандемии. Они хотели помочь своим общинам, но беспокоились о том, чтобы не заболеть в процессе.

Треть респондентов заявила, что близкие им люди мотивировали их к волонтерству. 35 % сказали, что главной причиной, по которой они решили помочь, было то, что они слышали о нуждающихся друзьях и соседях. 17 % сказали, что наблюдение за тем, как их друзья и соседи становятся волонтерами, заставило пойти по их стопам [10].

Среди наиболее распространенных форм проявления общественной солидарности в период пандемии в Америке были: пошив масок для медицинских работников и приютов для бездомных, волонтерство на горячей линии в кризисных ситуациях, подписание и отправка открыток жителям, находящимся в изоляции в домах престарелых, обучение пожилых людей использованию приложений для видеозвонков и дистанционной связи. Кризисные горячие линии переполнены звонящими, которые борются с эмоциональными последствиями пандемии. В некоторых центрах доверия спрос почти удвоился из-за наплыва людей, желающих поговорить о потерянной работе, одиночестве и общей тревоге по поводу состояния мира в это тяжелое время. Также популярной была роль волонтера Спасательной линии по предотвращению самоубийств.

Организация «Еда на колесах», предоставляющая услуги по доставке еды пожилым людям, в этот период испытывала все большую нехватку ресурсов, поскольку запросы на питание резко возросли. Армия спасения также проводила аналогичную программу, доставляя еду нуждающимся людям.

Для помощи в период пандемии необязательно быть аффилированным с какой-либо организацией, чтоб выполнять поручения для пожилых или уязвимых соседей. Пользователи Facebook создали полезные шаблоны, которые упрощали процесс общения с нуждающимися, когда заполненный шаблон можно было доставить

соседям, чтобы они знали, что волонтеры рядом и готовы помочь. В шаблоне необходимо было указать свое имя, номер телефона и адрес, а также сообщить соседям, в чем вы можете помочь и как с вами связаться.

Американский Красный Крест продолжал заборы крови по всей стране. Обще-национальная организация продовольственных банков собирала пожертвования для финансирования своей сети. Фонд организации по борьбе с коронавирусом помогал группам населения в обеспечении продовольствием, медицинским обслуживанием, водой и другими основными потребностями. В ответ на пандемию и закрытие школ по всей стране организация No Kid Hungry принимала пожертвования для обеспечения малообеспеченных детей питанием.

Согласно анализу, опубликованному в BMC Public Health, волонтерство помогло уменьшить чувство депрессии, повысить удовлетворенность жизнью и улучшить общее самочувствие [11].

Всплеск волонтерства должен продолжиться и после пандемии, поскольку новые добровольцы делятся, что это оказало на них положительное влияние. 73 % сообщили, что им нравится жертвовать деньги или предметы быта для обеспечения функционирования нуждающихся сообществ. Тем не менее они находили больше удовлетворения, выходя на улицу и выполняя практическую работу и реальную помощь, отмечая не только важность единения в кризисные периоды, но и получение новых компетенций, расширение социальных связей и преодоление коммуникативных барьеров.

Мексика. В Мексике Национальная сеть приютов расширила штат своей круглосуточной телефонной линии и оказала дополнительную помощь через социальные сети в период пандемии. Мексиканский Красный крест с приходом пандемии расширил штат «Добровольцев на колесах», у которых к задачам развоза еды в больницы, труппы, раздаче игрушек детям из бедных семей добавились измерение температуры продавцам на рынках, раздача защитных масок, санитарных гелей и памяток по защите от вируса. Следующим этапом стала организация большой разъяснительной работы с населением об обязательном ношении масок и соблюдении дистанции, особенно в местах скопления людей с ограниченными ресурсами: приюты для мигрантов, бедные кварталы, хижины бездомных.

Мексиканская прибрежная зона Ривьера Майя является одним из самых уникальных мест в мире, здесь обитает одна из крупнейших коралловых экосистем, а также виды морских животных, находящиеся под угрозой исчезновения. Добровольцы на постоянной основе вносят свой вклад в сохранение рифа, проводя обследования для определения состояния рифа и выращивая фрагменты кораллов в лабораториях для пересадки на местный риф, чтобы помочь в его восстановлении. Они также помогают свести к минимуму загрязнение морской среды пластиком, собирая отходы с местных пляжей и океанского дна, проводят разъяснительную работу с рыбаками и туристами. Пандемия нанесла большой урон местной волонтерской общине, значительно сократив количество волонтеров и средств, получаемых от спонсоров и туристов. В ответ на вызов кураторы программ по защите рифов запустили онлайн-магазины с продажей тематической сувенирной эко-продукции, стали активнее участвовать в исследовательских грантах, а также организовали сбор добровольных взносов [12].

Таким образом, объединившись, граждане Мексики не только продолжили добровольческую деятельность на традиционных проектах, но и инициировали но-

вые, расширяя функционал и целевую аудиторию, помогая максимальному числу нуждающихся.

Россия. По состоянию на конец августа 2020 года, почти 3,5 миллиона граждан России получили помощь во время пандемии от волонтеров всероссийской акции «Мы вместе», всего в акции приняли участие более 20 тысяч волонтеров и организаций-партнеров акции.

В рамках акции стоит отметить несколько проектов, в которых участвовали разные регионы России: «Тележка добра» – специальные тележки были установлены в 1,5 тыс. магазинов в 80 регионах страны, где жители оставляли продукты, которые потом волонтеры штабов «Мы вместе» доставляли людям; «Довези врача» – проект, стартовавший 30 марта 2020 года, когда в ряде регионов страны ограничили работу общественного транспорта. Акция работала в 32 регионах страны, а парк составил 1089 автомобилей. Ежедневно добровольцы подвозили медицинских работников из дома на работу и обратно. Выполнено более 5 тыс. рейсов. В общей сложности более 1,5 тыс. медицинских работников воспользовались такой помощью; колл-центр «Мы вместе» за первый месяц обработал более 1,5 млн. звонков, зарегистрировав свыше 185 тыс. заявок, более 120 тыс. человек получили помощь по всей России. По состоянию на 19 мая 2020 года, количество принятых звонков превысило 2,6 миллиона, зарегистрировано свыше 710 тысяч обращений; «Волонтеры-медики» ежедневно приходили в российские больницы, чтобы помогать врачам бороться с пандемией. Активисты осматривали пациентов, ставили капельницы и уколы, проводили необходимые анализы в лаборатории, помогали медикам в уходе за пациентами, разгружали медикаменты, убирали помещения. По состоянию на 27 мая 2020 года, в России более 6 тыс. волонтеров-медиков помогли врачам в 199 учреждениях; «В сказку – из дома» – проект, созданный при поддержке Министерства культуры РФ, «МТС» и Российского движения школьников, стартовал в апреле 2020 года. В акции приняли участие более 350 волонтеров – студентов СПбГУ, МГУ, РУДН и других крупных вузов России [13].

Не остались в стороне и коммерческие структуры: так, сервис «Яндекс.Такси» запустил федеральный проект «Помощь рядом», в рамках которого осуществлялась безвозмездная технологическая и логистическая помощь сотрудникам секторов, на передовой помогающих зараженным; консорциум «Альфа-групп» выделил на адресную помощь пожилым людям 1 млрд. рублей; благотворительный фонд Владимира Потанина запустил 3 грантовых конкурса с фондом более 900 млн рублей на поддержку общественных организаций и НКО, находящихся в активной работе по борьбе с пандемией [14].

Среди главных мотивов волонтеров были искреннее желание участвовать в помощи нуждающимся, чувствовать себя частью большой работы по преодолению последствий коронавируса, сопереживание ближним и возможность проявить свою гражданскую позицию. Также одной из причин повышения активности взрослого населения называют страх оказаться в будущем в подобной ситуации. Примечательно, что все чаще в ряды волонтеров в России записывались люди 26–40 лет, среди координаторов проекта это получило название «феномен времен коронавируса». Раньше у работающих граждан не было свободного времени для волонтерства, но с переходом на удаленную работу такое время появилось. Открывая новые возможности, россияне охотно планируют волонтерить в будущем, осознавая ценность

этой деятельности и рассматривая волонтерство в том числе как инструмент самореализации, сплочения, развития страны.

Заключение

Рассмотренные материалы показывают, что доставка предметов первой необходимости, таких как продукты питания и медикаменты, а также оплата услуг доминировали на ранних этапах волонтерства в связи с COVID-19. Вторым видом деятельности, который становился все более распространенным по мере того, как продолжался первый «карантин», была борьба с социальной изоляцией посредством таких мероприятий, как поддержка по телефону и посредством сети Интернет, дистанционные социальные мероприятия, запись и распространение полезного контента. После первой волны карантина (март–июль 2020 года) наблюдался все больший сдвиг в сторону волонтерской деятельности, направленной на устранение более широкого воздействия пандемии на другие области, такие как занятость, социальные пособия, психическое здоровье, домашнее насилие, суициды. В этот период стремительно развивается соседское волонтерство, когда менее подверженные риску заражения люди оказывают помощь пожилым, маломобильным, оказавшимся в более сложной ситуации. К добровольческой деятельности все чаще подключаются предприниматели, внося серьезный вклад в поддержку медиков, волонтеров и тех, кто оказывается на передовой. Не останавливают работу экологические центры, приюты для животных, благотворительные фонды, донорские организации, центры поддержки бездомных.

Правительства многих стран подтверждают огромный вклад добровольцев в эту борьбу, поощряя самых активных, помогая общественным организациям, выделяя гранты и административно поддерживая новые инициативы.

Таким образом, социологический анализ ситуации с пандемией еще раз доказал, насколько люди со всего мира готовы спланировать ради достижения единой цели. Волонтеры изо дня в день, не жалея времени и сил, помогали тем, кому это необходимо. Проанализированные информационные ресурсы свидетельствуют о похожих проектах в разных странах и об общей мотивации волонтеров – внести свой посильный вклад в борьбу с последствиями COVID-19. Чувство солидарности укрепляется благодаря неравнодушию граждан и осознанию общей ответственности за тот мир, который навсегда изменила пандемия.

На протяжении всей пандемии COVID-19 гражданское общество демонстрировало стойкость, системный подход и способность к адаптации в условиях быстро меняющейся реальности.

Стоит заключить: мировые державы должны единогласно признать ценность волонтерского сообщества и работать над его поддержкой и партнерством с ним. Это приведет к совместным и эффективным мерам реагирования на самые сложные вызовы современности.

Ссылки

1. Solidarity in the time of COVID-19 // CIVICUS. 20.11.2020. URL: <https://civicus.org/index.php/covid-19> (дата обращения: 22.04.2022).

2. Volunteering during the COVID-19 pandemic: What are the potential benefits to people's well-being? // The Centre for Evidence-Based Medicine. 23.04.2020. URL: <https://www.cebm.net/covid-19/volunteering-during-the-covid-19-pandemic-what-are-the-potential-benefits-to-peoples-well-being/> (дата обращения: 03.05.2022).
3. Helping hands: the reality of volunteering during the Covid-19 pandemic // Welcome to the Jungle. Work for more. 11.05.2020. URL: <https://www.welcometothejungle.com/en/articles/volunteering-during-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 08.05.2022).
4. Hidden Heroes / Who have been the great unsung heroes of 2020? // Legal & General. 12.04.2020. URL: <https://www.legalandgeneral.com/insurance/over-50-life-insurance/hidden-heroes/> (дата обращения: 09.05.2022).
5. Volunteering in Canada: Challenges and opportunities during the COVID-19 pandemic // Statistics Canada. 26.06.2020. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/45-28-0001/2020001/article/00037-eng.html> (дата обращения: 09.05.2022).
6. Le bénévolat en temps de pandémie, c'est possible! // Radio-Canada. 22.04.2020. URL: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1696108/alberta-benevolat-semaine-action-covid-19-pandemie> (дата обращения: 22.04.2022).
7. Volunteering Australia // Re-engaging Volunteers and COVID-19. 20.02.2021. URL: <https://www.volunteeringaustralia.org/wp-content/uploads/2021.02.08-Re-engaging-Volunteers-and-COVID-19-Report.pdf> (дата обращения: 08.05.2022).
8. Buy a nurse a coffee: ways Australians can help others during the coronavirus crisis // The Guardian. 27.03.2020. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/mar/28/buy-a-nurse-a-coffee-ways-australians-can-help-others-during-the-coronavirus-crisis> (дата обращения: 08.05.2022).
9. Household Impacts of COVID-19 Survey // Australian Bureau of Statistics. 14.04.2021. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/people/people-and-communities/household-impacts-covid-19-survey/mar-2021> (дата обращения: 08.05.2022).
10. Poll Reveals 52% of Americans Began Volunteering During the Pandemic // Power of Positivity. 16.07.2021. URL: <https://www.powerofpositivity.com/volunteering-during-pandemic/> (дата обращения: 03.05.2022).
11. Medical students' participation in the Volunteering Program during the COVID-19 pandemic: a qualitative study about motivation and the development of new competencies // BMC Public Health. 19.02.2022. URL: <https://bmcmmededuc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-022-03147-7> (дата обращения: 03.05.2022).
12. Coral Conservation in a COVID-19 World: CORAL and Its Partners Rising to Meet New Challenges // Coral Reef Alliance. 04.20.2020. URL: <https://coral.org/en/blog/coral-meeting-challenges-of-a-covid-world/> (дата обращения: 22.04.2022).
13. Носкова О. П. Институт волонтерства как современная форма общественной солидарности на примере Всероссийской акции #МыВместе // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. № 4. С. 368–379.
14. Методические материалы по программе повышения квалификации «Содействие развитию добровольчества (волонтерства) и взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями» / Под ред. И. В. Мерсияновой. М.: Ассоциация волонтерских центров, 2020. 72 с.

Russian Particle Prosto ('Simply'): the Expantion of Functions

E. G. Borisova¹

¹State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy per., Moscow, 119049, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-416-423

Research article
Full text in Russian

The lexical means of marking expressiveness: modal particles, adverbials are analyzed. The Russian particle/adverb prosto 'simply' is highlighted but German English and Polish equivalents are also taken into consideration. The case of metaphorization based on the concept 'simple' is under investigation. In other words this paper intends to make input into the answer to the question: 'What are the features of lexis that make it possible of figurative thinking in the sphere of expressivity? The idea of simplicity is rather common for means expressing emphasizing and implication in some (not all anyway) languages: Rus. Prosto Fr. (tout) simplement, Germ. einfach Eng. Simply The metaphorical shift in the situation of emphasizing X prosto Y can be reconstructed in this way: 'there are many ways of evaluating X, X can be named Y and one does not need other, more complicated means'.

The meaning of causality (as it often occurs with particles) is mostly based on implicated cause, and that makes it possible to use this particle even when the causal relation is not evident. Rather often the idea of the cause needs a chain of implication: *Mozhno? Ya prosto xotela sprosit; May I come in? I just wished to ask*(3). 'I ask the permission to enter, (because I need something here), and this is to ask for something that I find not complicated,(so the cause of my ask for the permission is a simple desire to get some information)".

In such examples the function of the particle is similar to adverbials (as actually) or even hesitators. The function of hesitators is being developed later than others. This fact can be described in terms of microdiachrony. The conclusion about the importance of describing the system of connections in the language, reflecting the specifics of changing the prototypic meaning in different languages is made.

Keywords: particles; adverbs; metaphorization; prototypic meaning; discourse markers; causality; microdiachrony

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borisova, Elena G. | E-mail: efcomconf@list.ru
| Doc. Sc. (Philology), Professor

For citation: Borisova E. G. Russian Particle Prosto ('Simply'): the Expantion of Functions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 416-423. (in Russ.)

Частица «просто»: расширение функций

Е. Г. Борисова¹

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., 26, Москва, 119049, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-416-423
УДК 81

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи различных значений частицы «просто», их связи с прототипическим значением и возможности наблюдения происходящих семантических изменений. На основании собственных исследований соответствующих примеров и данных словарей прототипическим объявляется значение, совпадающее со значением наречия «просто» – несложно. Демонстрируется изменение прототипического значения наречия для выполнения таких функций частицы, как «эмпфаза» (Он просто идиот!), каузальность (Почему дружок? Да потому, что я жизнь учил не по учебникам. Просто я работаю волшебником!), хеджинг (не кровать-кушетка, а просто кушетка), нарушение дискурсивного ожидания (Нет, ничего. Просто последнее время идут разговоры). Видимо, впервые при описании значений служебного слова отмечается появление новых значений в течение ограниченного отрезка времени. Иными словами, рассматриваются микродиахронические процессы. Показывается возможность фиксации изменений на протяжении относительно небольшого отрезка времени. Производится сравнение (частичное) с аналогичными трансформациями наречия со значением «просто» в немецком (einfach) и английском (simply) языках, показывается как сходство, так и различия в развитии значений. Делается вывод о важности описания системы связей в языке, отражающих специфику изменения прототипического значения в разных языках.

Ключевые слова: частицы; наречия; прототипическое значение; дискурсивная функция; каузальная функция; микродиахрония; сопоставление языков

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова, Елена Георгиевна	E-mail: efcomconf@list.ru Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической лингвистики Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского государственного педагогического университета
----------------------------	---

Для цитирования: Борисова Е. Г. Частица «просто»: расширение функций // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 416-423.

Введение

В работе демонстрируются возможности анализа развития семантики служебных слов. Фиксация изменений и выявление их связи со структурой значений представляется возможным благодаря использованию аппарата микродиахронического описания.

Статья построена на анализе различных употреблений слова *просто* в дискурсивной функции, причем прямое значение наречия *просто* рассматривается как прототипическое значение для частицы. Материалом послужили словарные толкования частицы и примеры из словарей, примеры из НКРЯ и собственные наблюдения над устной и письменной речью в 2021 году.

1. Методы описания семантики служебных слов

Для описания семантики частиц используется модель словарной статьи служебного слова, разработанная автором при описании усилительных частиц, союзов и междометий. В ее основу положено предположение, что служебные слова обладают собственным лексическим значением, связанным с общим прототипическим значением многозначных служебных лексем, что делает большинство из них несинонимичными и не взаимозаменяемыми в конкретных контекстах. Вместе с тем часто их употребления оказываются схожи, что приводит к появлению в словарях идентичных описаний: «усиливает сказанное», «передает восхищение» и т. п. Это сходство нами связывается со способностью служебных слов выражать определенные функции, каковые и фиксируются в словарях как значения.

Связь лексических (частных) значений с общим значением, а также связь частных значений с выполняемыми функциями может рассматриваться как когнитивные операции, стоящие в том же ряду, что и метонимия, связывающая значения в семантике однозначных слов, т. е. можно говорить о выводимости одного значения из другого [1]. В то же время фиксация новых значений в словаре свидетельствует о том, что это значение уже узуализировано. Для контекстно обусловленных оттенков значения вопрос об узуализации может быть преждевременным, если оттенок выводим из контекста:

(1) *Это просто невероятно!*

Здесь оттенок несколько отличается от эмфазы в примерах с качественными признаками:

(1а) *Это просто восхитительно,*

т. к. говорящий имеет в виду не высокую степень невероятности, а признание факта невероятности как результат высокой степени какого-либо признака. Этот фрагмент смысла выводится из значения слова *невероятно*, т. е. контекста, поэтому можно говорить о том же самом значении усиления, а оттенок признать неузуализованным.

Связь значений внутри многозначного слова обычно рассматривается на уровне модели, отражающей синхронное состояние языка. Однако процессы могут быть связаны с развитием во времени, и в какой-то момент иногда оказывается возможным отметить появление нового значения.

Изменения в наблюдаемый период в языковой системе, совмещающей прежнее и нынешнее состояние, принято относить к микродиахронии [2].

2. Семантика частицы «просто»

Значения слова *просто*, которые можно отнести к служебным, отличным от значения омонима – наречия *просто*, выделяются в ряде словарей, но, пожалуй, наиболее полно описываются в [3], который опирается на теоретические исследования, в частности, частица *просто* описана в диссертации [4]. При этом сходство значений частицы и наречия настолько велико, что нередко встает вопрос о границе между этими лексемами (Их и следовало бы считать одной лексемой, как, к примеру, союз и частицу *А*, однако существует представление о том, что лексема не должна относиться к двум разным частям речи). В любом случае общее значение частицы *просто* может быть признано близким к полнозначному наречию, а выводимость в целом предстает очевидной.

Общее значение частицы может быть описано как: ***просто* X** = ‘неверно, что имеет место нечто кроме X, {хотя ожидания этого есть}’ (в фигурных скобках пресуппозиция). В словарях отмечены следующие функции этой частицы:

1 функция: **эмфаза** (усиление сказанного):

(2) *Это просто замечательно.*

(3) *Да ты просто красавица.*

Эта способность отмечается практически всеми словарями. Возможность выполнять эту функцию вытекает из значения частицы: ‘Можно было подумать, что кого-то нельзя назвать этим эпитетом, но это не так’. При том, что эпитет обозначает высокую степень чего-либо, подтверждение возможности такого наименования подтверждает истинность (и неоспоримость) высокой степени.

2 функция: **каузальность**. Значение причины передается целым рядом усиленных частиц как в русском, так и в некоторых других языках. При этом связь с основным значением оказывается разнообразной. В случае с частицей *просто* предлагаем такое толкование этого значения, выводимого из общего значения частицы: ***У, просто X*** ‘можно было подумать, что у *У* какие-то сложные и неожиданные причины, это не так, причина *X*’:

(4) *Да, и меня эта гребаная перестройка практически выкинула за борт. Но я устоял и остался в своей профессии. Просто я был и остался весьма приличным программистом (НКРЯ).*

Т. е. я устоял, потому что был приличным программистом.

Заметим, что такое толкование (как и толкования многих – хотя и не всех! – каузальных значений частиц) предполагает появление пресуппозиции о наличии интенции установления причины в связном тексте.

Это значение не всегда выделяется как отдельное. В частности, в исследовании [3] примеры, которые можно было бы интерпретировать как каузальные, оказываются среди примеров значения: «Говорящий характеризует какой-либо признак (или предмет, ситуацию) как “простой” по сравнению с одним или несколькими другими, противопоставляемыми ему признаками (предметами, ситуациями)».

Каузальность рассматривается как частный случай: «Элементарность и естественность признака (предмета, ситуации) может стать основой объяснения сложившегося положения. Отвергая иные возможности мотивации, говорящий с помощью “просто” вводит очевидную и зачастую единственную его причину»:

(5) *Зачем поехали? Конечно, мы не собирались продолжать здесь поиски. Просто хотелось своими глазами увидеть зловещую землю (газ).*

Отмеченное более широкое значение: «характеризует какой-либо признак (или предмет, ситуацию) как “простой», помимо каузальности, может относиться еще к нескольким функциям, каждая из которых заслуживает внимания. Рассмотрим их последовательно.

3 функция: **разграничение широкого и узкого понимания слова** (хеджинг). Авторы отмечают, что признание какого-то признака «простым» может быть связано с рестриктивным уточнением: *анатомический театр отличается от просто театра, красные профессора и просто профессора.*

(6) *Кровать-кушетка в моей бывшей комнате давно была превращена просто в кушетку* (пример из [3]).

Здесь разграничение носит поверхностный характер и вызвано необходимостью обращения к уже употребленному слову, но относящемуся к другим денотатам, что передается без ограничений. Эта задача – в основном референционного характера – встает и в тех случаях, когда говорящий употребляет местоимение *сам*:

(7) *Сначала появились заместители директора, а потом и сам директор.* Заметим, что в [3] есть пример, где *просто* заменимо на *сам*:

(8) *В этом случае исследователи говорят уже не просто о полисемии, а о её законах* (М. И. Фомина. Совр. рус. язык. Лексикология) (ср.: *не о самой полисемии*). Обе эти частицы (а местоимение *сам* тут тоже выступает в функции частицы) помогает снять возможную двусмысленность. И директор, и профессора без уточнения могут восприниматься как нечто иное, не соответствующее номинации.

В этих случаях частица *просто* относится к поверхностному уровню, к плану выражения. Но схожими оказываются и употребления, где использование слова для номинации требует отграничения от возможных пониманий этого слова, что уже не связано с поверхностными наименованиями: рестриктивными определениями, составными наименованиями и т. п.:

(9) *Встретилась с подругой: просто поболтали.*

(10) *Почему трибунал, а не просто суд?* (пример из [3]).

Для выполнения данной функции частица приобретает значение, которое можно описать: «возможно понимание слов с дополнительными оттенками} В данном случае этих оттенков нет». Действительно, слово *трибунал* предполагает наличие дополнительного оттенка слова *суд*: «военный суд». Поэтому употребление слова *суд* сопровождается частицей *просто*. В случае со встречей тоже возможны дополнительные обстоятельства: в этом значении слово *встреча* – «запланированное мероприятие» – обычно предполагает разные виды времяпрепровождения: совместное чаепитие, посещение концерта, прогулка в парке. Здесь слово *просто* убирает эти возможности.

Ограничения значения слова по тем объектам, к которым оно относится, или по фрагментам значения (необязательным) принято называть хеджингом. В данном случае можно утверждать, что функцией является хеджинг на поверхностном уровне (*просто кушетка*) или на уровне самого значения (*просто поболтали*).

Еще одна функция, связанная с дискурсивным употреблением слова *просто*, требует особого рассмотрения.

3. Дискурсивное употребление: объяснение

Перечисленные значения не покрывают всех реальных употреблений частицы *просто*.

В [3] приводится немало примеров, которые авторы относят к тому же значению, что и каузальность: «Элементарность и естественность признака (предмета, ситуации) может стать основой объяснения сложившегося положения. Отвергая иные возможности мотивации, говорящий с помощью “просто” вводит очевидную и зачастую единственную его причину». Связь несомненна, но далеко не во всех случаях – как в приведенных в словаре, так и во многих других аналогичных примерах речь идет о реальном объяснении мотивации, т. е. о причине действия: иногда вопрос о мотивации в контексте не стоит, поэтому появление частицы *просто* иногда сводится к объяснению причины, а иногда представляется не вполне объяснимым:

(11) *Вряд ли я смогу быть вам полезна, – честно предупредила я. – А мне не надо пользы. Мне просто посоветоваться. И всё* (В. Токарева, пример из [4]).

Этот пример не очень отличается от примера, приводимого авторами Словаря для первого значения:

(12) *– Есть вещество такое – прополис, пчелиный клей иначе. – Язву желудка лечить? – Да. Что, болел? – Нет, слышал просто* (В. Шукшин).

И там, и там можно усмотреть и характеризацию признака как «простую» (посоветоваться – проще, чем получить пользу для примера (11)), и там, и там можно говорить о мотивации: обращаюсь потому, что хочу посоветоваться и знаю, поэтому что слышал.

Однако заметим, что понятие мотивации, т. е. выяснения причины, иногда относится и к вовсе далеким от причинного значения случаям:

(13) *Т. е. она там говорила неприятные вещи какие-то / я просто не помню слово в слово* (НКРЯ).

Здесь можно усмотреть оттенки каузальности, хотя приводится причина не содержания сообщения, а действия говорящего: ‘Я не привожу подробности потому, что точно их не помню’. Т. е. мотивация, о которой говорят авторы словаря, это мотивация совершения речевого акта. То, что одно и то же значение частицы может относиться и к содержанию (диктуму сообщения), и к его модальной рамке, было отмечено в [5]. Организация связного сообщения предполагает наличие отношения обусловленности между исходным предложением и его продолжением, что и создает возможность маркировки продолжения теми же средствами, что и другие виды мотивации, в частности, каузальность [6]. Немало подобных случаев встречается в речи. Причем в последние 10 лет, как кажется, возможности такого употре-

бления выросли: нам нередко встречаются случаи, когда телефонное обращение начинается со слова просто, и это вносит «извиняющийся» оттенок:

(14) – да? - Это вас беспокоит...Просто я не совсем поняла...

Слово *просто* здесь используется для объяснения перед собеседником того факта, что говорящий к нему обращается.

Заметим, что наблюдаемые в современной устной коммуникации употребления частицы *просто* иногда кажутся настолько немотивированными, что заставляют думать о превращении этой частицы в слово-паразит:

(15) Я просто не думаю / что мы в состоянии удовлетворить желание каждого (НКРЯ).

Как мы отмечали в [7], слово становится паразитом, или хезитатором (т. е. используется не для передачи какого-либо смысла, а для создания паузы), тогда, когда оно является избыточным, поскольку его значение совпадает со значением модальной рамки, имплицатур и т. п.

4. Идея простоты при выполнении служебных функций в других языках

Выводимость значений частицы просто (вплоть до фактически «нулевого», хезитаторного значения) не означает, что это естественный процесс, который будет иметь место во всех языках. Действительно, фрагмент смысла «просто, несложно» нередко используется для выполнения семантических и дискурсивных функций, по крайней мере, в европейских языках. В немецком [8] употребление *einfach* оказывается едва ли не столь же распространенным, причем отмечаются и его хезитаторные функции. Однако английское слово *simply*, многими относящееся к частицам, имеет гораздо меньше функций, в частности, не употребляется в каузальном значении. И совсем нет случаев употребления в роли частицы у польского *prosto pro prostu*.

Иными словами, при всей естественности семантических связей, отмечаемых в русском и немецком, получающиеся значения узуализируются в некоторых языках и не получают закрепления в других.

5. Выводы

Рассмотрение частицы *просто* – вслед за лексикологами и партикологами-русистами – позволило сделать вывод о том, что в русском языке это частица, все еще тесно связанная с прототипическим значением, выражаемым наречием *просто*. Возможные имплицатуры из этого значения закрепились в языке и позволяют частице выражать несколько функций, в числе которых эмфатическая (усиление, подчеркивание), каузальная, хеджинговая и дискурсивная, развивающаяся и в наши дни и ведущая к хезитативному (слово-паразит) употреблению. Фактически мы можем наблюдать ход развития этих функций, что позволяет применять микродиахронический подход.

Аналогичные функции у слов-переводов наречия *просто* развиваются не во всех языках, что говорит об отражении не спонтанных речевых действий говорящих, а сложившейся и закреплённой в языке системы связей. Можно утверждать, что описание таких связей может определенным образом расширить наше

представление об устройстве лексической системы, в первую очередь ее части – служебных слов, и таким образом внести определенные уточнения в аппарат когнитивного подхода в лингвистике.

Ссылки

1. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения: монография. М.: Флинта, 2021. 468 с.
2. Азам О. Диахрония в помощь синхронии. О пользе диахронического подхода для объяснения некоторых сложных грамматических процессов в современном русском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10: материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 378–393.
3. Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина и [др.]. Владивосток, 2001. 363 с.
4. Токарчук И. Н. Частицы в языковом и речевом аспектах: на материале частиц «просто» и «прямо»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2002. 24 с.
5. Широкова Е. Г. Частица ТАКИ: семантика и условия употребления // Семиотика и информатика. 1982. № 8. С. 137–147.
6. Борисова Е. Г. Грамматика слушающего: прогнозирование понимания связного текста и способы его коррекции // Вестник МГПУ. Русистика и компаративистика. 2021. Вып. 15. С. 262–277.
7. Борисова Е. Г. О факультативных фрагментах смысла высказывания (еще раз о словах-паразитах) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. М., 2017. С. 215–222.
8. Helbig G. Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig u. a., 1988. 258 с.

Representation of the literary protagonist's figure and its authorial characterization in translation (exemplified by American prose)

S. B. Zhulidov¹, M. V. Zolotova¹, S. S. Ivanov¹

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-424-441

Research article
Full text in Russian

Interrelation of literary and linguistic aspects in translating prosaic literary works – a contemporary American novel – into Russian is dealt with. Paramount attention is focused on the most significant literary aspect – the protagonist's figure and its characterization formulated by the author of the original as well as her peculiarities recreated and represented in the translated text. The protagonist's main features are defined concretely on the basis of the authorial description and characterization of her appearance, behavioral, psychological and some other personal individual traits represented in detail in the original, but, however, either deliberately distorted or erroneously translated. The methodology of research is based primarily on the comparative linguistic analysis of relevant excerpts taken from the original and its published translation. Special attention is paid to the results of the performed distortions followed by the authors' detailed commentaries and, in most cases, their own suggested versions of contextual correspondences. A strictly systematized explicit classification consisting of four types of the translation invariant's violation, defined and exposed by the authors, will, hopefully, help systematize them while teaching translation to philology students as well as caution translators of literary prose, both beginners and advanced ones, against making mistakes of this sort in their practical creative activities.

Keywords: original; translation; distortion; invariant; adequate; stylistic; equivalent; correspondence

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhulidov, Sergey B.	E-mail: 4131240@mail.ru Cand. Sc. (Philology), Professor
Zolotova, Marina V.	E-mail: mviazolotova@gmail.com Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
Ivanov, Sergey S. (correspondence author)	E-mail: s.san@mail.ru Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Zhulidov S. B., Zolotova M. V., Ivanov S. S. Representation of the literary protagonist's figure and its authorial characterization in translation (exemplified by American prose) // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 4. P. 424-441. (in Russ.)

Отображение художественного образа героя и его авторской характеристики в переводе (на материале американской прозы)

С. Б. Жулидов¹, М. В. Золотова¹, С. С. Иванов¹

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-424-441
УДК 811.111'373.42

Научная статья
Полный текст на русском языке

Рассматривается соотношение литературоведческих и лингвистических аспектов перевода прозаического художественного произведения – современного американского романа – на русский язык. Первостепенное внимание сосредоточивается на важнейшем для фабулы и развития сюжета литературном аспекте – художественном образе главной героини, изображённом автором подлинника, и особенностями перевоплощения её образа, воссозданного в переведённом тексте. Основные черты героини романа конкретизируются на примерах авторского описания и характеристик её внешних данных, поведенческих, психологических и прочих личностных отличительных особенностей, детально представленных в подлиннике, однако либо намеренно искаженно, либо ошибочно переданных в переведённом тексте. Методика исследования – сопоставительный лингвистический анализ релевантных отрывков из текста оригинала и его опубликованного перевода. Особое внимание обращается на результаты допущенных искажений, сопровождаемых детальными комментариями. В большинстве случаев авторы предлагают эквивалентные варианты контекстуальных соответствий. Строго упорядоченная детальная классификация определенных и выявленных авторами четырех типов нарушения инварианта перевода поможет систематизировать их на занятиях со студентами-филологами, а переводчиков художественной прозы, как начинающих, так и опытных – предостеречь от подобных ошибок в своей практической творческой деятельности.

Ключевые слова: подлинник; перевод; искажение; инвариант; адекватный; стилистический; эквивалент; соответствие

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жулидов, Сергей Борисович	E-mail: 4131240@mail.ru Кандидат филологических наук, профессор, доцент ННГУ им. Н. И. Лобачевского
Золотова, Марина Вианоровна	E-mail: mviazolotova@gmail.com Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой ННГУ им. Н. И. Лобачевского
Иванов, Сергей Сайярович (автор для корреспонденции)	E-mail: s.san@mail.ru Кандидат филологических наук, доцент, доцент ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Для цитирования: Жулидов С. Б., Золотова М. В., Иванов С. С. Отображение художественного образа героя и его авторской характеристики в переводе (на материале американской прозы) // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 424-441.

© Жулидов С. Б., Золотова М. В., Иванов С. С., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Одним из основных критериев адекватности перевода художественного произведения принято считать совпадение воздействия исходного и переведённого текстов (ИТ и ПТ) на их реципиентов (читателей) [1, с. 15]. Однако ввиду того, что, как доказала многовековая практика, добиться совершенно полной идентичности ИТ и ПТ по ряду объективных причин, лингвистических, психологических, культурных, невозможно в принципе [2], нельзя добиться и полностью одинакового воздействия этих текстов на их читателей.

В противоположность такому жёсткому требованию, согласно исследованиям, проведенным в рамках современного переводоведения, главнейшим показателем адекватности является инвариант перевода, детальная интерпретация которого эксплицитно предполагает и допускает наличие неизбежных и даже необходимых для сохранения того же инварианта вариативных отклонений от ИТ при том, однако, условии что они действительно обусловлены объективно. К числу таких основных факторов относятся системные и речевые расхождения между исходным языком (ИЯ) и языком перевода (ПЯ), различия в области культуры и реалий обеих стран, особенностей их исторического развития, национального менталитета и т. д.

Приведем наиболее типичное развернутое и потому достаточно исчерпывающее определение инварианта применительно именно к художественному переводу, представляющееся нам оптимальным.

«[...] когда по заказу издательства осуществляется перевод художественного текста, предполагается создание функционального аналога оригинала [...]. Для достижения этой цели переводчик [...] воспроизводит особенности индивидуально-авторского стиля, стилистические особенности ИТ, осуществляет хронологическую и прагматическую адаптацию текста, приближая его к восприятию получателя ПТ, воспроизводит национальный колорит [...] оригинала. Таким образом, обеспечивается выражение в ПТ авторской концепции и оказание на получателя ПТ коммуникативного воздействия, примерно схожего с воздействием со стороны оригинала. В результате на ПЯ создаётся текст, подобный оригинальному настолько, насколько это допускается расхождениями между двумя языками и культурами. Что же выступает в качестве инварианта перевода? В данном случае инвариант перевода – комплексное образование, включающее в себя и особенности формы текста, и коммуникативно-релевантную информацию о содержании текста и на вершине этого образования – функцию текста» [3, с. 204].

Создатели сравнительно нового течения в переводоведении, так называемой «скопос-теории» (от *scopos* – цель), точно так же признают, что целью адекватного перевода литературного произведения является сохранение не только семантических, но и всех остальных элементов подлинника, включая стилистические и индивидуально-авторские [4]. Сходную позицию обнаруживаем и в других работах, носящих как теоретический [5; 6], так и практический [7; 8] характер.

Из сказанного следует, что переводчик художественного произведения в своей, несомненно, творческой работе связан и весьма жёсткими требованиями ко всему, что касается отклонений от оригинала. Они ограничены именно и единственно упомянутой вариативностью, которая, будучи задана изначально и объективно, считается допустимой, только если она способствует именно сохранению инвари-

анта перевода. В свете этих теоретических постулатов, подтверждаемых всей практикой художественного перевода, все остальные отклонения ПТ от ИТ, невольные, а особенно преднамеренные, следует относить к «нелигитимным» в том смысле, что они не только препятствуют сохранению инварианта и, следовательно, достижению адекватности перевода, но и искажают, порой до неузнаваемости, не только смысловое содержание (семантику), но также стилистику и индивидуальные, то есть свойственные лишь данному автору, особенности подлинника.

Новизна работы заключается прежде всего в том, что сугубо литературоведческую задачу – сравнительное описание образа главной героини в подлиннике и в переводе – авторы решают с помощью исключительно лингвистической методологии – сопоставительного анализа параллельных релевантных отрезков обоих текстов под углом зрения произвольных переводческих изменений исходного текста, а также их сравнения и комментирования, сопровождаемых предлагаемыми вариантами перевода. Новым является также строгая градация и систематизация выявленных отклонений от оригинала, вызванных как ошибочным переводом, так и целенаправленным отходом от его семантики и стилистики.

Актуальность статьи определяется тем, что рассматриваемый перевод, опубликованный сравнительно недавно (в 2018 г.), изобилует неоправданными преднамеренными отступлениями от подлинника даже в том, что касается главной героини романа, до неузнаваемости искажая её литературный образ и строго выверенную авторскую характеристику. Сам факт издания подобных переводов, выпускаемых широко известным издательством, может послужить примером разрешённой или допустимой вседозволенности и безответственности для неопытных или начинающих переводчиков, что, по убеждению авторов, необходимо, по возможности, пресечь на корню.

Цель работы авторы видят в том, чтобы методом лингвистического анализа определить пути подхода к решению актуальной литературоведческой проблемы – сохранения в процессе художественного перевода главнейших аспектов подлинника и недопущения его искажения.

Для достижения этой цели предполагается решить следующие **задачи**: 1) определить конкретные черты личности и психологические особенности героини, подвергшиеся неправомерным искажениям в переводе; 2) дать лингвистическую классификацию типов отклонения от оригинала, повлёкших за собой либо утрату авторских, либо произвольное привнесение переводчиком собственных характерных типичных особенностей данного персонажа; 3) определить факторы, обусловившие указанные нарушения, предложив в ряде случаев и собственные эквиваленты либо способы или рекомендации их недопущения.

Объект исследования – современный американский роман [9] и его опубликованный перевод на русский язык [10]. **Предмет** исследования – параллельные релевантные для темы исследования отрывки из оригинала и перевода, состоящие из одного или нескольких предложений.

Для лучшего ориентирования читателей в представленном фактическом материале все примеры пронумерованы, а анализируемые лексические и стилистические единицы выделены полужирным шрифтом.

I. РАБОТА И ПРОЧИЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Еще при покупке книги, прочитав на её обложке краткую информацию о главной героине – Лайле Эмерсон, свидетельнице жестокого убийства, читатель с терпением раскрывает роман и сразу же на первой странице получает вот такие сведения о ней.

1. As their **house-sitter**, Lila **Emerson** did everything she could [...]. p. 1.

Лайла **Эриксон, приглашённая домоправительница**, всегда делает все возможное [...]. с. 7.

2. For the next **three** weeks [...] Lila would live in their most excellent apartment in Chelsea [...]. p. 1.

Следующие **несколько** недель [...] Лайла станет жить в их красивой квартире в Челси [...] с. 7.

Оставим в стороне уже насторожившие внимательного читателя непонятные превращения: имени героини (вместо Эмерсон – Эриксон) и сроков её проживания на новом месте работы (вместо трёх – несколько недель, это он выяснит позже) и сосредоточимся пока на основном её занятии в качестве house-sitter, переведённом как «домоправительница». Задача же её согласно договору – присматривать в качестве сторожа или охранника за жилищами, хозяева которых на небольшой срок уезжают из города, например, в отпуск. Всё это время она уже одним своим присутствием отпугивает от дома потенциальных грабителей, а по мере надобности пересылает хозяевам неотложные имейл-сообщения и ухаживает за растениями или домашними питомцами в случае их наличия. Абсолютно не соответствующее таким обязанностям обозначение *домоправительница* бросается в глаза не только читателю, но явно и самой переводчице, иногда передающей эту работу совершенно иначе, например, так:

3. **House-sitting** provided lodging, interest, even adventure. But writing paid the freight p. 3.

Работа «домашним сторожем» обеспечивала ей жильё, и неплохой доход приносило писательство. с. 11.

Или так:

За. [...] what do I care about **house-sitting** when I've got the shiny fish? **House-sitting** is so over. p. 308.

[...] какое мне дело до **присмотра за домами**, когда я поймала блестящую рыбу? Так что с **присмотром** покончено. с. 402.

Однако доверчивого читателя перевода такая чересполосица лишь вводит в заблуждение, ведь он-то никак не может предположить, что одно и то же слово, столь важное для содержания романа, почему-то переводится совершенно по-разному. Не может он и определить, в чём это различие заключается.

Впрочем, в большинстве случаев всё осталось по-прежнему:

4. "But it goes **with the house-sitting thing**." p. 56.

– Но вполне совместимо **с работой домоправительницы**. с. 75.

Вообще же, занятие house-sitting до некоторой степени схоже с baby-sitting. Ср.: baby-sitter – someone you pay to come to your house and look after your children while you are not there, especially in the evening [11].

Возвратимся, однако, всё к той же странице, «странности перевода» на которой этим отнюдь не исчерпываются.

5. While she did, **she'd enjoy** living in New York's tony London Terrace just as **she'd enjoyed** living in the charming flat in Rome [...]. p. 2.

Она **уже наслаждалась** таким образом жизнью в нью-йоркском Лондон Террас точно так же, как наслаждалась жизнью в очаровательной римской квартире [...] с. 7.

Ошибочно идентифицировав глагольную форму 'd enjoy (*would enjoy*) с 'd enjoyed (*had enjoyed*) как Past Perfect, переводчица опять исказила смысл. Правильно: «станет наслаждаться». Но ведь и далее, по ходу описываемых событий, когда «наслаждение жизнью в Лондон Террас» длилось целых три недели, она так и не исправила свою элементарную грамматическую ошибку, за которую любая школьница получила бы заслуженную «двойку».

На этой же странице изумлённому читателю сообщается и то, что, «понасладившись жизнью» в нью-йоркском Лондон Террас и в Риме (пример 5), Лайла теперь будет жить в некоей «красивой квартире в Челси» (пример 2). Но нельзя же, самой не зная элементарных реалий страны ИЯ, при переводе рассчитывать и на такую же читательскую неосведомленность, точнее – дремучесть. Ведь в отличие от переводчицы, которой неизвестно, что гигантский жилой комплекс Лондон Террас расположен именно в округе Челси на Манхэттене, читателю, мало-мальски знакомому хотя бы с центром Нью-Йорка, это хорошо известно.

Однако, помимо работы «сторожем», Лайла занимается еще и писательским трудом. Вот насколько по-разному об этом говорится в ИТ и ПТ. Уже само начало этой её деятельности передано в ПТ с помощью «отсебятины» – пространной (и престранной) переводческой вставкой:

6. After she'd fallen into house-sitting [...], she'd had the real time and opportunity **to work on her novel**. p. 3.

Потом она стала заниматься тем, чем сейчас [...]. Тогда-то ей впервые удалось найти время и возможность **с наслаждением отдаться художественному сочинительству – увлекательные истории просились наружу, и она смогла дать им выход**. с. 11.

Ни автор подлинника, ни сама абсолютно не склонная к столь выпренному самовыражению скромная героиня ничем не заслужили такое неоправданное расширение подлинника, к тому же эмоционально убогое и стилистически примитивное. Ср. такие насильственно внедрённые в ПТ «перлы»: *с наслаждением отдаться* (это почему?!), *художественное сочинительство* (это что?!), *увлекательные истории* (это откуда известно?!), которым, коль скоро они *просятся наружу* (это у кого и как именно?!), то, так уж и быть, приходится непременно *мочь давать выход* (это куда?!). Ведь даже малейший намёк на эти непонятно откуда и зачем

взятые домыслы отсутствует в ИТ. И вся эта претенциозная безвкусица вместо всего лишь «поработать над своим романом» (*to work on her novel*).

Впрочем, до полностью самостоятельного творчества героине, по мнению переводчицы, всё равно было еще далеко. Отсюда – очередная «отсебятина»:

7. Then the luck or serendipity of house-sitting for an editor who'd taken an interest. p. 3.

А потом ей неожиданно повезло – понадобилось заниматься домом издателя, и он проявил интерес к её творчеству, **кое-что подсказал**. с. 11.

Ни о каких подсказках в ИТ даже не упоминается. Более того, самый первый её роман оказался довольно популярным и без чьей-либо помощи. Вот как встретили его (опять-таки только в ИТ) юные читатели:

8. Her first, Moon Rise, had sold decently. No bust-out best seller, **but steady, and with a nice little following in the fourteen-to-eighteen set she'd aimed for**. The second novel [...]. p. 3.

Первый роман «Луна встаёт» продавался вполне неплохо. Знаменитой она, конечно же, не проснулась, **но отзывы на книгу были положительными, а рейтинг высоким**. Второй роман [...]. с. 11.

Явно преднамеренное, если не добавить – вызывающе беспардонное, искажение смысла не требует комментирования, ибо становится очевидным сразу же. Ср. также: following – a group of people who support or admire the work or ideas of a particular person or organization E.g.: The band still has a very loyal following in Germany [8].

О чём же пишет Лайла в своей книге? К примеру, об этом:

9. Lila dived in, **happily** sliding into Kaylee, into the fear of exposure, the pain of a broken heart, the fury with **the cheerleading, homecoming, queening**, man-eating (**literally**) Sasha. p. 5.

И Лайла **с жадностью** окунулась в жизнь своей героини: **весьма достоверно** прониклась её страхом разоблачения, болью разбитого сердца, яростью **на королеву чирлидеров, пожирательницу мужчин (в переносном, конечно, смысле)**. с. 12.

Всего в одном предложении допущено по меньшей мере шесть смысловых искажений: 1) ни о каком *весьма достоверном проникновении* в ИТ речь не идет – опять «отсебятина»; 2) и о никакой *королеве чирлидеров* речи тоже нет – искажение: герундий *queening* ни по своему значению, т. е. лексически, ни даже синтаксически никак не соотносится с отглагольным существительным *the cheerleading*; 3) наречие *literally* (буквально) с точностью до наоборот ошибочно переведено как *в переносном, конечно, смысле*; остались вообще не переведёнными 4) *homecoming*; 5) *queening*; и, наконец, 6) *Sasha* – впервые упомянутое имя *пожирательницы мужчин* (а вовсе не *королевы чирлидеров*), которое будет фигурировать в романе далее, но читателю станет непонятно, кто же такая эта Саша и откуда она взялась.

Как видим, судить по такому переводу о содержании её книги, тем более о каких-либо художественных достоинствах и недостатках, было бы совершенно бессмысленно.

Ср.: *homecoming* – an occasion when someone returns to a place where they used to live, work, or study: Her family celebrated her homecoming; *queening* – queen it over someone – *informal* if a woman queens it over other people, she annoys them by behaving as if she were more important than they are [11].

Оставим на этом насыщенную «трудовую деятельность» главной героини и перейдём к описанию её самой как личности.

II. ДОСУГ, ХОББИ

Свидетельницей двойного жестокого убийства (завязка романа), анонсированного на обложке, Лайла стала благодаря своему чисто женскому и отчасти писательскому любопытству. Ей было крайне интересно наблюдать в бинокль за жизнью людей, протекающей за незанавешенными окнами в корпусах напротив. В процессе таких бдений героиня раскрывается перед нами, к примеру, так:

10. The little boy would be **fast asleep**, hopefully with the puppy curled up with him. She could see the shimmer of a television, imagined Mom and Dad relaxing together. p. 5.

Малыш, конечно, **спит**, и **видит чудесные сны**, и будем надеяться, в компании щенка. Лайла видела вспышки телевизора – вероятно, папа и мама мальчишки отдыхают **за увлекательным сериалом** с. 13.

Во-первых, малыш, по мнению Лайлы, спит крепко (*fast*) и потому никаких *снов*, тем более *чудесных*, не видит. Во-вторых, ни о каких *увлекательных сериалах*, ток-шоу или концертах речи в ИТ также не идет.

Однако наблюдения продолжаются:

11. We have the family on the tenth floor – they just got the little boy a puppy. **The kid and the pup are both incredibly pretty and adorable. It's true love, and fun to watch.** There's a sexy blonde on fourteen who lives with a very hot guy – **both could be models.** p. 10.

– На десятом этаже живёт семья: они только что купили сыну щеночка – **молодцы!** На четырнадцатом – секс-пильная блондинка, живёт с настоящим мачо. с. 19.

Искреннее, с оттенком грустной зависти любование Лайлы счастливой семейной сценой – родителей и ребенка с собачкой – и одновременно – подсматривание за страстными любовниками с модельными фигурами – переводчица попросту не пожелала передавать, тем самым заодно «выплеснув за борт» и яркую авторскую психологическую характеристику главной героини.

Если в предыдущем примере искажение наблюдаемой Лайлой ситуации за окном заключалось в том, что многое осталось просто никак не переведённым, то смысл следующего предложения, и впрямь довольно сложного для первичного понимания, намеренно искажен упрощённым переводом, не имеющим ничего общего с оригиналом:

12. The Martinis, as she thought of them, rarely used their little terrace. **She was definitely one of the ladies-who-lunch, leaving the apartment every day, late morning, returning late afternoon usually with a shopping bag.** p. 6.

«Мартини», как она прозвала четвёрку друзей, редко пользовались маленькой террасой. **Они определённо были из тех, кто обедает каждый день в ресторанах.** с. 15.

13. Obviously they didn't like the summer heat **as much as she and Thomas** or they'd have sat outside on their little terrace. p. 3.

Очевидно, летняя жара томит этих людей, иначе они сидели бы на своей маленькой террасе, **а не в комнате с кондиционером.** с. 10.

Во-первых, почему-то осталось непередаваемым её сравнение соседей с собой и котом. Во-вторых, ни о какой *комнате с кондиционером* в ИТ вообще не говорится. К чему здесь все эти то пропуски, то домыслы, искажающие смысл, остается непонятно.

III. ВНЕШНОСТЬ И ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

A. Лицо и внешний вид.

Рассмотрим, насколько эквивалентно передаются природные черты и внешний вид героини в ПТ.

14. "Ben & Jerry's Coffee Heath Bar Crunch," Lila remembered, with a smile **that had the little dimple flickering.** p. 66.

– «Кофе Хит Бар Кранч» от «Бен энд Джерри», – с улыбкой вспомнила Лайла. [...] с. 86.

Ср. с этим более или менее верное или хотя бы не пропущенное:

15. "Great." She beamed out a smile, **tiny dimple winking.** p. 78.

– Класс, – просияла она, показав крошечную ямочку. с. 101.

16. Lila's **wide, top-heavy mouth moved into a pout.** p. 9.

Лайла **снисходительно улыбнулась.** с. 19.

Никак не передано детальное описание очертаний рта и губ героини. И явно искажён смысл. Ср.: pout – to show that you are angry or annoyed by pushing out your lips, especially your lower lip [11].

17. She hadn't washed her hair in three days, she wore no makeup, and the yoga pants and sports top – both sweaty – **she'd been meaning to replace for months. She smelled like Pilates and the handful of Doritos she'd shoved in her mouth as a reward for the Pilates.** She managed another, «Oh,» when he smiled at her. p. 59.

Голова не мыта три дня, лицо без косметики, на ней спортивный топ и старенькие обтягивающие штанишки – и то, и другое с запахом пота. Он улыбнулся ей, и она в ответ выдавила еще одно «ой». с. 78.

А здесь остались не переданными подробности не вполне опрятного внешнего вида Лайлы, в котором ей пришлось предстать перед нравящимся ей мужчиной, неожиданно пришедшим к ней. Не передана ни причина этого (физические упражнения *Пилатес*), ни срочно принятые ею меры для утоления голода и устранения запаха (ароматизированные кукурузные чипсы *Доритос*).

Очень важным для психологической характеристики героини является и то, что сама она себя красавицей вовсе не считает. Следующее замечание друга художника о такой самооценке Лайлы осталось непереведенным:

And she's a looker – **just not obvious about it.** Are you going to ask her? p. 57.

– Красивая. Собираешься просить её попозировать? с. 75.

Б. Прямота и искренность в поведении и общении.

Отсутствие фальши и манерности в высказываниях и чувствах, простота выражений выгодно отличают Лайлу от ряда других персонажей. Рассмотрим, как это воссоздается в ПТ.

18. They're new clients, right? And they still tell you that kind of personal detail? What can I say? I have a face that says tell me all about it. Say hello to Thomas. Julie crouched to greet the cat. p. 7.

– Они у тебя новенькие, верно? – **уточнила Джули. Лайла кивнула.** – И уже доверили тебе такие подробности о своей жизни?

– А что я могу с этим поделать? – **намеренно скромно потупилась Лайла, разыгрывая мизансцену смущения.** – У меня такое лицо. Вызывает доверие. – **И они обе расхохотались.** – Поздоровайся с Томасом, – **отсмеявшись, предложила подруге Лайла. – Мой подопечный, друг и соратник, своим загадочным видом стимулирует воображение... Джули присела на корточки и погладила киску. Томас, прохаживаясь восьмёркой, терся о её ноги.** с. 16.

Как отчетливо видно из этого перевода, чрезмерно переполненного «отсебятиной», Лайла то фальшиво разыгрывает перед ближайшей подругой *смущенную скромницу*, то вдруг беспричинно *хохочет*, то, *отсмеявшись*, пускается в надуманные рассуждения о коте, которого в ПТ зачем-то заставили *прохаживаться восьмёркой (!) и тереться о ноги*. В результате образ героини (а заодно и кота), просто и безыскусно поданный в ИТ, оказался полностью изуродованным в угоду неубзданному воображению переводчицы.

А вот не менее показательный пример. Здесь Лайла цветисто комплексует (но только в ПТ) по поводу только что съеденных калорийных пирожных:

19. Mini cupcakes were Satan, she decided as she readied for bed. So cute and tiny, oh, they're like eating nothing, that's what you tell yourself, until you've eaten half a dozen. p. 12.

Но сама она чувствовала себя поганенько уже сейчас. Бисквитики, такие с виду невинные... Да это сам сатана, заключила она, расстилая постель. Такие крошечные, вкусные, почти невесомые! **Однако это злостный, бесчеловечный обман.** Умяв полдюжины, **ощущаешь все их подлинное и разрушительное коварство.** с. 22.

Разумеется, поверить в реальность приписанного героине раскаяния в виде столь бурных, велеречиво размазанных переживаний по совершенно пустяковому поводу невозможно хотя бы по одной только безвкусице – русизму *поганенько*, вложенному вместе с *вкусными невинными бисквитиками* в уста американки и окончательно разрушающему её сдержанную, лаконичную, стилистически отточенную манеру как высказываний вслух, так и внутренней речи, т. е. мышления.

Может показаться невероятным, но точно такое же «словоизвержение» приписывается героине даже и в ходе её общения с... чужим котом:

20. «But the thing is . . . » She waited until he strolled into the apartment ahead of her. «I set my own hours. It's one of the perks». p. 3.

– Но, видишь ли, дело в том... Лайла подождала, пока кот, **высоко подняв хвост**, зайдет **с террасы** в квартиру. – ... дело в том, что я сама устанавливаю себе рабочий график. Это один из бонусов **моих услуг временной домоправительницы.** Так что попрошу **отнестись к этому факту с должным почтением.** с. 10.

Удивительно, что переводчица не додумалась присочинить и ответную реплику Томаса, превратив его (а почему бы и нет?) в говорящего кота-баюна.

В. Склонность к иронии и сарказму.

Как и у любого писателя, у Лайлы неплохо подвешен язык, с помощью которой она порой изящно, но не обидно иронизирует над окружающими.

21. Do you want to hear my theory?
Sure, a theory, why not?
You get a pass for smart-ass, considering. All right, logic says this woman knew Oliver. p. 146.

– Хочешь услышать мою теорию?
– **Разумеется...**
– Ну, слушай. Логика говорит, что женщина знала Оливера. с. 189.

Не переведена язвительная тирада Лайлы в адрес Аша, отчего её ирония осталась непереданной. Ср.: smart-ass – someone who behaves in an annoying way by trying to show how clever they are [11].

22. «Come see the space. You like seeing new spaces, and it should help adjust your **really crappy** attitude». «That's so sweet». p. 69.

– Пойдём, посмотрим мастерскую. Вы же любите бывать в новых местах, и это поможет вам изменить свое мнение.– Очень мило. с. 91.

Ироническая реакция Лайлы *очень мило* последовала в ответ на крайнее грубое, почти нецензурное прилагательное *crappy*, которым Аш ярко выразил свое отношение к её мнению, а отчасти и к ней самой. Однако, поскольку это определение тоже осталось непереуведенным, исчезла и снисходительная ирония, заложенная в её ответе. Ср.: *crappy* – *very informal very bad*. E.g.: *crappy food* [11]. Или: дерьмовый; дрянной; паршивый (электронный словарь АБВУУ).

Рассмотрим такой пример:

23. «Anytime you need a house-sitter, **you've got my number**». «Yeah, I think I've got it». She glanced up at him, a quick, easy smile. «You've got my **phone number, the rest could still surprise you**. How many bedrooms?». p. 71.

– Во всяком случае, когда вам понадобится домоправительница, **вспомните обо мне**.
– Обязательно.
Она широко улыбнулась:– Мой **номер** у вас есть. Кстати, сколько здесь спален? с. 93.

Употребив выражение *you've got my number*, Лайла иронически использовала полисемичность слова *number*, имея в виду его со-значение «мой характер, меня как личность». Собеседник же понял это лишь как «номер телефона», и тогда она косвенно пояснила Ашу своё понимание слова *number*, противопоставив ему сочетание *phone number* и добавив, что всё остальное – *the rest*, т. е. её сущность, характер, мысли и т. п., способно изрядно удивить его. Это осталось и непонятым и непереуведенным, а сама ирония – непереуведенной.

Ср.: have (got) someone's number – *informal* to understand someone or realize the true purpose of their actions. E.g.: I've got your number – don't think you can fool me [8].

Резкая реакция героини на иронию в свой адрес:

24. Again, Lila thought of those pale green eyes. «She's a sociopath and a narcissist». **I didn't realize you had a degree in psychiatry. Lila met Fine's eyes coolly. «I know what I was looking at today. I got away from her because I'm not stupid, and because she was overconfident».** Anyone who can take out two trained agents might be entitled to some confidence. She had time to plan, [...] p. 224.

Лайла снова вспомнила эти светло-зеленые глаза. – Самовлюбленная социопатка.
– Всякий, кто может убить двух тренированных агентов, должен иметь какую-то уверенность в себе.
– У неё было время составить план [...]. с. 290.

Во-первых, здесь не воссоздана ирония сотрудницы полиции по поводу отсутствия психологического образования у Лайлы и её довольно резкая реакция на это (*met coolly; I'm not stupid*). Во-вторых, раз не переведено *overconfident* (самоуверенная), но переведено *confidence* (уверенность), то становится неясно, в чём же именно собеседницы расходятся друг с другом. В результате и сама ирония, и реакция на неё Лайлы и, наконец, вообще суть всей их полемики остались переданными.

Аналогичная ситуация:

25. «Still spying?»

Lila's **wide, top-heavy mouth moved into a pout**. «It's not spying. It's observing. If people don't want you looking in, they should close the curtains, pull down the shades». p. 9.

– Всё шпионишь?

Лайла **снисходительно улыбнулась**.

– Это не шпионаж. **Досужие** наблюдения. **Для разминки ума**. Если люди не хотят, чтобы их видели, нужно закрывать шторы или опускать жалюзи. с. 19.

Даже шуточный добродушный намёк подруги на шпионаж сильно обидел Лайлу, которая, конечно же, не только не *улыбнулась*, тем более – *снисходительно*, а прореагировала на него весьма жёстко и недоброжелательно. И здесь опять налицо всё те же привычные методы искажения подлинника: во-первых, нарочито упрощённое изложение ИТ, в котором, помимо реакции Лайлы на иронию, не передано и детальное описание формы рта и губ героини, а во-вторых, «отсебятина» в виде *досужие* и *для разминки ума*, при помощи которой Лайла якобы еще и оправдывается перед Джули за свой «шпионаж».

Ср.: pout – to show that you are angry or annoyed by pushing out your lips, especially your lower lip [11].

Не чужда героине и способность посмеяться над собой. Но сплошь и рядом это никак не передается в ПТ. Так, например, мягкая, в виде самоиронии, реакция Лайлы на саркастическое замечание Аша осталась невоссозданной, ибо опять не переведено целое предложение:

26. «Oh. I had two cups [...] and now I'm a little hyper».

«Really?» He checked the level of beans, saw she'd refilled it. «I hadn't noticed».

«**Even mushy travel brain recognizes sarcasm**. Have you considered painting the powder room down here?». p. 279.

– О! Я уже выпила две чашки. Так что я несколько взбуряжена.

– В самом деле? – Он проверил уровень зерен в кофе-машине и увидел, что она их и впрямь досыпала. – Я не заметил.

– А кстати, ты не собирался выкрасить вон ту ванную? с. 363.

Предлагаемый вариант: «Хотя после перелета у меня полная мешанина и сумбур в голове, твой сарказм до меня дошёл».

Ср.: mushy – consisting of a thick soft mass. E.g.: mushy potatoes [11].

А здесь явно непонятая самоирония точно так же просто не передана:

27. She walked into a compact guest room [...]. **Lila gave herself a mental hug.** This would be hers, just hers, for the next eight days. p. 173.

Она вошла в небольшую гостевую комнату [...]. Все предстоящие восемь дней эта комната будет только её! с. 223.

Не сохранён и экспрессивный шутивно-иронический трехкратный повтор:

28. After she'd fallen into house-sitting, initially doing favors for **friends, and friends of friends** [...]. p. 3.

Потом она стала заниматься тем, чем сейчас, и поначалу просто выручала таким образом **приятелей и их знакомых**. с. 11.

Предлагаемый нами вариант: «...поначалу появились приятели, потом их знакомые и знакомые знакомых, с которыми сама едва знакома».

И, напротив, совершенно необоснованно, без всякой необходимости и логики лексический повтор зачем-то привносится в ПТ:

29. A couple floors above, two couples sat in a living room [...] and laughed over what looked like martinis. p. 2.

Двумя этажами выше две пары сидят в гостиной [...] они смеются, а в руках держат **бокалы, в бокалах... в бокалах** мартини, определила она. с. 10.

Г. Независимость, уверенность в себе, умение постоять за себя.

Как типичной американке, Лайле присущи такие черты характера, как демонстративное подчёркивание своей независимости, прямота суждений, доходящая порой до резкости, и стремление всячески отстаивать право на неприкосновенность своей личной жизни (privacy). Последнее касается, в частности, нежелания указывать в обращении к себе её матримониальный статус, автоматически фиксируемый говорящим, если, представляясь, женщина невольно указывает ему, как именно обращаться к себе – Miss или Mrs. Не желая этого, Лайла настаивает на нейтральном Ms., что осталось никак не переданным:

30. She rose, **headed Lila off.** «**Ms. Emerson.** Did you remember something else?». p. 23.

Файн поднялась. – **Мисс Эмерсон!** Вспомнили что-то ещё? с. 34.

Поскольку ситуация общения строго официальная и сотрудница полиции соблюдает неписанный этикет обращения, хотя и деликатно выпроваживает Лайлу из своего кабинета (*headed Lila off*), что также не переведено, Ms. правильно было бы перевести обтекаемым «госпожа».

Придя на похороны брата своего знакомого, чтобы выразить соболезнование, Лайла неожиданно сталкивается с подозрением в корысти со стороны его отца. С гордо поднятой головой она уходит прочь, утратив всякое желание проявить даже сочувствие его близким, превратившееся в переводе почему-то в симпатию (к кому вдруг?):

31. Every ounce of **sympathy** died. p. 128. | Всякая нотка **симпатии** тут же умерла. с. 165.

Ср.: sympathy – a natural feeling of kindness and understanding that you have for someone who is experiencing something very unpleasant [8]. Обратим внимание и на стиль: *нотка... умерла*. И раз уж речь о похоронах, то почему бы и не «нотка... скончалась»?

Схожая отчасти ситуация: получив ножевое ранение, мужественная героиня чувствовала себя вполне способной добраться до медпункта и самой (*a trip*), в переводе же она жалостно говорит о вызове «Скорой помощи»:

32. But I would've needed a trip to the **ER** and stitches. She'd have given me more than a poke with the knife. p. 221. | – Но тогда мне понадобилась бы «**Скорая помощь**» и швы. Она бы ранила меня куда серьезнее. с. 287.

Ср.: ER – *American* emergency room: the casualty department in a hospital [11]. Аналог же нашей *скорой помощи* – *Ambulance*.

Способность героини обороняться не только с помощью оружия, но и голыми руками тоже осталась не переданной. По-видимому, этот навык переводчица сочла недостаточно женственным, в отличие от вымышленного ею и приписанного Лайле умения «с наслаждением отдаваться» (см. пример б):

33. I know how to handle a weapon. I **know how to handle myself**. She's the one who landed on her ass. p. 221. | – Я умею обращаться с оружием. Это она плюхнулась на задницу! с. 286.

IV. АТИПИЧНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

На фоне описываемых в подлиннике черт характера, манеры поведения и личности главной героини воспринимаются как явный смысловой диссонанс и даже гротеск нелепые попытки представить её как недалёкую легкомысленную девицу, которая, в частности, то и дело без всякого повода хихикает и хохочет, причём не только беседуя с кем-либо, но и углубляясь в свои размышления. Это окончательно деформирует и сам образ Лайлы, и её тонко выверенную авторскую характеристику. Подтвердим это примерами, не нуждающимися в комментариях.

В беседе с подругой:

34. Your texts were fun for me. I especially liked the one [...]. p. 8. | – Твои эсмэски ну просто душу радовали, – **хихикнула в ответ Лайла**. – Особенно мне понравилась эта [...]. с. 17.
35. Who wouldn't after two weeks in Rome? The pasta alone. p. 6. | – А кто бы не выглядел так после двух недель в Риме? – **польщённая, расхохоталась Лайла**. – Одна паста чего стоит! с. 15.

36. «I have a face that says tell me all about it. Say hello to Thomas». Julie crouched [...]. p.7. | – У меня такое лицо. Вызывает доверие. – **И они обе расхохотались.** – Поздоровайся с Томасом, – **отсмеявшись**, предложила подруге Лайла. Джули присела [...]. с. 16.

И то же самое в примере 18.
В беседе с возлюбленным:

37. Mostly so you can scope the place out, get the lay of the land in case you have to rush in and rescue me. p. 172. | – В основном для того, чтобы ты усвоил маршрут и расположение комнат на случай, если придется мчаться меня спасать, – **хихикнула Лайла.** с. 223.

Наедине с собой, наблюдая за котом, увлечшимся движущейся игрушкой:

38. «If I were a cat», she **speculated**, «I'd go crazy for that, too». p. 3. | – Будь я котом, – **хихикнула Лайла** – тоже запала бы на эту дивную штучку! с. 10.

Впрочем, эта же примитивная безвкусица приписывается и её подруге:

38a. «I've changed my mind», Julie **said**, as she loaded a tray. p. 37. | – Я передумала, – **хихикнула Джули**, нагружая поднос. с. 52.

Однако ввиду ограниченного размера статьи у нас нет возможности ни увеличить число примеров, связанных с главной героиней, ни привести примеры сходных нарушений при передаче в ПТ авторского описания других персонажей романа. И всё же в качестве завершающего штриха, подтверждающего недопустимо высокую частотность подобных искажений, мы сочли если не необходимым, то, во всяком случае, полезным дополнить изложенное выше ещё двумя переведёнными предложениями. Да, всего лишь двумя, но являющимися... первым и предпоследним в романе.

Самое первое:

39. She thought they'd never leave. p. 1. | **Наконец-то!** Она думала, они никогда не уйдут! с. 7.

Первое же слово, предпосланное размышлениям главной героини – и сразу переводческая «отсебятина», даже по своей семантике противоречащая своему местоположению – в самом начале романа. Или это закамуфлированный, усиленный еще и восклицательным знаком, упрек автору, не додумавшемуся приступить к своему повествованию со столь же якобы эффектно броского *At last!?*

Предпоследнее:

40. «We'll talk about it». They would, **she thought as they helped each other upstairs.** p. 340. | – Мы поговорим об этом. И они поговорят. с. 445.

А здесь, наоборот, в переводе намеренно опущена весьма существенная в смысловом отношении часть предложения, сообщающая читателю о том, что это именно мысли самой Лайлы (*she thought*), а не авторская речь. Не передан и тот немаловажный факт, что героиня и её возлюбленный, только что получившие ножевые ранения, помогают друг другу преодолевать физически тяжёлый для обоих подъём по лестнице, символизирующей предстоящий им путь к совместной счастливой жизни.

Если уподобить оба эти предложения своего рода тискам, а точнее – ржавым обручам, обжимающим весь остальной переводной текст, то нет необходимости доказывать, что принципиально отличаться от них в лучшую сторону он никак не может уже по определению.

Рассмотренные примеры перевода, их детальный анализ и вытекающие из него комментарии позволяют прийти к выводу: художественный образ главной героини романа, представленный автором в подлиннике, в переводе оказался не только неадекватно передан и искажён, но и стал диаметрально противоположным исходному. Основные черты личности героини – внешность, особенности поведения, манера общения и её характеристика как незаурядной женщины в целом – всё это оказалось в переводе непередаваемым и утраченным.

Как явствует из приведенных нами примеров, эти и другие, сопутствующие им обстоятельства – отношение к героине друзей и окружающих, наблюдаемые ею события, реалии страны ИЯ и т. п. – всё это также либо подвергалось неверному переводу, либо не переводилось вообще.

Из-за нехватки места у нас не было возможности затронуть или хотя бы вскользь коснуться аналогичной превратной передачи образов второстепенных персонажей (что могло бы стать темой отдельной работы), поэтому мы можем лишь априори экстраполировать на них искажённые в ПТ характеристики главной героини, посоветовав заинтересовавшимся читателям самим обратиться к опубликованному переводу.

Таким образом, мы определили, что во всех рассмотренных случаях применялись четыре основных типа или «инструмента» нарушения инварианта перевода в целях преднамеренного изменения подлинника: 1) добавление в ПТ информации, отсутствующей в ИТ (так называемая «отсебятина»); 2) опущение в ПТ информации, имеющейся в ИТ (утрата содержания подлинника, т. е. «отсебятина» наоборот); 3) полное изменение в ПТ содержания, имеющегося в ИТ (никак не соотносящееся с подлинником или даже противоречащее ему); 4) частичное изменение в ПТ содержания ИТ (ошибочный перевод, быть может, и непреднамеренный, а вызванный недостаточным владением английским языком, однако точно так же искажающий содержание подлинника).

Представленный фактический материал и сделанные выводы могут заинтересовать как начинающих, так и опытных переводчиков, а также редакторов переводной прозы. Преподавателями теории и практики перевода, сопоставительной стилистики и английской лексикологии статья может быть использована как материал к лекционным курсам и практическим занятиям.

Хочется надеяться, что последующее изучение способов сохранения и предотвращения искажённой передачи образов героев при переводе англоязычной прозы

на материале других произведений, авторов и жанров поможет избежать впредь подобных несоответствий в практике художественного перевода.

Ссылки

1. Nida E., Taber Ch. R. The theory and practice of translation. Leiden, 1969. 94 p.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Валент, 2011. 410 с.
3. Сдобников В. В. Инвариант перевода: миф или реальность? // Материалы докладов VII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации», 25–27 февраля 2015 г. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 197–208.
4. Reiss K., Vermeer H. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. Translated from German by Christiane Nord. Manchester: St. Jerome Publishing, 2013. 152 p.
5. Княжева Е. А. Оценка качества перевода. История, Теория, Практика. М.: Флинта, 2018. 248 с.
6. Нечаев Л. Г. О понятии «инвариант перевода». // Теория и практика перевода: Сборник научных трудов. Вып. 295. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1987. С. 29–35.
7. Мурзина Т. А. Перевод – редактирование: вчера, сегодня, завтра // Материалы Всероссийской научной конференции «Литературоведение, лингвистика, коммуникативистика». Уфа: Башкирский госуниверситет, 2017. С. 93–94.
8. Collada Ali L. C., Polledo Paz G., Harmer C. Revision: Parameters and practices within the translation industry // Medical writing. 2018. Vol. 27. № 3. P. 21–24.
9. Roberts N. The Collector. New York: Writers House LLC, 2014. 340 p.
10. Робертс Н. Коллекционер. Пер. с англ. Т. Перцевой. М.: Эксмо, 2018. 448 с.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Bloomsbury Publishers Plc, 2002. 1692 p.

Genre experiments of bloggers in the Internet environment and socio-cultural support of the user

L. G. Antonova¹, K. A. Ryzhenkova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-442-449

Research article
Full text in Russian

The article discusses the genre models of statements presented in the Internet environment as educational medium content on media platforms, video hosting, personal accounts of journalists-bloggers, analyzes the ways and means of accompanying the user in such an educational Internet discourse. The authors give a detailed comment on the current paradigm of genres of Internet communication, consider the genre-defining features that allow us to talk about typologies of genres of Internet resources and network blogs. In more detail, the authors dwell on the results of a discussion study on the description of Internet genres with an increased status of the subjective, personal principle. Particular attention in the description of personal genre experiences is paid to the methods of self-presentation and the choice of tools for virtual interaction with subscribers, the analysis of the means and techniques for organizing dialogue relations in Internet discourse in the genre form of an informative conversation, storytelling, ironic description or discussion discussion. Genre experiments are considered sequentially on the example of network book blogging and on the channel «Artifex Ru», a series of audio podcasts on the media platform «Arzamas» (Arzamas.academy) and TV program «Seminar» on the Russian channel «Culture». Each of the selected and presented materials offers relevant educational content and successfully promotes in the space of virtual discourse new and in demand by the target audience intellectual products in the field of cinema, theater or book production. The authors analyze the features of relations in Internet discourse and prove that such genre experiments serve the humanitarian tasks of cognitive socio-cultural and educational dialogue.

Keywords: Internet environment; personal discourse; educational content; genre forms; cognitive dialogue; socio-cultural accompanimente

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonova, Lubov G.	E-mail: antonova_lubov@mail.ru Doc. Sc. (Pedagogics), Professor
Ryzhenkova, Ksenia A.	E-mail: kryzhienkova@bk.ru Graduate

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-019).

For citation: Antonova L. G., Ryzhenkova K. A. Genre experiments of bloggers in the Internet environment and socio-cultural support of the user // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 4. P. 442-449. (in Russ.)

Жанровые опыты блогеров в интернет-среде и социокультурное сопровождение пользователя

Л. Г. Антонова¹, К. А. Рыженкова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-442-449
УДК 81.42

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются жанровые модели высказываний, представленные в интернет-среде как просветительский медиум-контент на медиаплатформах, видеохостингах, личных аккаунтах журналистов-блогеров, анализируются способы и средства сопровождения пользователя в подобном просветительском интернет-дискурсе. Авторы дают развернутый комментарий сложившейся в настоящее время парадигме жанров интернет-общения, рассматривают жанроопределяющие признаки, позволяющие говорить о типологии жанров интернет-ресурсов и сетевых блогов. Более подробно авторы останавливаются на результатах дискуссионного исследования, посвященного описанию интернет-жанров с повышенным статусом субъективного, личностного начала. Особое внимание в описании персональных жанровых опытов уделяется способам самопрезентации и выбору инструментов виртуального взаимодействия с подписчиками, анализу средств и приемов организации диалоговых отношений в интернет-дискурсе в жанровой форме познавательной беседы, сторителлинга, иронического описания или дискуссионного обсуждения. Жанровые опыты рассматриваются последовательно на примере сетевого книжного блогинга на канале «Artifex Ru», серии аудиоподкастов на медиаплатформе «Арзамас» (Arzamas.academy) и телепрограммы «Семинар» на российском канале «Культура». Каждый из выбранных и представленных материалов предлагает актуальный просветительский контент и успешно продвигает в пространстве виртуального дискурса новые и востребованные целевой аудиторией интеллектуальные продукты в области киноискусства, театрального дела или книжной индустрии. Авторы анализируют особенности отношений в интернет-дискурсе и доказывают, что подобные жанровые опыты служат гуманитарным задачам познавательного социокультурного и просветительского диалога.

Ключевые слова: интернет-среда; персональный дискурс; просветительский контент; жанровые формы; познавательный диалог; социокультурное сопровождение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова, Любовь Геннадьевна | E-mail: antonova_lubov@mail.ru
Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой
теории и практики коммуникации

Рыженкова, Ксения Александровна | E-mail: kryzhienkova@bk.ru
Магистрант факультета филологии и коммуникации

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-019).

Для цитирования: Антонова Л. Г., Рыженкова К. А. Жанровые опыты блогеров в интернет-среде и социокультурное сопровождение пользователя // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 442-449.

© Антонова Л. Г., Рыженкова К. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Современное коммуникативное пространство активно «населяется» сегодня специализированными порталами и персональными аккаунтами, которые продуктивно и достаточно результативно выполняют обязанности **просветительско-го медиум-контента**. И если традиционно при описании интернет-дискурса говорится о реализации трех основных функций целеполагания: *информирования, воздействия и развлечения*, то сейчас указывается на дополнение этой функциональной триады: в традиционные целевые направления интернет-общения все чаще включают **социокультурную** и **просветительскую целеустановки**, направленные на получения нового, востребованного прикладного знания. Данные целеустановки, как правило, активно используют накопленный **арсенал медиажанров**, закрепившихся в последнее время в сетевых аккаунтах.

В частности, известно, что был проведен уникальный опыт типологической характеристики контента интернет-общения, в результате которой было выделено несколько жанровых групп. Каждая группа показывает, что передаваемая в сетевом дискурсе информация имеет определенное **целеполагание** и своего целевого **адресата**. Например, **информирование** связано с *демонстративами и презентативами*, а задачи **сообщения** нового социального или общественного явления будут представлены как *социативы* и *репортативы*, где основа – авторский комментарий проблемы, значимый для целевой аудитории. Интересующие нас **просветительские опыты** представления и продвижения нового, **актуального знания** будут оформлены как *агитивы* и *инструктивы*, где особенно значимы советы и комментарии автора. А если автору потребуется дополнительно **поделиться** своим **настроением** или **передать** свои **ощущения** – на помощь приходят *прескриптивны* как назидательные послания морально-этического плана [1, с. 163–164].

В настоящее время следует признать, что жанровая парадигма активно раздвигает границы уже «апробированных» форм высказываний, и исследователи предлагают новые подходы к описанию и характеристике сетевых жанров, в частности и тех, которые связаны с **просветительским** или **дидактическим контентом** интернет-дискурса.

Например, заслуживают нашего внимания результаты дискуссионного исследования на страницах журнала «Жанры речи», посвященного подробному описанию **интернет-жанров с повышенным статусом субъективного, персонального начала** в опыте высказывания [2, с. 105–115]. Авторы исследования объективировали сложившийся опыт интернет-дискурса и представили разнообразные **модели персональных жанров**, востребованные сегодня в интернет-среде: сетевые жанры «научных и специализированных сфер общения», многие из которых существуют, как правило, в режиме *дискуссионных площадок и чатов профессиональной направленности* [Там же. С. 106]; в отдельную группу попали современные *жанры сетевой личной или бизнес-коммуникации* (SMS и SMM, чат, блог) [Там же]; получили стратификацию актуальные *жанры нон-фикшн* как способы персонального творческого осмысления действительности и ее фактологической и событийной стороны. Особого внимания в представленной дискуссии о «паспортизации жанров сетевого дискурса» заслуживает подход к изучению и характеристике *интернет-техноло-*

гий, при котором мы можем оценить интернет-дискурс с позиции *модернизации и технологических возможностей жанровой практики* в интернет-среде [Там же].

Этот подход чрезвычайно важен, когда мы имеем дело с *образовательными платформами в интернет-среде*, рассматриваем передачу информации в полижанровом или макрожанровом режиме через *видеохостинги*, где могут быть задействованы разные по техническим параметрам и функциональной презентации жанровые модели. И следует признать, что не всегда можно выявить жесткие и однозначные критерии для характеристического описания интернет-жанров, и тогда, в первую очередь, необходимо брать за основу *функциональные характеристики* высказывания в интернет-дискурсе, подтвержденные *базовыми интенциями говорящего* и характеризующиеся особым, *персоналистическим жанрово-стилевым рисунком* речевого действия инициатора интернет-общения. Как правило, автор при этом претендует на *доверие адресата*, его *предельную включенность и заинтересованность* и в предлагаемом содержательном просветительском *гуманитарном контенте*, и в длительном межличностном *контексте отношений* с адресатом в контексте понравившейся публикации.

Для нас чрезвычайно важно, что при характеристическом описании интернет-жанров исследователи обращают внимание на **персональный режим интернет-дискурса** «как континуум личностно-ориентированного общения человека в сети» [3, с. 321], что подтверждается *интимизацией канала коммуникации, личностной позицией* пишущего и реализуется в специфических интернет-жанрах: *персональном сайте, личном блоге или собственном видеохостинге, оперативной странице в социальной сети с обязательным интернет-комментарием*. А главное – проявляется «устойчивый интерес в сетевых аккаунтах, где обеспечивается *подчеркнутая авторская позиция* комментаторов-блогеров, высокая степень *интертекстуальности сообщений*» [Там же]. Следует еще обратить внимание на традиции *оперативности и технологичности* в оформлении и подаче жанрового материала, активном использовании *мультимедиа-технологий* для удобного просмотра контента на разных информационных носителях.

Используя эти параметры, мы и отбирали конкретный материал для аналитического описания **жанровых опытов в интернет-дискурсе**.

Например, обращают на себя внимание качественные *видеозаписи буктьюберов* (книгоблогеров), представленные на индивидуальных хостингах и посвященные персональным *рецензиям на книжные новинки*, подробным *аналитическим отчетам* с мероприятий, книжных фестивалей, ярким *челленджам*. Блогеры здесь наделены особыми полномочиями, что позволяет найти для аналитического описания интересные *жанровые примеры*.

Прежде всего нам показалось оправданным обратиться к каналу «**Artifex Ru**» [4] и подрубке «**Исповедь литературоведа**» [5], где автор аккаунта, ученый и журналист-блогер Николай Жаринов, демонстрирует нам активный и продуктивный *жанровый опыт «литературного просветительства»*, актуальность и востребованность которого невозможно оспаривать.

Автор данного аккаунта оправданно выбирает в качестве *жанровой модели* интерактивного диалога **познавательную беседу**, что вписывается в рамки се-

тевого жанрового опыта *социативов* «как заметок и рассуждений об интересных вещах», где, согласно жанровым регистрам, читатели и зрители вовлечены в *интерактивный диалог*, наделены «правом голосового суждения» и выступают *полноправными участниками обсуждения* недавно вышедшей книги или успешной экранизации классики. Но в новых выпусках программы мы обращаем внимание на активное **дополнение моделей жанрового опыта**: в интерактивном диалоге появляется *соведущий* (один из творческой команды канала Artifex), который выполняет *роль посредника и медиатора* между автором программы и слушателями. Если ранее ведущий предполагал реакции зрителей и ждал их комментариев в чате, то теперь меняется *хронотоп дискурса*: соведущий с игровыми или «искусственно наивными» репликами «вмешивается» в разговор со зрителем, что является своеобразным триггером, запускающим *свободный ход беседы*, а это, как мы понимаем, снимает известный дидактизм, который невольно сопровождает разговор о мастерстве и глубине авторского замысла классического текста.

Кроме того, соведущий от лица зрителей активно запрашивает у спикера программы *личностную информацию* о фактах его биографии, особенностях его интеллектуальной практики, что связано с восприятием той или иной книги или «проживанием» самим спикером читательского «опыта погружения» в классический текст. *Ироничная тональность* разговора также часто меняет эпическое содержание беседы, помогает блогеру и соведущему «уравновесить» содержательную плотность информативного текста. Как подтверждение этому, указание в анонсе новых программ на тактические особенности успешного диалога автора со слушателем: «Автор не просто преподносит информацию, но втягивает своих читателей в диалог. Спорьте или соглашайтесь – ничто не возбраняется. Путь читателя, «литературоведа» у каждого свой» [4]. Таким образом, жанр просветительской беседы дополняется элементами *сторителлинга* и «*разговора по душам*», к чему, как мы понимаем, и стремится сегодня социокультурный и познавательный дискурс в интернет-аккаунтах.

Просветительский, актуальный и современный контент отличает и интернет-режим известной **образовательной площадки «Арзамас» (Arzamas.academy)** [6; 7]. Для читателя и зрителя при входе на данный портал дается пояснение, которое и оправдывает его *жанровые ожидания*: авторы называют свои материалы «*гуманитарными сериалами*» с *лучшими учеными в главных ролях* [6]. Это оригинальные поиски **новых жанровых форматов**, где совмещены *лекции* в аудио- и видеорежиме и *сопроводительные материалы* к ним, которые дополняют, обогащают и «*фундаментируют*» исходные тексты просветительских высказываний: списки дополнительной литературы, фотогалереи, фрагменты кинохроники, интервью со специалистами.

Подобное **гипержанровое образование мультимедиа-материалов** универсально по фактору взаимодействия с адресатом, что обеспечивает *общедоступность* и в то же время *индивидуальный режим* при работе с познавательным контентом, который можно рассматривать в разных *пользовательских форматах*: слушать только лекции или активно погружаться в тему и выполнять все предписанные интересные творческие задания. Например, слушатель при входе на портал

получает разнообразное «познавательное меню»: «Здесь вы найдете циклы аудиопрограмм, подготовленных редакцией и устроенных иначе, чем лекции. Это могут быть интервью, расследования, разговоры или разборы. В них мы, например, обсуждаем с лингвистами самые горячие вопросы о русском языке, разглядываем с сотрудниками Третьяковки шедевры XX века или просто задаем глупые вопросы самым умным людям на свете» [7]. Обратим внимание на **разнообразие форматов образовательных материалов**, которые не похожи на традиционные лекции (*интервью, расследования, разговоры или разборы*), и интерактивные формы взаимодействия со слушателями (*обсуждаем, разглядываем, задаем вопросы*), что требует не просто заинтересованной позиции слушателя, но его активного включения и обязательной обратной связи.

Хорошо продуманной в представленных жанровых опытах на этой платформе является и сама *тональность беседы, ее стилевой рисунок*. Например, в программе Александра Архангельского, посвященной истории отечественного образования [8], мы являемся свидетелями «смешанного» стилевого регистра в оформлении диалога: книжные высказывания («петровская парадигма образования», «рамка единого петровского проекта», «приобрел национальный статус») сочетаются с разговорными и просторечными выражениями («молодые люди болтаются в Москве», «выбивают себе бюджеты», «пытаются что-то преподавать частным образом», «известные прибывальщики»), что придает повествованию естественность и живость. И такое *жанрово-стилевое оформление диалога* выходит за пределы только информационного и образовательного контекста, мы опосредованно ощущаем и понимаем *авторскую оценочную тональность* в характеристике важных историко-культурных фактов, что характерно для жанра *социативов* и позволяет придать познавательному диалогу «режим доверительности». А музыкальное сопровождение как фон интеллектуальной беседы и смена мелодики и тональности звучания текста при переходе к новой теме беседы помогает слушателям дополнительно перестроить регистры восприятия информации, сохраняя при этом «интеллектуальную бодрость», которая должна сопровождать *получение новых знаний*.

Действительно, о таких универсальных медийных материалах с усовершенствованной сменой кодов для передачи и восприятия информации в традиционной системе образовательных ресурсов нам остается только мечтать. Обращает на себя внимание тот факт, что в жанровый режим просветительского диалога включены актуальные сегодня «сервисные жанры»: консультации, итоговые вопросы для самопроверки, небольшие игровые и тестовые задания – все, что помогает пользователю полнее понять и освоить тему того или иного курса.

Анализируя все преимущества данного образовательного интернет-сегмента, не можем не согласиться с *мессенджем* создателей портала, размещенном на входе на портал как самопрезентация: «Arzamas.academy – магический проект, посвященный истории культуры. Мы рассказываем самыми разными способами о литературе, искусстве, истории и других гуманитарных науках, то есть о самом интересном в мире» [6].

Не менее активно идет разработка новых жанровых моделей в контексте телевизионного вещания на канале «Культура» и, соответственно, в интернет-формате

и социальной сети, на платформах, закрепленных за каналом. Так, последний год ознаменовался открытием интересной новой **образовательной площадки «Семинар»** [9].

«Семинар» позиционирует себя как *образовательная программа в формате лекции или семинара*. Знакомая академическая жанровая форма получила прекрасное обновление в режиме **виртуального диалога о важнейших гуманитарных ценностях**. Остается неизменным жанрообразующий принцип образовательного хронотопа: компетентный автор (персона) ведет *образовательную беседу*, включает яркие, свежие факты, опираясь на собственные изыскания, *позиционирует себя и свою научную идею*, которая всегда неординарна и ярко высказана. Это очень важный факт – *компетентность спикеров и их персональная ответственность* за представленный материал. В предварительном начальном видеофайле программы содержится *имиджевая информация* о спикере очередного семинара, и эта открытая информация может рассматриваться как диалоговый прием – получить «кредит доверия» участников программы, знакомя их заранее с научной биографией очередного спикера и формируя представление о его интеллектуальном бэкграунде.

Очень технологично и современно выглядит пространство студии, где идут съемки этой образовательной телепрограммы: мы оказываемся в просторном зале коворкинга, оператор помогает передать свободную и открытую атмосферу «включенного» и заинтересованного диалога, мы хорошо видим, благодаря эффекту панорамной съемки и крупным планам, слушателей в зале, сидящих в естественной позе, в удобных мягких креслах, и начинаем ощущать себя тоже включенными в это образовательное диалоговое пространство, что воссоздает принятую сегодня «одомашненность» учебно-познавательного контекста, помогает снять напряжение, настраивает на комфортность в непростом интеллектуальном социокультурном диалоге, включающем только актуальные и «свежие факты».

К числу важных *жанровых тактик* новой телепрограммы следует отнести *форму коллективного, публичного обсуждения научной информации* в конце программы. Участники беседы задают вопросы спикеру, уточняют ключевые параметры «образовательного диктума», что и соотносится с самой номинацией такой жанровой формы интернет-диалога, как **семинар** – способ *формирования компетенции участников диалога и оптимизации их когнитивных способностей*. А значит, семинар – это **новая форма просветительского живого интернет-общения** с аудиторией о своем и чужом научном опыте, и, в отличие от платформ, рассмотренных ранее, подобная форма **интегрирует** задачи жанра «социатива», нацеленного на передачу новостной и актуальной информации, и жанра «инструктива», предполагающего дискуссионность и выработку *рабочего прикладного знания*. Нам кажется, именно на такой новый жанровый опыт и ориентировали нас создатели телеплатформы «Семинар».

Подведем итоги

Жанровые модели высказываний, представленные в интернет-среде как просветительский медиум-контент, решают важнейшие задачи информирования и сопровождения пользователей. Жанровый опыт интернет-дискурса чаще всего пред-

ставлен как интерактивный диалог – познавательная, просветительская беседа, дополненная элементами сторителлинга, оценки или иронического обыгрывания классического сюжета, часто включающая дополнительный контент для самообразования пользователей, что, в свою очередь, формирует коммуникативно-речевые компетенции участников диалога, развивает их когнитивные способности; читатели и зрители часто не только вовлечены в интерактивный диалог, но и выступают полноправными участниками речевого действия на образовательном портале. Предлагаемый жанровый опыт интернет-дискурса отвечает актуальным гуманитарным задачам познавательного и социокультурного сопровождения интернет-пользователей.

Ссылки

1. Карасик В. И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
2. Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативная экспликация личности // Жанры речи. 2016. № 2. С. 105–115.
3. Антонова Л. Г., Рыженкова К. А. Коммуникативные инструменты организации диалога в сетевом книжном блогинге // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 3. С. 318–325. DOI 10.18255/2412-6519-2021-3-318-325.
4. Альманах «ArtifexRu». URL: <https://artifex.ru> (дата обращения: 30.09.2022).
5. Жаринов Н. Топ 10 книг, меняющих жизнь [Исповедь литературоведа] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yddFxeeAhVQ&list=WL&index=2&t=90s> (дата обращения: 30.09.2022).
6. Образовательная площадка «Арзамас» (Arzamas.academy). URL: <https://arzamas.academy/radio> (дата обращения: 30.09.2022).
7. Образовательная площадка «Арзамас» (Arzamas.academy). URL: <https://arzamas.academy/courses/66/1> (дата обращения: 30.09.2022).
8. Образовательная площадка «Арзамас» (Arzamas.academy). URL: <https://arzamas.academy/courses?kind=special> (дата обращения: 30.09.2022).
9. Семинар: образовательная программа // Смотрим: сетевое издание. URL: <https://smotrim.ru/brand/67562> (дата обращения: 30.09.2022).

Secondary anthroponymic nomination of Russian servicemen: structural and semantic features of call signs

N. A. Rodina¹

¹Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-450-462

Research article
Full text in Russian

Despite the growing interest in the military nomination, today call signs remain an absolutely unexplored onomastic category. According to the definition developed by the author, the call sign is an additional naming given in order to hide the official one; a word or phrase, a combination of words and numbers used by communicants through communication channels. The article attempts to establish a connection between the call sign used and the language personality of a serviceman. An analysis of the semantics and structure of identifiers will make it possible to identify their associative background, reveal possible motives for the nomination and features of functioning. The study was conducted on the material of the call signs used by Russian soldiers and officers during the special military operation in the Donbass: in 2014-2022. As a result of the collection of onyms from open sources, a card index was obtained, which made it possible to create the author's classification, identify the specific features of the most striking call signs from the isolated semantic groups, characterize the structure, and also determine the morphological affiliation of the correlates. The analysis showed that the call signs are represented by two semantic categories: those formed from proper names and from common nouns. They are one-word and correlate in the vast majority with substantives. Thus, Russian call signs are unique linguistic markers of servicemen, identifying soldiers, maintaining confidentiality, and at the same time reflecting the creative component of the serviceman's language personality. The research material can be used in the educational process both in military and civilian universities.

Keywords: call sign; language personality; Russian serviceman; semantic features; structural features

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rodina, Nadezhda A. | E-mail: esperance84@mail.ru
| Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Rodina N. A. Secondary anthroponymic nomination of Russian servicemen: structural and semantic features of call signs // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 4. P. 450-462. (in Russ.)

Вторичная антропонимическая номинация русских военнослужащих: структурно-семантические особенности позывных

Н. А. Родина¹

¹Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, ул. Большая Садовая, 14, Москва, 123001, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-450-462
УДК 81'373.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Несмотря на возрастающий интерес к военной номинации, на сегодняшний день позывные остаются абсолютно не изученной ономастической категорией. По определению, выработанному автором, позывной – дополнительное именование, данное с целью сокрытия официального; слово или словосочетание, сочетание слов и чисел, используемое коммуникантами по каналам связи. В статье предпринимается попытка установить связь между используемым позывным и языковой личностью военнослужащего. Анализ особенностей семантики и структуры идентификаторов позволит выявить их ассоциативный фон, вскрыть возможные мотивы номинации и особенности функционирования. Исследование проводилось на материале позывных, применяемых русскими солдатами и офицерами во время боевых действий на Донбассе: в 2014–2022 годах. В результате сбора онимов из открытых источников была получена картотека, позволившая создать авторскую классификацию, выявить специфические черты наиболее ярких позывных из вычлененных семантических групп, охарактеризовать структуру, а также определить морфологическую принадлежность коррелятов. Проведённый анализ показал, что позывные представлены двумя семантическими категориями: образованными от имён собственных и от нарицательных. Они однословны и соотносятся в подавляющем своем большинстве с субстантивами. Таким образом, русские позывные представляют собой уникальные языковые маркеры военнослужащих, идентифицирующие бойцов, сохраняя конфиденциальность, и в то же время отражающие творческую составляющую языковой личности военнослужащего. Материал исследования может быть использован в учебном процессе как в военных, так и в гражданских вузах.

Ключевые слова: позывной; языковая личность; русский военнослужащий; семантические особенности; структурные особенности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Родина, Надежда Андреевна | E-mail: esperance84@mail.ru
Кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского языка

Для цитирования: Родина Н. А., Рыженкова К. А. Вторичная антропонимическая номинация русских военнослужащих: структурно-семантические особенности позывных // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 450-462.

Вторичная номинация и особенности ее бытования в военном социуме всегда представляли собой тайну, приоткрыть которую было интересно, но опасно: функционирование подобных имён собственных зачастую касалось защиты как самого именуемого, так и государства в целом. Такие неофициальные идентификаторы, как прозвища, не задокументированы, применяются в дружеской, неформальной коммуникации, получить доступ к которой и использовать в провокационных целях практически не представляется возможным. Вторым, менее доступным для стороннего наблюдателя, видом вторичных антропонимов являются позывные.

Использование позывных представляет собой исторически сложившуюся практику, свойственную всем видам и родам войск. В качестве примеров можно привести так называемые агентурные псевдонимы разведчиков: Инсон и Рамзай у Рихарда Зорге, Джек – у Яна Черняка, Большой шеф – у Леопольда Треппера, Дора – у Шандора Радо, Кент – у Анатолия Гуревича [1]. Сегодня вопрос изучения военных позывных приобрел особую актуальность, поскольку они являются единственным способом именования военнослужащих в процессе коммуникации при проведении военных действий. Если фамилия, имя и отчество являются секретными сведениями, не подлежащими разглашению, то с согласия командира и бойца позывной может быть размещен в надёжных средствах массовой информации, например, в качестве подписи автора комментария в рамках репортажа с места боя.

В профессиональном военном понимании позывным является «слово или сочетание букв, цифр, присваиваемое узлам и станциям связи объединений, соединений и частей (кораблей, самолётов), подразделениям, а также командирам и другим должностным лицам, используемое для скрытия их истинного наименования от противника при переговорах по техническим средствам связи. Позывные кораблей и соединений ВМФ используются также для опознавания. Они подаются радиотехническими и светосигнальными средствами, а также флагами» [2].

К сожалению, в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской отсутствует статья, посвящённая позывному как ономастической категории. Этот факт может иметь лишь одно объяснение: в 70-х–80-х годах XX века информация о применении тех или иных позывных военных оставалась засекреченной, а среди гражданского населения (например, поисково-спасательных отрядов) этот вид именования еще не получил широкого распространения. В то же время всем были известны позывные Ю. А. Гагарина и С. П. Королёва: Кедр и Заря. Существование подобного рода специфической вторичной номинации являлось очевидным.

В то же время, исследуя различные категории имён собственных уже в конце XX в., А. В. Суперанская, один из крупнейших исследователей, не нашла в своей классификации места для позывных. Работы других учёных-ономастов первых десятилетий XXI в. также не касаются этих лексических единиц.

На сегодняшний день, несмотря на актуальность, научных трудов, посвященных позывным или же свидетельствующих о выделении позывных в ономастическую категорию другими исследователями, нами также не было обнаружено. Лишь в статье С. Н. Волковой «Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова «Знак зверя»)» имеется упоминание позывного-онима: «Позывные, пароли – группа ПО (периферийных онимов – прим. авт.) <...> являются ярким средством, маркирующим военную среду <...> мы считаем их отдельной группой ПО, исследование которых может дать интересные результаты» [3, с. 12].

Таким образом, нашим рабочим определением позывного как ономастической категории можно считать следующее: дополнительное именование, данное с целью сокрытия официального; слово или словосочетание, сочетание слов и чисел, используемое коммуникантами (единичными лицами, теми или иными их объединениями) для общения по каналам связи.

Следует отметить, что, в отличие от прозвища, которое также представляет собой вторичную номинацию человека, выделяющую его среди прочих по какому-то признаку, мотивы присвоения военнослужащему позывного в большинстве случаев остаются для стороннего наблюдателя трудно вскрываемыми в отсутствие дополнительной информации о носителе.

В связи с катастрофически малым количеством материалов, в которых бы находилось истинное объяснение военнослужащим происхождения своего позывного (нами были найдены лишь единичные статьи), анализ открытых источников, содержащих упоминания этих именовании, позволяет расклассифицировать примеры антропонимов с точки зрения семантики и структуры языковых единиц, от которых образованы позывные. Поскольку командиры и бойцы выбирают позывные самостоятельно либо соглашаются с предложенными воинским коллективом, выявленные особенности представляют собой ценный вклад в комплексное изучение ономастической составляющей языковой личности российского военнослужащего.

24 февраля 2022 г. Российская Федерация начала проведение на Украине специальной военной операции, в которой принимают участие представители российских силовых структур, оказывая поддержку бойцам Донецкой и Луганской Народных республик – молодым государствам, находящимся на территории бывших Донецкой и Луганской областей Украины. Донецкая Народная республика (далее – ДНР) была провозглашена 7 апреля 2014 г., Луганская Народная республика (далее – ЛНР) – 27 апреля 2014 г. 11 мая того же года на части территорий Донецкой и Луганской областей состоялись референдумы о самоопределении, в результате которых 12 мая 2014 г. была провозглашена независимость ДНР и ЛНР от Украины, однако последняя не признала ее, посчитав сторонников суверенитета республик Донбасса сепаратистами и террористами, и начала продолжительную операцию по зачистке областей. В результате боевых действий 2014–2015 гг. под контролем ДНР и ЛНР оказались центральные и южные районы, около трети Донецкой и Луганской областей [4; 5].

21 февраля 2022 г. Россия признала суверенитет ДНР и ЛНР, через 3 дня Вооружённые силы России вошли на территорию республик и Украины с целью денацификации и демилитаризации территорий. Союзные боевые действия основаны на указах Президента РФ В. В. Путина о признании дружественных республик и помощи в поддержании мира на их территории¹².

Следует отметить, что конфликт на Донбассе основывается на этнической принадлежности жителей: они считают себя русскими, говорят по-русски и выступают против русофобии, стремительно распространившейся по всей территории Украины.

¹ О признании Донецкой Народной Республики: указ Президента РФ от 21 февраля 2022 г. № 71. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002> (дата обращения – 05.09.2022).

² О признании Луганской Народной Республики: указ Президента РФ от 21 февраля 2022 г. № 72. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001> (дата обращения – 05.09.2022).

В соответствии с русским самосознанием бойцов и коммуникацией, осуществляющейся на русском языке, в нашем исследовании мы приравниваем бойцов ЛНР и ДНР к российским участникам специальной военной операции и проводим анализ их позывных без учёта территориальной принадлежности.

Поскольку в спецоперации принимают участие и используют русские позывные различные военнослужащие, необходимо дать им краткую характеристику, чтобы внести ясность в их социолингвистический статус.

Вооружённые Силы Российской Федерации – российская государственная военная организация, предназначенная для отражения агрессии, вооружённой защиты территориальной целостности и неприкосновенности территории страны и выполнения задач в соответствии с международными договорами [6].

Полк полиции специального назначения имени Героя России А. А. Кадырова Министерства внутренних дел по Чеченской Республике был образован в 2004 г. Полк имел опыт участия во Второй чеченской войне, до начала проведения специальной военной операции на Донбассе поддерживал правопорядок в Чеченской Республике, и в первые дни спецоперации вызвался добровольно помогать союзным ДНР и ЛНР [7].

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия), созданная на основе Внутренних войск МВД России, относится к государственным военизированным организациям и осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности Войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности и в сфере вневедомственной охраны [8].

Народная милиция Донецкой Народной Республики представляет собой военную структуру исполнительной государственной власти ДНР, управляемую Министерством обороны ДНР [9].

Народная милиция Луганской Народной Республики является военной структурой исполнительной государственной власти ЛНР, руководит которой Министерство обороны ЛНР. Особым подразделением Народной милиции ЛНР является 6-й казачий полк имени атамана Матвея Платова, сформированный из нереестровых донских казаков [10].

Целью настоящего исследования явился структурно-семантический анализ существующих позывных бойцов дружественных сил РФ, ДНР, ЛНР, а также объединённых освободительных групп.

С целью выявления специфических черт этих имен собственных нами были проанализированы русские позывные, упоминаемые в открытых источниках. Обработаны выпуски новостей телеканалов «Рен-ТВ», «Известия», частных информационных каналов на платформах YouTube и RUTUBE, а также публицистические статьи, рассказывающие о событиях на Донбассе в 2014–2022 годах. В результате сбора ономастического материала картотека русских военных позывных составила 120 единиц.

Собранная картотека позволила расклассифицировать языковые единицы, выделив в зависимости от семантики коррелятов две категории, разбивающиеся на подкатегории и далее – группы позывных. Несколько единиц, не получивших семантического объединения в силу своей единичности или неясности значения, были помещены в категорию «Иные позывные». Качественно-количественное распределение единиц картотеки представлено в Таблице 1.

Семантическое распределение

Позывные, образованные от имён собственных				Позывные, образованные от имен нарицательных									Иные позывные
				характеризующих человека					характеризующих объекты живой и неживой природы				
От антропонимов	От мифонимов	От топонимов	От хремотонимов	По внешним признакам человека	По обозначениям степени родства	По профессиональной деятельности	По обозначению социального статуса	По территориальной / этнической принадлежности	От обозначений животных и растений	От обозначений природных явлений	От обозначений природных материалов	От обозначения предметов	
6	2	7	4	12	3	21	2	10	14	5	3	7	4

Рассмотрим первую категорию позывных, образованных от имён собственных. В совокупности они насчитывают 39 единиц и в зависимости от объекта первичной номинации подразделяются на 4 группы. В первую вошли *отантропонимические* именованья: *Аладдин, Ангел, Анри, Ахмат-1, Балу, Бодя, Будулай, Бэтмен, Воха, Гиви, Гудвин, Даня, Клим, Коба, Луиш, Макаревич, Мамед, Моня, Москаль, Сауд, Спартак, Толлич, Тугарин, Че Гевара, Штирлиц, Шурик, Янек*.

Анализируя эти единицы картотеки, прежде всего мы разделили их на образованные от реальных имён и фамилий, а также именованных персонажей различного рода произведений. К первым можно отнести позывные *Бодя* (Богдан), *Будулай, Воха* (Владимир), *Гиви, Даня* (Данила или Даниил), *Клим* (Клим или Климентий), *Коба, Луиш, Мамед, Моня* (Моисей), *Москаль* (Москаленко), *Сауд, Толлич* (Анатолий), *Шурик* (Александр), *Янек* (Ян). Доподлинно известно, что боец взял себе в качестве идентификатора имя тестя – *Анри* [11]. И очевидно, что командир полка имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова носит позывной *Ахмат-1*. Интересным является именование *Москаль*, образованное от фамилии носителя-бойца – Москаленко. Этот позывной имеет юмористические мотивы номинации, поскольку москалями украинцы пренебрежительно называют русских.

От фамилий известных деятелей получили происхождение *Макаревич* и *Че Гевара*. Однако, если в присвоении позывного в честь революционера Эрнесто Че Гевары нам удалось выявить логику, мотивы номинации от фамилии музыканта остаются не вполне понятными.

К позывным, образованным от имен когда-либо выдуманных личностей, относятся *Аладдин* (боец может быть достаточно удачливым, бесстрашным, всегда готовым помочь нуждающимся и проучить злодеев), *Балу* (сильный, как медведь – друг Маугли), *Бэтмен* (герой комиксов, каратель преступников), *Гудвин* (волшебник, исполняющий желания; боец может быть способен на непосильные для других поступки), *Спартак* (легендарный лидер восстания рабов отличался силой, ловкостью и смелостью, искусно владел оружием), *Тугарин* (злой былинный богатырь; позыв-

ной может быть дан для устрашения вражеских знатоков славянского эпоса). Кроме того, позывной *Бэтмен* выбран бывшим начальником штаба 4-й бригады ЛНР по созвучию с фамилией *Беднов* [12]. Русский боец, приехавший в Донецк в 2014 году из Германии, получил именование *Штирлиц* в честь Макса Отто фон Штирлица – литературного героя, штандартенфюрера СС, советского разведчика-нелегала, работавшего в интересах СССР в нацистской Германии [13].

Отдельно необходимо отметить именование *Ангел*, поскольку оно является своеобразной аббревиатурой: в интервью командира говорится, что позывной образован по первым буквам имён бойцов подразделения: Андрей, Николай, Георгий, Евгений и Леонид [14].

От *мифонимов* образованы всего два позывных – *Водяной* и *Леший*. Что характерно для описываемой категории военнослужащих, оба фантастических существа, имена которых были трансформированы в позывные, выбраны отнюдь не случайно: во-первых, они относятся к пантеону восточнославянских богов (являлись духами водоемов и лесов соответственно), а во-вторых, их именованья представлены именно в русскоязычном варианте (ср.: в украинском варианте они бы звучали как *Водник* и *Лісовик*). Вероятнее всего, бойцы с этими позывными очень хорошо ориентируются на данных местностях, чувствуя себя своего рода хозяевами территорий.

Менее многочисленна группа позывных, соотносящихся с названиями *географических объектов*. В ее состав вошло всего 7 именованья: *Дон*, *Донец*, *Камчатка*, *Курган*, *Терек*, *Тоскана* и *Фобус*. *Дон* и *Донец* являются названиями рек, протекающих по защищаемым территориям. *Терек* – река на Северном Кавказе, соответственно, позывной, коррелирующий с этим гидронимом, может иметь военнослужащий кавказского происхождения. Боец с позывным *Курган* мог прибыть на Донбасс из Курганской области. А военнослужащий с позывным *Камчатка* действительно приехал с Дальнего Востока [15]. *Фобус* представляет собой измененный космоним *Фобос* – название спутника Марса, данное в честь древнегреческого бога Фобоса, сына бога войны Ареса. Что касается позывного *Тоскана*, то, по словам самого бойца – военнослужащего саперного подразделения, это именование он выбрал из уважения к своей напарнице-собаке с кличкой *Тоскана*, которая, в свою очередь, по неизвестным нам причинам была дана по названию области в центральной части Италии.

От названий *объектов материальной культуры* образованы всего четыре позывных из нашей картотеки: *Вальтер*, *Калаш*, *Моторола* и *Холс*. Первые два произошли от названий огнестрельного оружия. Так, *Вальтер*, вероятно, коррелирует с маркой пистолета Walther PP, разработанного фирмой «Вальтер», одного из первых массовых пистолетов с ударно-спусковым механизмом двойного действия. Позывной *Калаш*, разумеется, произошел от народного названия автомата Калашникова – самого надежного огнестрельного оружия, имеющегося на вооружении армий на сегодняшний день. *Холс* может соотноситься с прагматонимом, называющим освежающие леденцы. Причем слоганом рекламы этого продукта являлось высказывание «Дышите свободно!», что может совершенно по-новому пониматься в условиях борьбы за суверенитет. Позывной *Моторола* принадлежал Арсену Павлову, убитому лидеру защитников Донбасса. Именование было дано по марке его рации Motorola, работавшей практически во всех условиях [11].

Однако гораздо большее количество позывных образовано от *имён нарицательных*. Так же много и семантических групп, объединяющих апеллятивы, с которыми гипотетически соотносятся собранные нами именованья военнослужащих.

Эта категория может быть условно разделена надвое в зависимости от описываемого апеллятивом объекта: позывные, образованные от имён нарицательных, характеризующих человека, и позывные, образованные от имён нарицательных, характеризующих иные объекты живой и неживой природы.

Как видно из таблицы, в картотеке суммарно (48 единиц) преобладают именованья, образованные от описаний человека.

Прежде всего необходимо обратить внимание на обозначения занимающихся той или иной деятельностью. Среди собранных позывных (21 единица) находятся *Боцман, Бухгалтер, Варяг, ВДВ, Док, Звездочёт, Кучер, Матрос, Мичман, Моджахед, Ниндзя, Пахарь, Пират, Поэт, Рыбак, Ситх, Фотограф, Шаман, Шахтёр, Эколог, Якудза*. Корреляты этих именованний мы условно разделили на 2 подгруппы: обозначения рода постоянной занятости / должностей и обозначения увлечений. К первой относятся *Боцман, Бухгалтер, ВДВ* (десантник), *Док* (врач), *Кучер, Матрос, Мичман, Ниндзя, Пахарь, Пират, Шаман, Шахтёр, Эколог, Якудза*. Отметим, что некоторые из них относятся не столько к профессиям, сколько к специфической деятельности: например, пираты и якудза являются скорее представителями организованных преступных группировок. Шаман – волшебник в мифологии буддистских и языческих народностей. Дознаватель с таким позывным, возможно, настолько успешно ведёт допросы вражеских бойцов, что его способности кажутся сверхъестественными. Поскольку моджахед – боец вооружённых формирований в странах мусульманского Востока, вполне логичен, на наш взгляд, выбор соответствующего позывного заместителем командира специального полка имени А. Кадырова. Ситхами же называли группу жестоких воинов из фантастической вселенной «Звёздных войн». Однако в русских позывных отражаются не негативные характеристики, свойственные, например, морским или японским бандитам, а решительность и смелость, присущая им. Именованья второй группы – *Поэт, Рыбак и Фотограф* – в качестве апеллятивов имеют обозначения хобби. Поскольку мы мало знаем о недолгом свободном времени участников спецоперации, можем предположить, что некоторые позывные отражают реальные увлечения носителей. Так, например, вполне вероятно, что военнослужащий с идентификатором *Поэт* в свободное время пишет стихи.

Несколько меньше позывных (12 единиц) в группе именованний, образованных от обозначений особенностей внешнего вида и поведения человека: *Белый, Борода, Длинный, Лютый, Малой, Мелкий, Старый и Ворчун, Заика, Маньяк, Пенсия, Призрак* соответственно. В некоторых случаях возможность визуализации носителя помогает внести ясность в мотив номинации. Так, например, судя по видеозаписи, на которой боец Андрей с позывным *Малой* даёт интервью, это именование было присвоено в соответствии с молодым возрастом [16]. Другой военнослужащий использует позывной *Белый*, поскольку у него видна седина волос. А *Пенсия*, покинувший Донбасс на некоторое время и затем вернувшийся туда, в качестве объяснения происхождения своего позывного рассказывает корреспонденту следующее: «Я был здесь еще с 2015 года, потом уезжал и вернулся назад. Я не могу, мои боевые ребята здесь» [17]. В отношении мотивов номинации остальных именованний возможны лишь предположения. *Ворчун* и *Заика* могут иметь некоторые речевые особенности. *Борода*, вполне вероятно, обладает густой растительностью на лице. *Длинный* высок, а *Мелкий* – низок (либо так же юн, как *Малой*). Боец с позывным *Старый* может отличаться преклонностью лет, однако также вероятна и значительность срока его службы в рядах защитников Донбасса. *Лютый, Маньяк и Призрак* – позывные,

которые, по нашему мнению, даны военнослужащим в соответствии с поведением во время боя. Так, например, *Маньяк* может вести весьма ожесточенную боевую деятельность, а *Призрак* – обладать умением передвигаться скрытно, оставаясь невидимым для врага. Однако нельзя исключить и какую-то другую мотивацию.

С обозначениями жителей определённых местностей соотносится 10 единиц картотеки: *Абхаз, Араб, Викинг, Грузин, Индус, Иркут, Латыш, Тунгус, Хохол, Чечен*. Большинство апеллятивов являются обозначениями народностей, при этом маловероятно, что боец действительно является, представителем указанного этноса. Так, например, боец с позывным *Индус* отправился воевать за родной край – Донбасс – с острова Гоа, за что получил от товарищей этот идентификатор [18]. Скорее всего, эти позывные даны лишь по некоторой схожести военнослужащих с представителями других национальностей. Что касается *Тунгуса* и *Иркута*, то точно известно, что первый был медиком в Туве, следовательно, второй боец тоже мог приехать из местности, находящейся в Иркутской области.

Одна из самых малочисленных групп включает три позывных, коррелирующих с обозначениями степени родства: *Батя, Кум* и *Мама*. Из интервью военного медика Валентины мы выяснили, что она по-матерински относится к бойцам, в результате чего получила маркер *Мама* [19]. Аналогичные мотивы могут иметь и два других именованя.

Самая маленькая по количеству единиц – это группа, объединяющая всего два позывных по семантике апеллятивов – обозначений лиц по социальному статусу: *Паныч* и *Шах*. Первое именование обладает уважительной коннотацией, поскольку не только образовано от общепринятого на Украине и в Польше обращения к барину, но и имеет в своем составе суффикс *-ыч-*, традиционный для отчеств и в случае с другими онимами, например, прозвищами, как правило, также применяемый для выражения почтительности. По нашему мнению, маркированность второго идентификатора связана с отношениями внутри группы коммуницирующих военнослужащих, так как носитель – погибший Рябинин Артём Андреевич – не имеет прямого отношения к Востоку, где в некоторых странах монархов называли шахами.

Наибольшее количество отапеллятивных единиц, образованных от имен нарицательных, характеризующих объекты живой и неживой природы (суммарно 29 единиц), находится в подгруппе именованя, соотносящихся с обозначениями представителей флоры и фауны. В нее входит 14 позывных: *Берёза, Кедр, Клён* и *Аллигатор, Выдра, Кабан, Комар, Крокодил, Кот, Лис, Лось, Медведь, Орёл, Птица* соответственно.

Один из военнослужащих Народной милиции ЛНР имеет позывной *Кедр*, вероятно, в память о первом космонавте планеты. Его товарищи же выбрали идентификаторы, образованные от обозначений традиционных деревьев средней полосы, одним из которых является символ России – берёза. Национальный животный символ – медведь – с его лучшими качествами охотника послужили основанием для создания позывного. Общие черты с другими сильными и смелыми представителями фауны могли найти в себе бойцы с позывными *Аллигатор* и *Крокодил, Кабан, Кот, Лис, Лось, Медведь Орёл* и *Птица*. Боевой идентификатор *Выдра*, принадлежащий командиру интернациональной группы «Пятнашка», может свидетельствовать об осторожности и наблюдательности носителя, поскольку эти черты характера присущи выдре. Не менее интересным является позывной *Комар*. Апеллятив, от которого он образован, обладает богатым ассоциативным фоном: комар юркий, хитрый и настойчивый в достижении своей цели.

Апеллятивы семи единиц картотеки позывных – обозначения различных предметов: *Багги*, *Бритва*, *Метла*, *Пуля*, *Симка*, *Струна*, *Утюг*. При этом корреляты позывных *Пуля* и *Багги* (открытый военный внедорожный автомобиль) принадлежат семантическому полю «война», а остальные в своем прямом значении связаны лишь с бытовой сферой. Однако бойцами они выбраны неслучайно: бритва острая и при неосторожном использовании может быть опасной, метлу используют для наведения чистоты и порядка, симка (SIM-карта) необходима для сотовой связи, а с натянутой струной связывают очень напряженное эмоциональное состояние, в котором зачастую находятся защитники Донбасса. Боец с позывным *Утюг* артиллерийским огнём «утюжит» позиции врага [20]. Следует отметить, что позывной *Багги* также был выбран командиром взвода батальона номер 13 территориальной обороны ЛНР также по созвучию со своей фамилией – Багирян [12].

Далее следует группа, состоящая из пяти позывных, – это именованные от обозначений природных явлений. К ним относятся *Вьюга*, *Гроза*, *Заря*, *Искра* и *Огонь*. По сложившейся традиции, демонстрируя мощь изделия, многие рукотворные советские и российские объекты носят названия погодных и стихийных явлений (например, пылесос «Циклон», снегоход «Буран»). Не являются исключением и вооружение и военная техника (например, противотанковый ракетный комплекс «Вихрь»). Это одновременно подчеркивало уважение человека к природе и намекало на готовность дружественных природных сил всегда прийти на помощь русскому воину. Эту традицию переняли современные бойцы, что доказывают собранные позывные. Так, *Вьюга* и *Гроза* вызывают ассоциации с мощью, внушают трепет. Идентификатор *Заря*, помимо представляющей картины прекрасного утреннего или вечернего неба, передает напоминание о сменяемости времени, неминуемом начале нового дня. Традиционное для советского и постсоветского пространства именование *Искра* ассоциируется с разгорающимся из маленькой искры очищающим пламенем и, безусловно, стремительностью. Огонь коррелирует не только с обозначением одной из стихий, но и с тактическим термином, применяемым в отношении стрельбы.

И наконец, три позывных образованы от обозначения природных материалов: *Алмаз*, *Мрамор* и *Рубин*. Необходимо заметить, что от обозначения драгоценных камней произошли позывные советских космонавтов П. И. Беляева (*Алмаз*) и В. М. Комарова (*Рубин*). Они подчеркивали твёрдость характера космических пилотов. В отношении современных русских героев, воюющих на Донбассе, очевиден тот же мотив номинации идентичными позывными. Мрамор, коррелирующий с обозначением одного из самых прочных строительно-отделочных материалов, также эксплицирует одну из черт характера русского воина – негибкость духа.

Семантическую группировку коррелятов четырёх позывных произвести не удалось. К таким единицам относятся *Дак*, *Котэс*, *Омега* и *Север*. Апеллятив *Омега* представляет собой обозначение последней буквы греческого алфавита; возможно, позывной *Омега* взят с целью продемонстрировать желание военнослужащего положить конец угнетению жителей Донбасса. *Север* может маркировать бойца как с точки зрения его сурового характера, так и по месту, из которого он прибыл. С небольшой вероятностью *Дак* является каким-то сокращением – МакДак (Макдоналдс) или Дональд Дак (мультипликационный герой), однако в любом случае установить однозначную связь с личностью или деятельностью носителя не удалось. Значение слова, от которого произошел позывной *Котэс*, нам также не понятно, хотя оно мо-

жет быть производным от апеллятива кот и подчеркивать ловкость и живучесть военнослужащего.

Далее в соответствии с поставленными целями были проанализированы морфологические и структурные особенности коррелятов собранных позывных. Качественно-количественные результаты частичечного распределения представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Морфологическое распределение

Позывные с субстантивными коррелятами		Позывные с адъективными коррелятами
онимами	апеллятивами	
37	74	9

Как видно из таблицы, доминирующая часть позывных коррелирует с субстантивными формами онимов (*Спартак, Моторола, Моня* и др.) и апеллятивов (*Док, Рубин, Батя* и др.). Такая особенность относится практически ко всем именам собственным и связана с их номинативной функцией и стремлением к укорочению именованья из-за экономии языковых средств. Последнее особенно актуально в военной среде, поскольку исход тех или иных военных действий зависит от оперативности исполнения приказов, в свою очередь требующих эффективности коммуникации между командирами, командирами и бойцами, бойцами между собой. Очевидно почти двукратное преобладание апеллятивных коррелятов над онимными. На наш взгляд, это соотношение объясняется желанием военнослужащих подстраховать друг друга и не выбирать позывные, связанные с малознакомыми именами и названиями.

Адъективные апеллятивы единичны и встречаются лишь в двух семантических группах позывных – образованных от мифонимов (*Водяной, Леший*) и характеризующих человека по внешним признакам (*Белый, Длинный, Лютый, Малой, Мелкий, Старый*). В первой категории морфологически адъективность вторична, поскольку фантастические существа называются по месту своего предполагаемого обитания. Во второй же апеллятив является именем прилагательным, так как описывает человека.

Что касается структурных особенностей, то рассмотрение позывных выявило преобладание именованья в виде одиночных лексем, что говорит о традиционности такой формы в силу удобства использования и отсутствия отрицательного влияния на жизнеспособность подразделений. Появление же индексов в комбинации со словом (как, например, *Ахмат-1*) свидетельствует о систематизации в построении позывных и означает желание командира упорядочить именованья бойцов в своем подразделении. Именованья, представленных двумя и более лексемами, нами найдено не было.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы.

Русские военные позывные представляют собой отдельную ономастическую категорию, находящуюся на периферии в силу узкой сферы употребления единиц. По этой же причине эти именованья практически не исследованы, однако на современном этапе частотность появления данных имён собственных в СМИ позволяет проводить изыскания.

Позывные разнообразны и обладают ярким ассоциативным фоном, что обеспечивает их лёгкое и долгосрочное запоминание военнослужащими, а значит, и успешность установления и поддержания коммуникации.

Позывные представлены двумя семантическими категориями: образованными от имён собственных и от нарицательных. Отапеллятивные именованные встречаются почти в два раза чаще, что может быть объяснено вышеуказанными прагматическими особенностями общеупотребительной нарицательной лексики.

Среди идентификаторов, образованных от онимов, наиболее многочисленны отантропонимные, коррелирующие с именами и фамилиями реальных людей и различных персонажей, известных практически каждому бойцу.

Апеллятивы, от которых произошли позывные второй категории, представлены двумя большими подгруппами: характеризующими человека и характеризующими объекты окружающего мира. Для первых наиболее многочисленны позывные, образованные от обозначений человека по роду деятельности, для вторых – животных и растений. Это свидетельствует о том, что военнослужащий в боевых условиях не только становится человеком действия, но и стремится к близости с природой, объединяя с ней силы против врага.

Русские военные позывные однословны и соотносятся в подавляющем своем большинстве с субстантивами. В редких случаях корреляты являются адъективными первичными или вторичными формами.

Таким образом, русские позывные – уникальные языковые маркеры военнослужащих, идентифицирующие бойцов, при этом сохраняющие в секрете их личность от противника. Однако коннотация, присущая каждому вторичному именованию, позволяет носителю выделяться в коллективе по признаку, отражённому в позывном, реализуя тем самым потребность языковой личности военнослужащего в творчестве..

Ссылки

1. Азанов Р. От «Рамзая» до «Джека». Самые знаменитые советские военные разведчики // ТАСС. 2.11.2018. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/2406237> (дата обращения – 05.09.2022).
2. Позывной // Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9065@morfDictionary> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Волкова С. Н. Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова «Знак зверя») // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 6. С. 8–15.
4. Донецкая Народная Республика: официальный сайт. URL: <https://днронлайн.рф> (дата обращения: 05.09.2022).
5. Официальный сайт Правительства Луганской Народной Республики. URL: <https://sovminlnr.ru> (дата обращения – 05.09.2022).
6. Золотарёв В. А., Кокошин А. А. Вооружённые Силы // Большая российская энциклопедия: онлайн-ресурс. URL: <https://bigenc.ru/text/5033831> (дата обращения – 05.09.2022).
7. Корзун В. Гвардия Кадырова: на что способен чеченский спецназ // Сибнет. 14.03.2022 URL: <https://info.sibnet.ru/article/612455/> (дата обращения – 05.09.2022).

8. Росгвардия - Национальная гвардия России // Росгвардия: Информационный портал об Росгвардии [Не является официальным сайтом]. URL: <https://rosgvard.mosreg.su/> (дата обращения – 05.09.2022).
9. Народная милиция ДНР. Официальный сайт Управления Народной милиции ДНР. URL: <http://armiyadnr.su/> (дата обращения – 05.09.2022).
10. Народная милиция Луганской Народной Республики // Официальный сайт Правительства Луганской Народной республики. URL: <https://sovminlr.ru/narodnaya-miliciya/> (дата обращения – 05.09.2022).
11. Дурнев Д., Сажнева Е. Моторола и Боцман. Откуда берут позывные участники конфликта в Донбассе // МК. 12.10.2014. URL: <https://www.mk.ru/social/2014/10/12/motorola-i-bocman-otkuda-berut-pozyvnye-uchastniki-konflikta-v-donbasse.html> (дата обращения – 05.09.2022).
12. Убийства командиров ДНР и ЛНР: как погибли лидеры ополчения // РИА Новости. 08.02.2017. URL: <https://tass.ru/info/3710493> (дата обращения – 05.09.2022).
13. Корсак Л. Немец приехал воевать на Донбасс за ДНР и объяснил почему // МК. 11.07.2022. URL: <https://mk-ru.turbopages.org/mk.ru/s/social/2022/07/11/nemec-priekhal-voevat-na-donbass-za-dnr-i-obyasnil-pochemu.html> (дата обращения – 05.09.2022).
14. Золотухина А. Челябинский «Ангел» спас сотни детей Донбасса // Информационное агентство URA. 11.05.2022. URL: <https://ura.news/articles/1036284555> (дата обращения – 05.09.2022).
15. Коц А. «Очень коварное оружие». С чем столкнулись бойцы на передовой под Донецком // РИА Новости. 18.08.2022. URL: <https://ria.ru/20220818/pyatnashka-1809988024.html> (дата обращения – 05.09.2022).
16. ДНР. Донецк. Интервью с ополченцем, позывной «Малой» // ANNA-news. 12.09.2014. URL: <https://rutube.ru/video/81ee084423c9db31a439b900e7a21de8> (дата обращения – 05.09.2022).
17. Зименкин Д. Боец ЛНР рассказал, как ему достался позывной // РЕН ТВ. 18.05.2022. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/976805-boets-lnr-rasskazal-kak-emu-dostalsia-pozyvnoi> (дата обращения – 05.09.2022).
18. Ополченец из ДНР Индус разоблачил пропаганду ВСУ: «Сдаваться все начнут» // Царьград: сетевое издание. 28.01.2022. URL: https://tsargrad.tv/news/opolchenec-iz-dnr-indus-razoblachil-propagandu-vsu-sdavatsja-vse-nachnut_485953 (дата обращения – 05.09.2022).
19. Позывной – Мама // Газеты ДНР. 11.03.2019. URL: <https://gazeta-dnr.ru/pozyvnoj-mama/> (дата обращения – 05.09.2022).
20. Еремин С. Бойцы батальона «Восток» рассказали о прорыве обороны ВСУ у Угледара // Известия: сайт. 21.08.2022. URL: <https://iz.ru/1383023/2022-08-21/boitsy-batalona-vostok-rasskazali-o-proryve-oborony-vsu-u-ugledara> (дата обращения – 05.09.2022).